

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

ПРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вестник

ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Серия

История
и политические
науки

Тема номера:

ПРИРОДА И ИСТОКИ НАЦИЗМА:
РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
В БОРЬБЕ С НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ

2024 / № 2

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 2

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. — Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. — Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. — Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. — Domestic history (historical sciences); 5.6.2. — Global history (historical sciences); 5.6.5. — Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. — International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 2

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. 172 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K. A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 2. 172 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ПРИРОДА И ИСТОКИ НАЦИЗМА: РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В БОРЬБЕ С НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ

<i>Багдасарян В. Э.</i> Нация, нацизм и фашизм: социогуманитарные парадигмы политологических определений.	7
<i>Лантратова Я. В.</i> Русские в трансформирующейся этнической структуре населения государств «ближнего зарубежья»: демографические индикаторы политических процессов.	29
<i>Беспятова Е. Б., Лазарева Л. Н., Маслов Д. В., Суханова Н. И., Шашкова О. А.</i> Новые грани актуальных проблем новейшей истории (материалы круглого стола – презентации монографии «Листая страницы истории... к 100-летию образования СССР» в центре социально-политической истории, 14 февраля 2024 г.)	58

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шелудько В. О.</i> Субъекты полицейской деятельности на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв.	78
<i>Шефер А. А.</i> Троцкизм и сталинизм в идеологии современных российских левых	87

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ашрафьян К. Э.</i> Хронология открытия и освоения Флориды в XVI веке. Часть 5. Начало французских притязаний на Новый Свет и продолжение освоения Флориды 1523–1525 ..	96
<i>Хазанов А. М., Гасратян С. М., Иерусалимская С. Ю.</i> Политика Сирии на международной арене во второй половине 1980-х – 1991 гг.	123
<i>Рудь А. А.</i> «Спонтанные порядки» в политической философии Ф. Хайека.	133
<i>Чень Сыли.</i> Решение проблем дискриминации женщин в современном Китае.	142

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Зверев К. А.</i> Проблематика политики памяти стран Балтии в отечественной и прибалтийской историографии.	150
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Телицын В. Л.</i> Рецензия на книгу: Политические партии России. Конец XIX – начало XX вв.: в 3 т. / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 2067 с.	164
---	-----

CONTENT

THEME OF THE ISSUE: NATURE AND ORIGINS OF NAZISM: RUSSIAN HUMANITIES IN THE FIGHT AGAINST NAZI IDEOLOGY

- V. Baghdasaryan.** Nation, Nazism and Fascism: Socio-Humanitarian Paradigms of Political Science Definitions. 7
- Y. Lantratova.** Russians in the Transforming Ethnic Structure of the Population of the “Near Abroad” States: Demographic Indicators of Political Processes 29
- E. Bespyatova, L. Lazareva, D. Maslov, N. Sukhanova, O. Shashkova.** New Facets of Topical Problems of Contemporary History (Materials of the Round Table – Presentations of the Monograph “Leafing Through the Pages of History... To the 100th Anniversary of the Formation of the USSR” in the Center of Socio-Political History, February 14, 2024) 58

DOMESTIC HISTORY

- V. Sheludko.** Subjects Of Police Activity in the Russian Far East in the Late 19th – Early 20th Century 78
- A. Shefer.** Trotskyism and Stalinism in the Ideology of the Contemporary Russian Left-Wingers 87

WORLD HISTORY

- K. Ashrafyan.** Chronology of the Discovery and Development of Florida in the 16th Century. Part 5. The Beginning of the French Claims to the New World and the Continuation of the Exploration of Florida 1520–1522 96
- A. Khazanov, S. Gasratyan, S. Ierusalimskaya.** Syria's Policy in the International Arena in the Second Half of the 1980s – 1991 123
- A. Rud.** «Spontaneous Order» in the Political Philosophy of F. Hayek 133
- Chen Sili.** Addressing Discrimination Against Women in Modern China 142

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- K. Zverev.** Problems of the Memory Policy of the Baltic Countries in Domestic and Baltic Historiography 150

ACADEMIC LIFE

- V. Telitsyn.** Book Review: Political Parties of Russia. The End of the 19th – Beginning of the 20th Century: In 3 Volumes / Ed. V. V. Zhuravlev. Moscow: Politicheskaya Encyclopedia Publ., 2022. 2067 p. 164

Тема номера:

ПРИРОДА И ИСТОКИ НАЦИЗМА: РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В БОРЬБЕ С НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ

Нацизм в 1945 г. был побеждён, но не добит. Нацисты ушли в подполье, готовились и жаждали реванша. Выход из подполья стал возможен после 1991 г. Главная антинацистская сила мира в лице СССР была упразднена, и дорога для неонацистов открылась. В одних случаях нацизм выступил в новых облачениях, в других – в фактически тех же, в которых и выступали нацисты прошлого.

Мировой олигархат, безусловно, управляет нацистским проектом. Только нацизм даёт возможность легитимизировать новую иерархию, суть которой – установление системы антропологического неравенства. Нацизм в этом отношении не только подрывает все завоевания человечества последних столетий, но глубже – уничтожает фундамент традиционных религий и, прежде всего, христианства. Отвергаются установления Нового Завета, выраженные словами апостола Павла из Послания к Колоссянам: «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всём Христос». Для нацистов не просто существует разделение человечества, для них оно разделено на высшее и низшее.

Возникает, соответственно, вопрос, где та сила, которая остановит нацизм сегодня? Советского Союза уже нет... И миссию борьбы с нацизмом взяла в этой ситуации на себя Россия. Для многих на Западе это стало неожиданностью, поскольку казалось, что после уничтожения СССР потенциалы для борьбы у российского государства и общества полностью выхолащены. Россия встала на пути глобального проекта новой нацификации, и не случайно, что против неё мировой олигархат рекрутировал широкую коалицию сателлитов.

Борьба по всей видимости предстоит не менее тяжёлая, чем борьба против нацизма в XX в. И России для Победы надо стать собой, вернуться к своему фундаменту. А этот фундамент основан на принципах «ковчега» – идеи единства всех рас и народов. Россия есть антинацистская сила не только в силу современных геополитических реалий, и не только как наследница СССР, а цивилизационно.

Трагедия в «Крокус Сити Холле» предельно остро подняла вопрос о недостаточной регулируемости миграционных процессов. Теракт показал наличие критических сфер генерирования новых очагов этнической напряжённости. Очевидно, что истоки многих этнических конфликтов идут из прошлого, вызревают десятилетиями. Соответственно, для их выявления следует применить методику ретроспективного исследования. Предельно обострённые проблемы в национальных отношениях стали проявляться уже в позднесоветский период истории. Отказ от модели государства-цивилизации привёл к развитию тенденций формирования режимов этнократий. От этнократий, в свою очередь, прямой путь к нацификации. Украина прошла этот путь, превратившись в нацистское государство. Современным трагедиям предшествовали трагедии этнических конфликтов и погромов рубежа 1980х – 1990-х гг.

Нацизм возникает в результате деформаций общественного сознания. Эти деформации в значительной степени формируются через гуманитарный дискурс. Важно в этой связи деконструировать те концептуальные матрицы, на основе которых продуцируется нацистская идеология и практика.

УДК 930.1

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-7-28

НАЦИЯ, НАЦИЗМ И ФАШИЗМ: СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Багдасарян В. Э.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление непротиворечивых подходов к определению понятий «нация», «нацизм» и «фашизм» в контексте задач нового мировоззренческого строительства в России, ревизии западного понятийного аппарата в российской политологии.

Процедуры и методы. Метод контекстуализации, проявляемый в рассмотрении феноменов «нация», «нацизм» и «фашизм» в контексте предлагаемых социогуманитарных парадигм и историко-культурного развития генерировавших их сообществ.

Результаты. Предложены подходы к определению феноменов «нацизм» и «фашизм». Показана связь развития концепции государства-нации с историей западной цивилизации, раскрыты деструктивные последствия её экстраполяции в незападные цивилизационные сообщества. Выявлены факторы генезиса нацизма в мире.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при формировании определений феноменов «нация», «нацизм» и «фашизм» в документах стратегического планирования Российской Федерации, образовательной и просветительской деятельности. Предложены подходы к идентификации нацизма и его блокирования на ранних этапах генерирования.

Ключевые слова: нация, национализм, нацизм, фашизм, нацификация, идеология, цивилизация

NATION, NAZISM AND FASCISM: SOCIO-HUMANITARIAN PARADIGMS OF POLITICAL SCIENCE DEFINITIONS

V. Baghdasaryan*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify consistent approaches to defining the concepts of “nation”, “Nazism” and “fascism” in the context of the tasks of a new ideological construction in Russia, to revise the Western conceptual apparatus in Russian political science.

Methodology. The method of contextualization, manifested in the consideration of the phenomena “nation”, “Nazism” and “fascism” in the context of the proposed socio-humanitarian paradigms and historical and cultural development of the communities that generated them.

Results. Approaches to defining the phenomena “Nazism” and “fascism” are proposed. The connection between the development of the concept of the nation-state and the history of Western civilization is shown, and the destructive consequences of its extrapolations to non-Western civilizational communities are revealed. The factors of Nazism genesis in the world have been identified.

Research implications. The results of the study can be used to formulate definitions of the phenomena “nation”, “Nazism” and “fascism” in strategic planning documents of the Russian Federation, educational activities. Approaches to identifying Nazism and blocking it at the early stages of generation are proposed.

Keywords: nation, nationalism, Nazism, fascism, nazification, ideology, civilization

Введение

Актуальность заявленной темы определяется феноменом реанимации нацистской идеологии и практики в мире. Наиболее ярким примером неонацификации являются процессы, происходившие на Украине. О том, что нацизм возродился, не раз говорил президент России В. В. Путин, подчёркивающий необходимость противодействия его возрождению¹.

Миссию борьбы с нацизмом в современных реалиях взяла на себя Россия, выступив преемником Советского Союза (соответствующее положение о преемстве внесено в Конституцию Российской Федерации и Концепцию внешней политики). При этом бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции, как и бывшие государства-агрессоры, поддерживают в той или иной форме украинский нацистский режим, а соответственно, и неонацификацию.

Вместе с тем обнаруживается запрос на внесение категориальной определённости в сопряжённые с вызовами неонацификации понятиями. Ключевыми в соответствующем ряду являются понятия: «нация», «национализм», «фашизм» и «нацизм». К сожалению, приходится констатировать отсутствие конвенциональных подходов к их раскрытию. Они зачастую смешиваются друг с другом, даются в эклектических сочетаниях, служат объектами манипуляций. Обвинения «националист», «фашист», «нацист» превратились в «язык вражды», посредством которого пытаются уязвить

любого противника. Ввиду размытости категориальных подходов подлинные явления нацизма и фашизма оказываются в значительной степени выведены из-под критики. Более того, обвинения в приверженности нацизму и фашизму переносятся на их противников.

Задача формирования новой идентичной для России системы мировоззрения определяет необходимость непротиворечивого раскрытия используемых в рамках неё категорий. Очевидно, что категории фашизма и нацизма как идеологических доктрин, которым исторически противостоял СССР и в настоящее время противостоит Российская Федерация, должны быть раскрыты непременно. Целевому ориентиру определения феноменов «нация», «национализм», «фашизм» и «нацизм» в контексте смысловых парадигм формируемого нового российского мировоззрения подчинено представляемое исследование.

Ключевым методом исследования явилось рассмотрение определяемых явлений в контексте используемых социогуманитарных парадигм и историко-культурного развития соответствующих сообществ. Методика контекстуализации позволяет посмотреть на генезис понятия «нация» как производной от западного цивилизационного контекста. Проводимый анализ также ставит вопрос о целесообразности применения его для описания общественных моделей незападных цивилизаций.

Подходы к определению происхождения феномена нации

В раскрытии парадигм феномена нации выделяется несколько оппонирующих друг другу подходов. В соответствии с многообразием трактовок термина «на-

¹ Путин призвал не допустить возрождения нацизма // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1661367/2024-03-06/putin-zaiavil-cto-nyneshnie-nemtcy-ne-nesut-otvetstvennosti-za-natsistov> (дата обращения: 06.02.2024).

ция» различаются и трактовки генезиса нацизма. Примордиальный (или эссенциалистский) подход состоит в рассмотрении наций как общностей, исходно существующих с началом политической истории человечества. Наиболее видным представителем примордиалистского направления принято считать К. Гирца, хотя как примордиалист он был далеко не самый последовательный сторонник соответствующей позиции [16]. Нацизм в примордиалистской версии мог означать предельное обострение чувства национальной принадлежности в условиях потрясений и особой опасности.

Конструктивизм, взявший в целом в западной гуманитаристике верх над примордиализмом, смотрит на нацию как на искусственный конструкт [54]. Нации не рождаются естественным образом, а создаются элитами. Согласно позиции британского философа и антрополога Э. Геллнера нация есть миф, посредством которого происходит объединение населения [14]. Британский политолог, автор нашумевшей книги «Воображаемые сообщества» Б. Андерсон оценивал феномен нации гораздо жёстче – как целевую манипуляцию со стороны элит [1]. Сообразно с этой позицией, нацизм и есть наиболее иллюстративное проявление манипулятивных технологий.

Британский историк-марксист Э. Хобсбаум в опровержении примордиалистов выдвинул концепт «изобретённых традиций». Им приводились примеры того, как некие этнические установления, воспринимаемые в качестве древних традиций, оказывались не более чем мифом эпохи модерна. В качестве таких изобретений Хобсбаум приводил, в частности, романтизированные элементы шотландского народного костюма [61; 62; 66].

Промежуточную позицию между примордиализмом и конструктивизмом заняло направление этносимволизма. Основоположителем этносимволистского подхода выступил британский социолог Э. Смит, признававший, что нация

опирается на этнос, но в её создании используются инструменты конструирования [73]. Этнос признаётся в качестве примордиалистского ядра конструируемой нации. Этническое берётся в качестве символического для национального конструирования. Так, к примеру, нация украинцы – безусловный политический конструкт. Но чтобы его сформировать были взяты символические элементы народного быта: гопак, чубы, вышиванки и т. п. Таким же образом конструировался и нацизм как радикальная этнизация национального строительства.

Направление инструментализма шло в целом в фарватере конструктивистского направления, видя в нации инструмент для достижения конкретных целей в исторически конкретной ситуации. Не нация выдвигает цели, а под выдвинутые цели формируется нация. Часто нация создаётся для борьбы с неким другим сообществом. Когда идея этого противостояния предельно акцентирована и обострена – «существование против» – создаётся благоприятная почва для перехода национализма в нацизм. Одним из череды представителей инструментализма в этносоциологии выступал член администрации Белого Дома, сенатор, представитель США при ООН и посол в Индии Д. Мойнихэн [65; 68].

Эволюционизм так же, как и примордиализм рассматривал нации как естественный феномен. Но если примордиалисты относили его возникновение к исходной стадии социогенеза, то эволюционисты считали историческим этапом эволюции. Именно эволюционистская трактовка была взята за основу советским обществоведением. Переход от этноса к нации связывался с развитием капитализма, формированием национальных рынков [47].

Но будучи феноменом историческим и не примордиальным, нации в этой логике должны были в будущем отмереть. Если национальные рынки нации создавали, то мировой рынок должен был

нации упразднить. Нацизм в эволюционистской версии объяснялся как кризисный этап развития нации, связанный с начавшимся процессом её отмирания. Нацисты выступали в качестве силы, пытались отстоять нацию, прибегая к радикальным средствам в её отстаивании. В марксистском дискурсе нацизм связывался с экстремизацией капитализма. Неспособный решить острые внутренние проблемы, «загнанный в угол» капитализм порождал нацизм.

Культурализмом в объяснении происхождения нации может быть определено направление, связывающее её с определённым типом культуры. Непосредственно феномен нации был порождён западной цивилизацией, будучи связанным с определённой фазой истории Запада. Выдвижение концепта нации явилось выходом из длительных религиозных войн, попыткой замены идентичности религиозной идентичностью национальной. Модель государства-нации возникла как отказ от модели государства-империи. Позже западный концепт нации был искусственно перенесён в незападные сообщества. Попытки его переноса почти везде вызвали кризис межэтнических отношений, продуцировали войны. Нацизм в культуралистской версии оказывался логическим следствием национализма. Государство-нация должно было либо в перспективе отказаться в пользу индивидуума и прийти к самоотрицанию, либо взять за основу этничность большинства, эволюционируя в сторону этнократии, а соответственно, и нацизма. Культуралистский подход позволяет поставить вопрос о деструктивности понятия «нация» из-за содержащихся в ней угрозах нацификации. Кто-то может возразить, что оно прочно вошло в язык общения. Но это лишь означает, что вирусы национализма и производного от него нацизма проникли очень глубоко в сознание сообществ и исцеление будет тяжёлым. Вероятно, начавшаяся в России ревизия политологического языка

должна в том числе затронуть и понятие «нация».

Государство-нация и национализм

Западный колониализм исторически имел разные проявления, одним из которых была колонизация обществovedческого языка незападных стран. Закладывались стереотипы. Внедрялся соответствующий категориальный аппарат. Результаты таких экстраполяций часто имели самые деструктивные кризисные последствия. Одной из таких экстраполированных категорий явилось понятие «нация».

Понятие «нация» связывалось в своём генезисе с исключительно западным контекстом. Первоначально слово «нация» в латинском языке означало «племенной». Это было прямо противоположным ракурса «гражданский», которое придают понятию «нация» в настоящее время.

«Священная Римская империя германской нации» – само название противоречило сути христианского неэтнического понимания имперской общности христиан. Христианская империя не могла, казалось бы, быть империей какой-либо из наций. Казалось бы, выраженный словами апостола Павла императив «нет ни эллина, ни иудея, ни скифа...» исключал имперостроительство на национальном фундаменте. Но Европа, инкорпорируя в христианское имперостроительство этнократические основания, фактически подменила суть христианства. Европейская империя была империей германской нации. Это противоречило природе надэтнического имперостроительства на Востоке.

Германцы позиционировались как нация господ. Кельты, славяне, романские народы были в империи людьми второго сорта. К концу XVIII в. Священная Римская империя германской нации изжила себя. Вольтер иронизировал, что она ни священная, ни римская, ни империя. Из всей титуляции оставалась не подвергаемая Вольтером сомнению германская на-

ция, из которой был в дальнейшем возвращён германский национализм [43].

Развитие концепта государства-нации принято связывать с системой Вестфальского мироустройства [57]. Выдвижение его было сопряжено со специфической ситуацией, сложившейся на рубеже Средневековья и Нового времени в Европе. Средневековая Европа не могла справиться с религиозной нетерпимостью. В XIII в. папством была учреждена Святая Инквизиция – суд над еретиками. Со временем она превратилась в конвейер уничтожения инакомыслящих, равно как и подозреваемых в инакомыслии. Инквизиционный репрессинг создал ту установку, породившую в дальнейшем феномен «гильотины». Не Россия изобрела массовый террор. Он был изобретён в католической Европе, и изобретателем его выступили верховные понтифики. Апогей инквизиционного репрессинга приходится на время руководства испанским трибуналом Томаса Торквемады (1483–1498 гг.). Помимо еретиков, репрессии обрушивались на мусульман и иудеев. Вначале евреи, в 1492 г., а затем и мавры, в 1505 г., уже после смерти Торквемады, были изгнаны из Испании [29].

Кризисное состояние Католической церкви породило в начале XVI в. явление Реформации. Началась всеевропейская война католиков и протестантов. С одной стороны – нетерпящее инакомыслия папство, с другой – фанатики-реформаторы. Мартин Лютер был эсхатологом и в эсхатологическом ракурсе трактовал происходящие современные события [36].

Реформация привнесла раскол в Священную Римскую империю германской нации. Католики и протестанты, подданные империи, католические и лютеранские князья сошлись в кровавой войне за веру. Выход, казалось, был найден в формуле Аугсбургского религиозного мира 1555 г.: «чья земля, того вера». Если во главе княжества стоял католический правитель, то соответствующая страна считалась католической. Если правитель был

лютеранином, то и страна была лютеранской. Но мира не получилось. Принцип вероисповедания по вероисповеданию короля или князя не срабатывал. Под властью монарха, придерживающегося одной конфессии, часто оказывались представители другой конфессии, ставящие веру выше политической лояльности. Новые религиозные войны обозначили провал аугсбургской модели.

Выход был найден в уходе от религии как таковой. Религиозная принадлежность маркировалась как то, что разъединяет и приводит к конфликту. Запад после религиозных войн сдвинулся в сторону секуляризма. А взгляд на религию как источник конфликта утвердился в западном общественном сознании и западной обществоведческой мысли. «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона, как, в сути своей, столкновение религий, является в этом отношении одним из продуктов утвердившегося подхода [59].

Вместо религии был найден новый конструкт государственностроительства – гражданская нация. На смену Аугсбургскому миру пришёл заключённый в 1648 г. Вестфальский мир. Считается, что с Вестфальского мира и утвердилась модель государств-наций [40].

Под нациями понималась теперь совокупность граждан. Агрегированное волеизъявление этой совокупности стало пониматься в качестве основания формирования государственной политики. Взгляды и мнения отдельных граждан могли быть, безусловно, различны. И, соответственно, речь могла идти о позиции большинства. «Существование нации – это повседневный плебисцит как существование индивидуума – вечное утверждение жизни», – заявлял впоследствии Э. Ренан [45, с. 100–101]. Французы, развивал он идею гражданского национализма, смогли создать нацию, а вот австрийцам объединить в нацию все многочисленные народы «лоскутной империи» так и не удалось. Признавая значение исторической памяти для нации,

Ренан указывал, что столь же значимо для неё и умение забывать. Примерами такого забвения стало вычёркивание из памяти существования в Средние века фактически самостоятельных идентичностей на юге Франции, говоривших на провансальском и каталонском, а не французском языках, равно как и отдельной общности гугенотов. Великая Французская революция, снёсшая все прежние внутренние перегородки средневековой Франции, окончательно утвердила идею гражданской нации французов. Во главе французской нации стал корсиканец Наполеон Бонапарт.

Итак, арифметически вычисляемое большинство оказывается с начала Нового времени ядром гражданской нации. Но сразу же возник вопрос: как быть с меньшинством? Меньшинство в системе плебисцитной демократии, да и демократии вообще, было обречено быть в проигрыше. И становление государств-наций фактически сразу актуализировало вопрос об этнических меньшинствах. Логика национализма предполагала их ликвидацию: либо мягкую – ассимиляционную, либо жёсткую – с применением физической силы. В тех случаях, когда этническое меньшинство не желало растворяться в единой гражданской нации, выстраивались механизмы её дискриминации. Идея нации породила национализм, а национализм при его экстремизации превращался в нацизм.

Гражданские нации французов, немцев, итальянцев... Возникал очевидный вопрос: чем каждая из них отличается от другой? Возможных ответов было два. Первый – отрицательный – ничем. Такой ответ предполагал следующим шагом осуществить переход от национальных государств к мировому государству. Мировая система капитализма соотносилась с выстраиванием в перспективе глобального сообщества. Фактически в этом направлении и работала, с одной стороны, логика глобализации.

Второй ответ состоял в поиске некоего отличительного идентичного фундамента гражданской нации. Такой фундамент обнаруживался в этническом большинстве. Французская нация – это в сути этнические французы, германская – немцы, итальянская – итальянцы... Национальное государство превращалось в этой логике в этнократию. Американская нация оказалась сведена, в частности, к белым протестантам англосаксонского происхождения. Ни латиноамериканцы, ни чернокожие, ни индейцы к американской нации не относились. Пресловутый «плави́льный котёл» имел свои ограничители.

Не было ни одного государства-нации, которое бы в своём генезисе не переходило бы к системе этнократий, что являлось в сути отрицанием исходного посыла об идентичности на основе единого гражданства. Показательны в этом отношении попытки построения национальных государств на постсоветском пространстве. Каждая из попыток (за исключением, вероятно, Белоруссии) привела к построению этнократических режимов. Следствием установления этнократий становилась дискриминация этнических меньшинств. К дискриминируемым почти везде относились представители русской этничности.

Для гражданской нации был нужен фундамент. Его могли найти, во-первых, в религии, во-вторых, в идеологии, в-третьих, в этничности. Первые 2 пути противоречили самой идее государства-нации и предполагали иную парадигму государственностроительства. В этом отношении дрейф постсоветских государств, разорвавших с коммунистической идеологией, был предопределён.

Конструируются искусственно версии великого прошлого соответствующих этносов, пишутся соответствующие учебники. Необходимым компонентом такого конструирования оказывается формирование образа врага. В логике этнократий врагом должен был оказаться также некий этнос. И вот перспектива нацизма

оказывается в этой логической развёртке фактически predetermined.

Доминанция Запада выражалась в аксиоматическом принятии положений западного обществоведения. Контекстное историческому развитию Европы и специфичное понятие нации было перенесено в сообщества, выстраиваемые на основании иных моделей. Иницируются проекты построения государств-наций на Востоке. И фактически везде эти попытки взрывают складывавшиеся веками системы комплиментарного этнического сосуществования. Концепт нации взорвал Восток. Полилась кровь. Еврейский национализм сталкивался с арабским национализмом. Были искусственно сконструированы национализмы африканских государств. Геноцид тутси в Руанде, когда за 100 дней было уничтожено от 500 тысяч до 1,1 миллиона человек, является яркой иллюстрацией последствий логики строительства национальных государств [26].

Свои разрушительные последствия имел перенос категории «нация» и для России. Ещё сравнительно недавно звучали причитания о том, что в России никак не получается построить гражданскую нацию по европейскому образцу. И это понятно: российская цивилизационная модель не укладывалась в логику нациестроительства.

Но всё же концепт наций был имплементирован в XX в. в систему государственного устройства. По национально-территориальному признаку была выстроена административная система государства. Соответствующий подход являлся заимствованием положений австромарксизма. Сказывалась и политическая конъюнктура. С одной стороны, решалась задача воссоздания единства страны, и для окраин сохранение национальной государственности являлось своеобразным компромиссом. С другой, делалась ставка на вхождение в Советский Союз в дальнейшем в ходе мировой революции и других освобождающихся

от власти капитала стран, которые могли войти в СССР в статусе новых национальных союзных республик¹. Одной из таких республик в свете событий 1923 г. виделась, к примеру, Германия. Но при всём этом сами большевики считали национально-территориальную модель переходной, исходили из перспективы слияния наций. В. В. Маяковский писал в 1926 г. стихи на смерть дипломатического курьера товарища Т. Я. Нетте, в которых выражал чаяния «чтобы в мире без России, без Латвий, жить единым человечьим общежитьем». Но переход затянулся, а переходная система приобрела характер колеи.

В союзных республиках и автономиях заявлялись титульные нации. По отношению к ним другие этносы находились в потенциально дискриминируемом положении. При сильной позиции Центра такая дискриминация подавлялась на корню. Проводилась кадровая политика, характерная, в частности, для сталинского периода, направленная на недопущение формирования региональных этнических кланов. Но при ослаблении регуляции со стороны Центра и установках на «коренизацию» дискриминация стала находить латентные проявления. Одновременно нарастала этническая напряжённость. Отдельные прецеденты свидетельствовали о её росте уже в брежневское время. В период же перестройки она сублимировалась в открытые межэтнические вооружённые конфликты, ставшие фактором разрушения советской государственности.

Однако система национально-территориального устройства была сохранена и при переходе к постсоветской государственности. И в этом смысле слова президента о «мине замедленного» действия

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1924.htm> (дата обращения: 03.02.2024).

являются констатацией деструктивности самой почерпнутой из западного лексикона идеи нации.

Исторически российское государство-строительство осуществлялось не по лекалам государства-нации или совокупности государств-наций. Понятие государство-цивилизация было заявлено В. В. Путиным в послании Федеральному собранию 2012 г. именно как альтернативное государству-нации¹. И сегодня освобождение от понятийных штампов западного обществоведения, выработка собственного политического языка является задачей особой актуальности.

Понятие «национальность» и марксистский дискурс вокруг национального вопроса

В отечественном обществоведческом дискурсе одновременно использовалось понятие нация в двух значениях:

1. согласно французской школе трактовалось как политическая общность;
2. согласно немецкой школе – как культурная общность.

Такое смешение имело место и в советский период, и в ещё более эклектичном варианте – в современный. Понятия «национальные интересы» и «национальная безопасность» оказываются связаны с трактовкой нации как политической общности. При этом использование словосочетаний «национальный вопрос» или «национально-культурная автономия» подразумевают нацию в версии общности культурной, сопряжённой с этничностью.

Ещё более запутанной ситуация оказалась с привнесением в русский язык понятия «национальность». Реконструкция показывает истоки обнаруживаемых различий в перенесённой в Россию полемики между немецким и австрийским направлениями в марксизме. Пер-

сонально она была представлена фигурами К. Каутского и О. Бауэра. Каждый из них использовал понятие «нация» в применении к контексту собственного государства: первый – Германской империи, второй – Австро-Венгерской империи. Германия на рубеже XIX–XX вв. была единым немецким государством. По отношению к нему, несмотря на позиционирование в качестве империи, вполне могло быть применено определение государства-нации. Соответственно, и нацию К. Каутский сообразно с видением К. Маркса рассматривал как единую экономическую общность. Её появление сопрягалось с формированием национального рынка. Единый национальный язык являлся необходимой производной от единства экономического пространства [24].

О. Бауэр пребывал в ином контексте: не государства-нации, а распадающегося государства-империи. Австро-Венгрия была государством наций, во множественном числе. Соответственно, австрийцы, венгры, чехи, словаки, хорваты были для Бауэра различающимися психологически и культурно национальностями [8].

Российские марксисты восприняли одновременно и идеи Каутского, и идеи Бауэра. Устройство Российской империи было в чём-то ближе Австро-Венгрии (многоэтничность), чем-то ближе Германии (наличие доминантного этнического ядра). Можно считать, что В. И. Ленин в трактовке нации склонялся к трактовке Каутского, тогда как И. В. Сталин – Бауэра, хотя и обвинял его в «спиритуализме». Сталин определял нацию как «исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада». Характеристика политической принадлежности в сталинском определении отсутствовала. Интерпретация *через культуру-язык* соединялась с интерпретацией *через экономику*. Территориальная принадлежность

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 03.02.2024).

объяснялась рассмотрением Сталиным нации в её генезисе – «возникшую на базе определённой общности». Генезисный подход давал основание считать евреев отдельной нацией, в чём им отказывал К. Маркс. Включение в характеристику нации компоненты «психического склада» вообще отличало сталинский подход от фарватера марксизма [50, с. 296].

Категория «фашизм»

Слова «фашизм» и «нацизм» используются сегодня как «язык вражды». Обвинения в фашизме – это приём маркировки противника. Есть некое зло – фашизм (в другой версии – нацизм), подвергнутое конвенциональному осуждению на Нюрнбергском трибунале. Использование маркера «фашизм» («нацизм») означает перенос вынесенного вердикта об идентификации «абсолютного зла» на противника или оппонента.

Вольность в использовании слова «фашист» заставляет с очевидностью поставить вопрос о дефиниции. Чтобы называть кого-то фашистом следует дать определение фашизма. Удивительно, но с этим имеются большие трудности. Обнаруживается отсутствие конвенционального подхода к определению [13; 44]. Есть нечто осуждаемое, называемое «фашизм», что оно есть в сути – не определяется.

Попытаемся всё-таки придать используемому понятию «фашизм» определённую. Из многочисленной литературы по проблематике фашизма, идеологических и научных маркировок можно вычленить несколько ключевых определений. Речь идёт именно о сущностных определениях, а не о признаках, которых может быть множество и которые могут относиться и к другим явлениям. Определение через перечень признаков того, что имело место в Германии и Италии в соответствующие исторические периоды, только затемняет выявления существа явления. Э. Нольте выделил 5 признаков фашизма, В. Випперман – 12, а С. Пэйн и

У. Эко – по 14 [11; 35; 63; 70; 71]. Признаки в предложенных перечнях различаются. Что эти перечни дают для понимания фашизма? По большому счёту, они только размыывают осмысление явления. Так С. Пэйн отнёс к признакам фашизма *мистицизм*. Означает ли это, что фашистов не-мистиков не бывает? И означает ли это, что всякий мистик – фашист? Муссолини был основоположником фашизма, но мистиком не являлся. У. Эко и вовсе относил к признакам фашизма *неприятие нестандартного сексуального поведения*. Означает ли это, что фашисты – это те, кто запрещает гей-парады и отрицательно относится к гомосексуализму? При взятии за основу признаков Эко фашистским окажется вообще большинство человечества. Непонятно также, как быть с Э. Ремом – одним из основоположников национал-социализма и одновременно гомосексуала. Не ясно также, как быть со статьёй М. Горького 1934 г. «Пролетарский гуманизм», в которой советский писатель, в отличие от Эко, осуждал гомосексуальность фашизма [18].

Существует точка зрения о некорректности смешения фашизма и нацизма. Фашизм, указывают сторонники этого взгляда, имел место в Италии, а нацизм – в Германии. Более того, исторически между ними могло произойти столкновение. Интересы Германии и Италии разошлись по вопросу контроля над Австрией. Б. Муссолини в ожидании германского вторжения даже подвёл войска к австрийской границе. В период 1933–1938 гг. идеологией Австрийского государства был австрофашизм, а внешнеполитическим ориентиром являлась ориентация на Италию. Деятельность НСДАП находилась под запретом. Нацисты в итоге взяли верх над фашистами, а Гитлер фактически подчинил себе Муссолини. Но до этого прошло время, за которое могли быть выстроены и иные сценарии.

Да, фашизм в итальянской версии и нацизм – в германской, безусловно, не

одно и то же. Но могут ли они быть объединены как виды одного явления? Признание того, что могут, задаёт широкую трактовку фашизма, отрицание возможности такого объединения – узкую. Широкий подход применялся в СССР. Великая Отечественная война раскрывалась в пропаганде и самосознании народа как война с фашизмом. Противники в войне были именно фашисты («фашистские гады»). Преимущество расширенного подхода состоит в возможности осмысления рассматриваемого явления как фундаментального, что само по себе не отрицает наличия множественности модификаций (в т. ч. германского фашизма в виде нацизма). Преимущество же узкого подхода состоит в акцентировке на этнической и расовой стороне расизма, отделяемого от фашизма.

Обнаруживается 7 ключевых подходов в раскрытии понятия фашизм.

Первый подход состоит во взгляде на фашизм как на идеологию и вытекающую из неё практику антропологического неравенства. Одним из вариантов антропологического неравенства является неравенство по расовым и национальным критериям. Концептуально такой вид фашизма чаще всего опирается на полигенизм: представление о происхождении рас как разных биологических видов и вытекающей из него расовой иерархии. Наряду с идеологией расового и этнического неравенства могут быть и иные варианты доктрины антропологического превосходства. К примеру, в настоящее время всё более распространяется идеология выстраивания иерархии цивилизаций. Низшие и высшие антропологические типы распределяются не столько по расовой принадлежности, сколько по принадлежности цивилизационной. Наверху пирамиды оказывается цивилизация Запада. Принадлежность к российской цивилизации, равно как и к исламской, означает культурный остракизм.

Идея иерархии цивилизаций взята в качестве одного из оснований в выстраивании механизмов «культуры отмены». В предлагаемой трактовке фашизма *культура отмены* должна быть определена как фашистская практика. К фашизму, в одном из вариантов, должны быть отнесены и все *идеи избранности одних людей и отверженности других* (в т. ч. идеи богоизбранности). С фашизмом оказывается тесно сопряжена и эзотерика. Суть эзотеризма также часто сводится к антропологической иерархии (пневматики – психики – гилики) [6; 7].

Другой подход к фашизму – *классовый*, развиваемый преимущественно в марксистском дискурсе. Сообразно с этим подходом, фашизм есть политическая надстройка в виде *диктатуры капитала* в условиях экстремизации капитализма (фашизм как крайняя форма капитализма) [15; 41]. В соответствии с этим подходом давалось и определение Советским энциклопедическим словарём: «Фашизм – политическое течение, возникшее в капиталистических странах в период общего кризиса капитализма и выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных кругов империалистической буржуазии. Фашизм у власти – открыто террористическая диктатура наиболее реакционных сил монополистического капитала. Важнейшие черты фашизма: применение крайних форм насилия против рабочего класса и всех трудящихся, воинствующий антикоммунизм, шовинизм, расизм, широкое использование государственно-монополистических методов регулирования экономики, политическая (часто лжесоциалистическая) демагогия с целью создания массовой базы (главным образом за счёт мелкой буржуазии) для фашистских партий и организаций. Внешняя политика фашизма – политика империалистических захватов¹». Как порождение капитализма

¹ Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1987. 1600 с. С. 1404.

фашизм противостоял социализму, а как диктатура – либерализму.

На насилии, диктаторстве, акцентировали внимание в определении фашизма и многие либеральные авторы, при этом отрывая насильственность от капитализма. В понимании йельского профессора Х. Линца фашизм и вовсе представлял как *антикапиталистическое и антибуржуазное явление*. Наряду с трактовкой фашизма как правоконсервативного революционаризма (А. А. Галкин) [12], широкое распространение имеет позиция, указывающая, что фашизм был антиконсерватизмом (Э. Нольте [35], Р. Гриффин [19], Р. Пакстон [69]).

Третий подход к фашизму раскрывает его *через явление ксенофобии*. Х. Арендт видела, например, в фашизме высвобождение дремлющей в обществе ненависти к врагу внешнему или внутреннему [2]. Фашизм концептуализирует ксенофобию и выносит её уровень государственной политики. Чаще всего, по опыту исторического фашизма, говорят об антисемитизме. Сведения в этой версии фашизма к антисемитизму, к трагедии Холокоста, безусловно, сужает тему. Очевидно, что ксенофобия, а соответственно и фашизм могут иметь разные мишени жертв.

Германский расизм – наиболее яркая иллюстрация в раскрытии соответствующего подхода трактовки фашизма. Итальянский фашизм на первом этапе, до 1937 г., дистанцировался от антисемитизма. Муссолини даже изобличал антисемитизм как «германское зло», утверждая, что в стране с правильной системой государственного управления он невозможен. Но далее Италия всё более сдвигалась к нацизму, став соучастником Холокоста.

Итальянский фашизм стал на последнем этапе фактически подобен германскому. Однако важно зафиксировать, что это случилось не сразу. Отсутствием явных ксенофобских установок на начальной стадии и объясняется сравнительно высокая популярность Муссолини в ин-

теллектуальных кругах мира. Гитлер такой популярностью исходно не обладал [17].

Четвёртый подход к фашизму связан с рассмотрением его как *идеологии контрмодерна*. В этой версии он был попыткой разворота истории. Сам Гитлер высказывался в том смысле, что ведёт борьбу против идеалов Французской революции. Социализм и капитализм были в этом видении двумя головами одного явления, названного позже как модерн. *Апелляцию к традиции* называл У. Эко первым из 14 признаков фашизма [63]. С традиционализма в определении фашизма начинал и немецкий историк В. Випперман [11]. Правда, вторым пунктом она называл национализм, который, как казалось, с традиционализмом несочетаем и являлся сам порождением модерна.

Развитие представляемого подхода содержит опасность дискредитации любой традиции и традиционных ценностей. Любая констатация того, что мир идёт в ложном направлении, может быть маркирована как фашизм. Не исключено, что именно поэтому фашизм и был подверстан к контрмодерну.

В действительности различия между фашистской системой и системой европейского средневековья были разительными. Фашизм опирался на концепт нации и национального государства, который в середине века отсутствовал. Средневековая система была системой теократической, и роль Церкви в ней являлась центральной. Отношение же фашизма к христианству было, как минимум, достаточно наряжённым. Фашизм был нациецентричен, либерализм – индивидуумоцентричен, социализм – классовоцентричен, тогда как средневековый фундаментализм – теоцентричен. Различия очевидны.

Другое дело – апелляция фашизма не к домодерну средневековому, а к домодерну дохристианскому, языческому. Экспансионистские планы фашизма трактовались как языческий империализм.

Расовая доктрина восходила к племенному (принцип крови) делению на своих и чужих. Арманизм, вотанизм, ирминизм – все эти варианты германского неоязычества определяли доминирующий дискурс периода нацизма. Проект «Ананербе» («Наследие предков») был ориентирован именно на реконструкцию германского языческого мира с задачей преломления полученных результатов в практическую политику. Нацистская символика формировалась на основе древнегерманского рунического письма. Образ Зигфрида становится персонифицированным символом Германии вместо христианских святых. Выступления самого А. Гитлера целиком ложились, осознанно или нет, на архетипы шаманских камланий. «Антихрист. Проклятие христианству» Ф. Ницше стал культовой книгой для нацистской идеологии фигуры. В ней немецкий философ называл христианство «великим проклятием», «великой внутренней порчей», «позорным пятном человечества...» [34]. И эта позиция официально насаждалась. Даже от имперского понятия «Третий Рейх» в Германии в 1939 г. отказались, усмотрев его «слишком христиански нагруженным». Сущностно фашизм стал попыткой языческого реванша, возвращения к парадигме мира до пришествия в него Христа [9; 10; 20; 53].

Пятая трактовка фашизма опирается на *доктрину корпоративного государства* Б. Муссолини. В этой версии фашизм есть корпоративизм. К признакам фашизма корпоративизм относили В. Випперман, С. Пэйн, Х. Линц и др. [11; 67; 70; 71]. У Муссолини модель корпоративного государства выстраивалась через систему профессиональных корпораций. Достаточно акцентированно идеи профессионального корпоративизма развивались в Испании под руководством Ф. Франко и особенно в Португалии под руководством А. ди Салазара [58]. Первооснову общества при корпоративизме составляют не индивидуумы, а отдельные социальные группы.

Концепцию корпоративизма в Италии в действительности выдвинул первым не Муссолини, а римский папа Лев XIII ещё в 1891 г. Корпоративизм должен был стать альтернативой индивидуализму и теории классовой борьбы. Позже, уже у папы Пия XI, корпоративизм рассматривался как альтернатива противопоставления профсоюзов и работодателей¹.

Подвёрстывание корпоративизма в качестве базовой характеристики фашизма нивелирует собственно специфику фашистских режимов. Из корпоративизма никаким образом не следует человеконенавистническая сущность фашизма. Распределение по профессиональным корпорациям само по себе не предполагает ни войны, ни газовых камер. Если считать корпоративизм ключевой характеристикой фашизма, тогда бы следовало записать в фашистские едва ли не все древние и средневековые общества. Чем не фашистским являлось, например, древнеиндийское общество с его жёстким кастовым делением? И почему не фашистской являлась цеховая структура средневековых европейских городов? Фокус на индивидууме возник в мире вообще достаточно поздно. И следование логике «фашизм = корпоративизм» должно было бы привести к абсурдному заключению, что в фашистском фарватере развивалась преобладающая часть истории человечества.

Шестой подход к фашизму получил развитие в контексте холодной войны. Адресно он был направлен не столько против фашизма, сколько против коммунистической идеологии. Задача состояла в дискредитации коммунизма через приравнивание его к фашизму. Такое приравнивание стало возможным посредством продвижения концепции тоталитарного государства [22; 27; 31; 32].

¹ Pius XI. Quadragesimo Anno. Vatican, May 15, 1931. URL: https://www.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19310515_quadragesimo-anno.html (дата обращения: 03.02.2024).

Вместо понятия «тоталитаризм» В. Випперман и С. Пэйн использовали понятие «этатизм» [11; 71]. Этатизм подразумевал огосударствление всех сторон жизни и право государства на вмешательство в любую из сфер. Ориентир усиления роли государства действительно присутствовал в фашизме. Но при этом, например, сохранялся институт частной собственности. Следовательно, сохранялись определённые ограничители этатизации.

Вызывает вопросы и одновременное использование понятий «тоталитаризм» и «авторитаризм» в отношении фашистских режимов [64]. Тоталитарное и авторитарное государство – это очевидно не одно и то же. Одновременное использование обоих маркеров ещё раз подтверждает, что язык вражды фактически подменяет научные определения.

Седьмой подход, наконец, представляет собой *узкий вариант трактовки фашизма*, сводимый исключительно к Италии времени Б. Муссолини. Речь идёт в данном случае не о понятии фашизма, а о тождестве определённого исторического периода [72]. Сообразно с позитивистской методологией отрицания концептуальных обобщений именно такой подход и был бы правилен. Фашизм этимологически уходит в историю Древнего Рима и генезисно был связан с итальянским контекстом. Итальянский контекст определил также и генезис теории элит, воспринимаемой сегодня в качестве мировой классики. И В. Парето, и Г. Моска были итальянцами, а бельгиец Р. Михельс принял итальянское гражданство и умер в 1936 г. в Риме. Теория элит была тесно сопряжена с идеологией фашизма, а её основоположники – Моска и Михельс – были близки к фашистскому руководству [4]. Но это, впрочем, не препятствует широкому политологическому использованию теории элит, как и самого идеологически неоднозначного понятия «элиты» сегодня.

Однако узкий подход мало что даёт для осмысления феномена фашизма и предупреждений его реанимации. Если в фашизме есть лишь то, что было в Италии при Муссолини, то, значит, нет никаких оснований ни говорить об угрозах новой фашизации, ни даже о борьбе человечества с фашизмом в XX в. как глобальном вызове.

Генезисные основания нацизма

Нацизм в своём генезисе может иметь различные причинные основания и катализаторы. Чтобы блокировать генерацию нацизма сегодня и в будущем, надо понимать спектр всех порождающих его оснований.

Проекты элит. Нацизм часто оказывается проектируемым феноменом. Фактор проектируемости с очевидностью обнаруживается в генезисе германского нацизма. Гитлера вели к власти. Нацизм был нужен германским элитам для вывода страны из кризиса, победы над конкурентами (прежде всего, еврейским капиталом) и подавления надвигающейся революции. Для мировых элит приход Гитлера к власти был необходим для раскрутки военной темы как средства выхода из «великой депрессии» и в качестве кулака для нанесения удара по СССР [51].

Проектировался нацизм и на постсоветском пространстве. Опора на нацистские силы обеспечивала легитимизацию этнократических режимов. Большим проектом являлось возвращение украинского нацизма [5].

Психологические установки «Я – Мы – Они». Глубинно нацизм восходит к дифференциации идентичностей по дуальному принципу «мы – они». «Другие» в этой дифференциации оказываются синонимичны врагам. В древних мифологических стереотипах другие были не просто иными народами, а «не-людьми». Общность людей ограничивалась группой «своих». Происхождение таких установок объясняется длительностью замкнутого локального существования. Приход

«чужих» после столетий замкнутости не мог не быть потрясением. Пограничное сосуществование народов-антагонистов создавало соответствующую систему мифологии [39].

Стереотипы дуального восприятия сохранялись в национальном сознании. Периодически вследствие различного рода потрясений они сублимировались, прорывались из бессознательного в сферу идеологического дискурса [46].

Страх «чужого». Понятие «ксенофобия» буквально переводится как «страх чужого». Страх далее переходит в ненависть в отношении того, что его вызывает. Чужое действительно вызывает ощущение угрозы, возрастающей опасности. Этот эффект укоренён глубоко в социальной психологии и относится к сфере бессознательного. Чувство страха вызывает дискомфорт. Человек или группа людей, испытывая страх перед чем-либо, будут пытаться от него избавиться. Чтобы избавиться от страха перед чужаком, нужно ликвидировать чужака, что и есть фактически рецептура нацизма [21; 23, с. 104–122].

Сценарий кровной мести. «Кровная месть», воспроизводясь поколенчески, формирует в сознании соответствующих общностей устойчивый образ врага. На каком-то этапе мотив мести оформляется и закрепляется посредством идеологии нацизма.

Переход мотива кровной мести в нацизм не обязательно требует многопоколенной вражды. Катализатором может послужить и одно убийство «своего» «чужаками». Прецеденты такого рода достаточно распространены в генезисе межэтнических конфликтов. Бытовая ссора может закончиться применением насилия и убийством – случаев такого рода, к сожалению, огромное количество в любой стране мира. Совершённое преступление может быть интерпретировано в качестве убийства «чужаками» представителя автохтонного сообщества, т. е. переведено из разряда индивидуального

конфликта в групповой. Вероятный итог – этническая война и нацификация [33].

Комплекс неполноценности (компенсаторика). Тезис, сообразно с которым в основании германского нацизма лежал комплекс национальной неполноценности, имеет широкую литературу, находящуюся на пересечении истории и социальной психологии. Проигранная Первая мировая война, унижение Версальского мира приводили к стремлению самоутверждения. Социальные обвалы периода мирового кризиса, депрессивное состояние Веймарской республики продуцировали индивидуальные комплексы неполноценности у значительных групп населения. Нацизм оказывался способом компенсации: подавления комплекса посредством принятия мифа о собственном величии. Собственное величие достигалось через унижение «другого» [25; 42].

Идеология превосходства и неравенства. Идеи могут оформлять уже существующие в обществе настроения, а могут и сами являться факторами их порождения. Безусловную факторную роль в генезисе германского нацизма сыграли идеи антропологического превосходства немцев. Основу их составлял расизм, в фокусе которого находился миф о нордической расе. Расизм претендовал на подлинную научность. При этом классические науки трактовались как целевое искажение реальности и профанизация. Иногда подлинные знания отыскивались в эзотерике. Аппеляции к эзотерике были тем проще, что снимали неудобные вопросы об источниках. У «тайных знаний» источники должны были быть только «тайные», а, следовательно, классическая система доказательности уже оказывается не нужна.

Расистские теории исторически генерировались почти у каждого народа. Видными фигурами в формировании расистских теорий выступили: во Франции – Ж. А. де Гобино и Ж. В. де Лапуж, в Германии – Г. Гюнтер и Ф. Ленц, в Великобритании – Ф. Гальтон (двоюрод-

ный брат Ч. Дарвина) и Х. Чемберлен, в США – М. Грант, в Италии – Д. Серджи, в Швеции – А. Ретциус, в Польше – Л. Крживицкий (удивительным образом соединявший расизм с марксизмом), на Украине – Д. Донцов и т. д. [28; 38; 52].

Изменения этнодемографической структуры общества. Ни одно общество ни является этнически гомогенным. Почти в каждом из них существуют определённые, исторически установившиеся, пропорции этнического представительства. Имеется, как правило, хотя и не всегда, этническое большинство, на основе которого выстраивается культурный фундамент соответствующего сообщества, его репрезентация. Однако демографические процессы осуществляются неравномерно. С течением времени соотношения этнических представительства может изменяться. С этими изменениями оказываются сопряжены угрозы – реальные или мнимые – для культурного ядра социума [48]. Возникает конфликт между сторонниками старого культурного ядра и сторонниками претендующей на перераспределение отношений доминирования прежде периферийной этничности. Сложившаяся ситуация особо благоприятна для генерирования нацистской идеологии.

Экономическая конкуренция. Ресурсы, которыми обладает человечество и отдельные страны, ограничены. Ввиду ограниченности ресурсов имеет место конкурентная борьба, зачастую перерастающая в войны. С экономической точки зрения, борьба за ресурсы и является главным фактором военных конфликтов в мире. Конкурентная борьба при капитализме предопределяет движение в сторону нацизма. Логика сдвига вправо была показана ещё в начале XX в. Дж. Гобсоном и В. И. Лениным, а потом – и И. В. Сталиным. Империализм в свою очередь порождает фашизм и нацизм. Национальный капитал выдвигает идеологию нацизма для мобилизации «своих» против капитала иностранных капиталов.

Те, в свою очередь, продуцируют свои нацизмы. Помимо борьбы с внешними конкурентами нацизм выполняет функцию замещения классовых противоречий национальными [74].

Развитие нацизма может подтолкнуть и экономическая конкуренция этнических группировок внутри страны. Трудовая миграция предполагает занятие мигрантами определённых ниш национальной экономики. Если экономика при этом не находится в фазе роста, это означает лишение рабочих мест автохтонного населения. Мигранты трудоустраиваются за низкую плату, снижая тем самым общий зарплатный уровень в стране. Мигрантофобия логически перерастает в нацизм. С другой стороны, консолидация мигрантов в борьбе за ресурсы приводит к генерированию нацизма аллохтонов.

Перераспределение контроля за ресурсами, перераспределение властного представительства. Этнизация любой из сфер государственной и общественной жизни содержит риски роста этнической напряжённости. Особенно опасным является ситуация этнической монополизации властных ресурсов. Не случайно сталинская национальная политика выстраивалась на установке недопущения этнокланов во власти в союзных и автономных республиках. Последующая коренизация кадров в республиках и автономиях привела фактически к формированию режимов автократий, что далее привело к распространению практики дискриминации по этническому признаку [55].

Перераспределение ресурсов в пользу определённой этнической группы, в т. ч. связанных с элитогенезом, включая властные ресурсы, может стать побудительным мотивом распространения нацистских идей. Причём они могут генерироваться как снизу, так и сверху. Генерация снизу может быть связана с позицией о недопустимости захвата власти национальными меньшинствами. Нацизм сверху может напротив исходить

из представления о превосходстве элиты над массами, как представительстве другого народа [37].

Война, образ врага. Война предполагает и предполагала во все времена работу системы пропаганды. Одна из главных её задач – дискредитация врага, раскрытие его коварства, жестокости, вероломства, аморальности. Враг часто демонизируется, представляется монстром, наделяется зооморфными чертами. Перенос соответствующих черт на народы-противники в войне уже фактически есть визуализация нацизма. Плакатное искусство и карикатуры периода крупных войн показывают многочисленные примеры такого рода демонизации, фактически художественного расчеловечивания. Противник переставал быть человеком. А соответственно, его можно было убить, и убийство являлось оправданным и целесообразным [49].

«Удар в спину». Проигранные войны и неудачи всегда болезненно воспринимаются населением проигравшего государства. Поражение вызывает диссонанс с мифом о национальном величии. Следствием его может стать национальное самоуничтожение. При особо тяжёлых его формах народ может быть доведён до государственной и цивилизационной самоликвидации. Другим вариантом снятия диссонанса является выдвижение концепта об «ударе в спину». Поражение в этом случае объясняется действием «пятой колонны», ставшей пособником внешнему врагу. И этот внутренний враг, нанёсший удар в спину воюющей армии, оказывается представлен в качестве главного виновника катастрофы. Часто представления об «ударе в спину» имели характер «чёрного мифа», но имелись и реальные исторические прецеденты использования противников тех или иных сил внутри социума. Одним из вариантов определения внутреннего врага является его этническая идентификация [3].

Национальное унижение, реваншизм. Национальное унижение страны, про-

игравшей в войне, является прологом новых войн. Победители почивают на лаврах, проигравшие готовятся взять реванш. Реваншистские настроения поддерживаются чувством ненависти к победителям [60].

Идеи реванша циркулируют сегодня в национальном дискурсе многих государств. Технологически канализировать реваншизм в нацизм при наличии соответствующего концептуального выражения не представляет большой проблемы.

«Осквернение символов». Любое общество имеет идентичную для себя систему символов, определяемую Ю. М. Лотманом понятием «семиосфера» [30]. Американский историк Р. Уортман писал в применении к истории Российской империи о национальных ритуалах [56]. Разрушение или осквернение национального ритуала, подрыв национальной семиосферы есть кощунство. В случаях, если в этих кощунственных действиях оказываются замешаны инородцы, то произошедшее оценивается как ритуальное преступление. При идентификации инородцев как ритуальных преступников создаётся ещё одна сценарная перспектива генезиса нацизма.

Заключение

Проведённое рассмотрение позволяет выдвинуть сомнение в целесообразности опоры в государственном и социальном строительстве на понятие «нация». Феномен нации сложился в специфических условиях развития Западной цивилизации, и попытки переноса его в иноцивилизационные среды вызвали, как правило, деструктивные последствия. Российская государственность исторически выстраивалась не как государство-нация, а в качестве государства-цивилизации. И, соответственно, весь инструментарий и концептуальные производные от государства-нации в их применении к России должны быть пересмотрены.

Модель государства-нации в логике своего развития породила феномен эт-

нократий и нацизма. Обнаруживается историческая связанность национализма с его экстремизированным следствием в виде нацизма. Модель государства-цивилизации снимает соответствующие угрозы нацификации, которые потенциально заложены в государстве-нации.

Советский Союз одержал Победу в войне с фашизмом. И это опорное представление российского цивилизационного самосознания. Соответственно, целесообразно использовать широкую трактовку понятия «фашизм», которое в то же время соотносилось бы и с феноменом нацизма. В этом соотношении под

фашизмом было бы правильно понимать идеологию и вытекающую из неё политическую практику антропологического превосходства и неравенства. Нацизм, соответственно, следует в этой логике понимать как один из видов фашизма, связанный с расовым и этническим превосходством, воплощаемым в нации. Идеология нацизма является наиболее радикальной в критериях человеконенавистничества версией фашизма. Против этой идеологии и ведёт в настоящее время борьбу Россия на Украине.

Дата поступления в редакцию 10.02.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой и др. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Артамошин С. В. Образ врага в нацистской идеологии веймарского периода // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 225–231.
4. Ашин Г. К. Современные теории элиты: Критический очерк. М.: Международные отношения, 1985. 256 с.
5. Багдасарян В. Э. Украинский нацизм. Исторические истоки. М.: Наше завтра, 2023. 528 с.
6. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Превосходство, присвоение, неравенство. М.: Научный эксперт, 2013. 304 с.
7. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Современный фашизм: новые облики и проявления. М.: Наука и политика, 2017. 328 с.
8. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / пер. с нем. М. С. Панина. М.: Ленанд, 2015. 598 с.
9. Васильченко А. В. Аненербе. «Наследие предков» без мифов и тайн. М.: Рипол-классик, 2005. 432 с.
10. Васильченко А. В. Окультизм миф III рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. 624 с.
11. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922–1982 / пер. с нем. А. И. Федорова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 229 с.
12. Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989. 352 с.
13. Гапоненко А. Европейский фашизм: проблемы идентификации и предупреждения. М.: Книжный мир, 2021. 704 с.
14. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
15. Генри Э. Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями / пер. с англ. Р. Ихок. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 267 с.
16. Гирц К. Интерпретация культуры / пер. Е. М. Лазаревой и др. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
17. Голдберг Дж. Либеральный фашизм / под ред. И. Е. Федосова. М.: Рид Групп, 2012. 512 с.
18. Горький М. Пролетарский гуманизм [Электронный ресурс]. <https://e.lanbook.com/book/38271> (дата обращения: 15.04.2024).
19. Гриффин Р. Современное состояние и будущие направления сравнительных исследований исторического фашизма и неонацизма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2011. № 2. С. 257–277
20. Гудрик-Кларк Н. Окультизм корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию: Ариософы Австрии и Германии, 1890–1935. М.: Эксмо, 2004. 576 с.

21. Гурина О. Д. Психологические особенности формирования ксенофобских установок [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Т. 1. № 4. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n4/49301 (дата обращения: 15.04.2024).
22. Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство / пер. с болг. М.: Новости, 1991. 336 с.
23. Залесский К. Фашизм CF нацизм. М.: Наше завтра, 2024. 400 с.
24. Каутский К. Национальные проблемы. М.: URSS. 2021. 184 с.
25. Кон Н. Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов» / пер. с англ. С. С. Бычкова. М.: Прогресс, 1990. 247 с.
26. Кривушин И. В. Сто дней во власти безумия: Руандийский геноцид 1994 г. М.: ИД Высшей школы экономики, 2015. 528 с.
27. Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1991. 485 с.
28. Лепетухин Н. В. Теории расизма в общественно-политической жизни Западной Европы второй половины XIX – начала XX веков: Ж.-А. Гобино, Г. Лебон, Х.-С. Чемберлен. Иваново: Прес-Сто, 2013. 148 с.
29. Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1914. 507 с.
30. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. 704 с.
31. Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 48–57.
32. Мазуров И. Фашизм как форма тоталитаризма // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 39–51.
33. Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 736 с.
34. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству / пер. В. А. Флерова. М.: Фолио, 2009. 191 с.
35. Нольте Э. Фашизм в его эпоху. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.
36. Поддубный Н. В., Трунов А. А. Реформация и хилиазм (идейные истоки современности) // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. С. 5–20.
37. Поздняков А. Н. Миграция и этническая преступность: причинно-следственные связи. М.: Проспект, 2019. 224 с.
38. Поляков Л. В. Арийский миф. Исследование истоков расизма. СПб.: Евразия, 1996. 360 с.
39. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: ФЭРИ-В, 2006. 640 с.
40. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола: 1555–1648. СПб: Гуманитарная академия, 2002. 384 с.
41. Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М. Наука, 1989. 583 с.
42. Райх В. Психология масс и фашизм / пер. Ю. М. Донц. СПб.: Университетская книга., 1997. 380 с.
43. Рапп Ф. Священная Римская империя германской нации / пер. с фр. М. В. Ковальковой. СПб.: Евразия, 2009. 427 с.
44. Рахшмир П. Ю. Новейшие концепции фашизма в буржуазной историографии Запада. М.: Наука, 1979. 50 с.
45. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101.
46. Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19.
47. Ретинский С. Г. Марксистская концепция становления наций и национальных государств: по материалам работ Ф. Энгельса // Культура и цивилизация. 2022. № 2. С. 73–80.
48. Рудакова Е. К. Демографические процессы в Европе: динамика и причины депопуляции // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 227–233.
49. Сенявская Е. С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140–156.
50. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1946. С. 290–367.
51. Сталиков Н. В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. М.: Питер, 2018. 368 с.
52. Тагиефф П.-А. Цвет и кровь. Французские теории расизма / пер. с фр. А. А. Славохотова. М.: Ладомир, 2009. 240 с.

53. Телицын В. Л. Проект «Аненербе». Наследие предков и Третий рейх. М.: АСТ, 2001. 432 с.
54. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 542 с.
55. Тощенко Ж. Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОС-СПЭН, 2003. 432 с.
56. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. 606 с.
57. Филатов А. Вестфальская система как мифологема // Национальные интересы. Журнал Института национальной стратегии реформ. 2008. №1. С. 139–157.
58. Хазанов А. М. Салазар: 40 лет диктатуры в Португалии // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 129–146.
59. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М.: АСТ, 2006. 603 с.
60. Харитонов Ю. Т. Реваншисты. М.: Прогресс, 1987. 238 с.
61. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
62. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
63. Эко У. Пять эссе на темы этики / пер. с итал. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2000. 157 с.
64. Эрме Г. Авторитаризм // Политология вчера и сегодня. 1991. Вып. 3. С. 181–206.
65. Glazer N., Moynihan D. P. Beyond the Melting Pot. MIT Press, 1970. 364 p.
66. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, Cambridge, 2000. 320 p.
67. Linz J. Some notes toward a comparative study of fascism in sociological historical perspective // Fascism: A Reader's Guide / W. Laqueur, ed. Berkeley: University of California Press, 1976. 121 p.
68. Moynihan D. P. Pandaemonium: Ethnicity in International Politics. Oxford: University Press, 1993. 238 p.
69. Paxton R. The Anatomy of Fascism. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2004. 321 p.
70. Payne S. G. A History of Fascism, 1914–1945. Madison: University of Wisconsin Press, 1995. 592 p.
71. Payne S. G. Fascism: Comparison and Definition. Madison: University of Wisconsin Press, 1980. 242 p.
72. Sarti R. The Ax Within: Italian Fascism in Action. New York: New Viewpoints, 1974. 278 p.
73. Smith A. D. Nationalism and modernism: a critical survey of recent theories of nations A. Nationalism. L.; N. Y.: Routledge, 1998. XIV. 270 p.
74. Winslow E. Marxian, Liberal, and Sociological Theories of Imperialism // Journal of Political Economy. 1931. № 39. P. 713–758.

REFERENCES

1. Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism* (Rus. ed.: Nikolaeva V. G., trans. *Voobrazhayemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 416 p.)
2. Arendt H. *Origins of totalitarianism* (Rus. ed.: Borisova I. V., transl. Moscow, TsentrKom Publ., 1996. 672 p.
3. Artamoshin S. V. [The enemy image in Nazi ideology of the Weimar period]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2008, no. 8, pp. 225–231.
4. Ashin G. K. *Sovremennyye idei elity: Kriticheskiy ocherk* [Modern theories of the elite: A critical essay]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1985. 256 p.
5. Bagdasaryan V. E. *Ukrainskiy natsizm. Istoricheskiye istoki* [Ukrainian Nazism. Historical origins]. Moscow, Nashe zavtra Publ., 2023. 528 p.
6. Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. [Superiority, appropriation, inequality]. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2013. 304 p.
7. Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. *Sovremennyy fashizm: novyye obliki i proyavleniya* [Modern fascism: new faces and manifestations]. Moscow, Nauka i politika Publ., 2017. 328 p.
8. Bauer O. *The national question and social democracy* (Rus. ed.: Panin M. S., trans. *Natsionalnyy vopros i sotsial-demokratiya*. Moscow, Lenand Publ., 2015. 598 p.
9. Vasilchenko A. V. *Anenerbe. «Nasledie predkov» bez mifov i tayn* [Ahnenenerbe. “The Heritage of Ancestors” without myths and secrets]. Moscow, Ripol-classic Publ., 2005. 432 p.

10. Vasilchenko A. V. *Okkultnyy mif III reykh* [Occult myth of the Third Reich]. Moscow, Yauza-press Publ., 2008. 624 p.
11. Wippermann W. *Der europäische Faschismus im Vergleich 1922–1982* (Rus. ed.: Fedorov A. I., transl. *Yevropeyskiy fashizm v glazakh 1922–1982*. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 2000. 229 p.)
12. Galkin A. A. *Germanskiy fashizm* [German fascism]. Moscow, 1989. 352 p.
13. Gaponenko A. *Yevropeyskiy fashizm: problemy vyyavleniya i uvazheniya* [European fascism: problems of identification and prevention]. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 2021. 704 p.
14. Gellner E. *Nations and nationalism* (Rus. ed.: Berdikov T. V., Tyunkina M. K., transl. Moscow, Progress Publ., 1991. 320 p.)
15. Henry E. *Hitler against the USSR. The coming battle between fascist and socialist armies* (Rus. ed.: Ihok R., transl. Moscow, Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomicheskoye izd-vo Publ., 1938. 267 p.)
16. Geertz K. *Interpretation of cultures* (Rus. ed.: Lazareva E. M., transl. *Interpretatsiya kultury*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 560 p.)
17. Goldberg J. *Liberal fascism* (Rus. ed.: Fedosova I. E., ed. *Liberalnyy fashizm*. Moscow, Rid Grupp, 2012. 512 p.)
18. Gorky M. *Proletarskiy gumanizm* [Proletarian humanism]. Abstract at: URL: <https://e.lanbook.com/book/38271> (accessed: 15.04.2024).
19. Griffin R. [Current state and future directions of comparative studies of historical fascism and neo-fascism]. In: *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kultury* [Forum of Contemporary Eastern European History and Culture], 2011, no. 2, pp. 257–277
20. Goodrick-Clark N. *Okkultnyye korni natsizma. Taynyye ariyskiye kul'ty i ikh vliyaniye na natsistskuyu ideologiyu: Ariosofy Avstrii i Germanii, 1890–1935* [Occult roots of Nazism. Secret Aryan Cults and Their Influence on Nazi Ideology: Ariosophists of Austria and Germany, 1890–1935]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 576 p.
21. Gurina O. D. [Psychological characteristics of the formation of xenophobic attitudes]. In: *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2011, vol. 1, no. 4. Abstract at: URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n4/49301 (accessed: 15.04.2024).
22. Zhelev Zh. *Fascism. Totalitarian state* (Rus. ed.: *Totalitarnoye gosudarstvo*. Moscow, Novosti, 1991. 336 p.)
23. Zalesky K. *Fashizm CF natsizm* [Fascism CF Nazism]. Moscow, Nashe zavtra Publ., 2024. 400 p.
24. Kautsky K. *Natsionalnyye problemy* [National problems]. Moscow, URSS Publ., 2021. 184 p.
25. Kon N. *Blessing for genocide: The myth of the worldwide conspiracy of the Jews and the "Protocols of the Elders of Zion"* (Rus. ed.: Bychkova S. S., transl. Moscow, Progress Publ., 1990. 247 p.)
26. Krivushin I. V. *Sto dney vo vlasti bezumiya: Ruandiyskiy genotsid 1994 g.* [One hundred days in the grip of madness: the Rwandan genocide of 1994]. Moscow, ID Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2015. 528 p.
27. Lacker U. *Rossiya i Germaniya. Nastavniki Gitlera* [Russia and Germany. Hitler's mentors]. Washington, Problems of Eastern Europe, 1991. 485 p.
28. Lepetukhin N. V. *Teorii razizma v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Afriki vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: Zh.-A. Gobino, G. Lebon, Kh.-S. Chamberlen* [Theories of racism in the socio-political life of Western Europe in the second half of the 19th – early 20th centuries: J.-A. Gobineau, G. Le Bon, H.-S. Chamberlain]. Ivanovo, PresSto Publ., 2013. 148 p.
29. Lozinsky S. G. *Istoriya invizitsii v Ispanii* [History of the Inquisition in Spain]. St. Petersburg, Brockhaus-Efron Publ., 1914. 507 p.
30. Lotman Yu. M. *Semiosfera: Kultura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov* [Semiosphere: Culture and Explosion. Inside thinking worlds]. St. Petersburg, Art-SPB Publ., 2010. 704 p.
31. Lux L. [Bolshevism, fascism, national socialism – related phenomena?]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1998, no. 7, pp. 48–57.
32. Mazurov I. [Fascism as a form of totalitarianism]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity], 1993, no. 5, pp. 39–51
33. Maltsev G. V. *Mesto i vozmezdiye v drevnem prave* [Revenge and retribution in ancient law]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2012. 736 p.
34. Nietzsche F. *Antichrist. A curse on Christianity* (Rus. ed.: Flerov V. A., transl. *Antikhris. Proklyatiye khristianstva*. Moscow, Folio Publ., 2009. 191 p.)

35. Nolte E. *Fashizm v yego epokhu* [Fascism in its era]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001. 568 p.
36. Poddubny N. V., Trunov A. A. [Reformation and chiliarism (ideological origins of modernity)]. In: *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history], 2015, no. 1, pp. 5–20.
37. Pozdnyakov A. N. *Migratsiya i etnicheskaya prestupnost': prichinno-sledstvennyye svyazi* [Migration and ethnic crime: cause-and-effect relationships]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 224 p.
38. Polyakov L. V. *Ariyskiy mif. Issledovaniye istokov rasizma* [Aryan myth. Exploring the origins of racism]. St. Petersburg, Evrasia Publ., 1996. 360 p.
39. Porshnev B. F. *O nachale istorii (problemy paleopsikhologii)* [About the beginning of human history (problems of paleopsychology)]. Moscow, FERI-V Publ., 2006. 640 p.
40. Prokopyev A. Yu. *Germaniya v epokhu religioznogo raskola: 1555–1648 gg.* [Germany in the era of religious schism: 1555–1648]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2002. 384 p.
41. Projector D. M. *Fashizm: put agressii i put* [Fascism: the path of aggression and death]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 583 p.
42. Reich V. *Psychology of the masses and fascism* (Rus. ed.: Donts Yu. M., transl. *Psikhologiya massy i fashizma*). St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1997. 380 p.
43. Rapp F. *The Holy Roman Empire of the German Nation* (Rus. ed.: Kovalkova M. V., transl. *Svyashchennaya Rimskaya imperiya germanskoy natsii*). St. Petersburg, Evrasia Publ., 2009. 427 p.)
44. Rakhshmir P. Yu. *Noveyshiye kontseptsii fashizma v burzhuaznoy istoriografii Zapada* [The latest concepts of fascism in bourgeois historiography of the West]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 50 p.
45. Renan E. [What is a nation?]. In: Renan E. *Sobraniye sochineniy. T. 6* [Collected Works. Vol. 6.] Kyiv, 1902, pp. 87–101.
46. Repina L. P. [“National character” and the “image of the Other”]. In: *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2012, iss. 39, pp. 9–19.
47. Retinsky S. G. [The Marxist concept of becoming nations and nation states: based on the works of F. Engels]. In: *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2022, no. 2, pp. 73–80.
48. Rudakova E. K. [Demographic processes in Europe: dynamics and reasons for depopulation]. In: *Vlast* [The Authority], 2020, vol. 28, no. 4, pp. 227–233.
49. Senyavskaya E. S. [The image of the enemy in the minds of participants in the First World War]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1997, no. 3, pp. 140–156.
50. Stalin I. V. [Marxism and the national question]. In: Stalin I. V. *Sochineniya. T. 2* [Works. T. 2]. Moscow, OGIZ Publ., 1946, pp. 290–367.
51. Starikov N. V. *Kto zastavil Gitlera napast na Stalina* [Who forced Hitler to attack Stalin]. Moscow, Peter Publ., 2018. 368 p.
52. Tagieff P.-A. *Couleur et sang. Théories françaises du racisme* (Rus. ed: Slavokhotova A. A., transl. *Frantsuzskie teorii rasizma*). Moscow, Ladimir Publ., 2009. 240 p.
53. Telitsyn V. L. *Proyekt «Anenerbe». Naslediye predkov i Tretikh reykh* [Project “Ahnenerbe”. The legacy of our ancestors and the Third Reich]. Moscow, AST Publ., 2001. 432 p.
54. Tishkov V. A. *Rekviyem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnicity: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 542 p.
55. Toshchenko Zh. T. *Etnokratiya: istoriya i sovremennost' (sotsiologicheskiye ocherki)* [Ethnocracy: history and modernity (sociological essays)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 432 p.
56. Wortman R. S. *Stsenarii vlasti. Mify i vesti rossiyskiye monarkhii* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Moscow, OGI Publ., 2002. 606 p.
57. Filatov A. [The Westphalian system as a mythology]. In: *Natsionalnyye interesy. Zhurnal Instituta natsional'noy strategii reform* [National interests. Journal of the Institute for National Reform Strategy], 2008, no. 1, pp. 139–157.
58. Khazanov A. M. [Salazar: 40 years of dictatorship in Portugal]. In: *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history], 2009, no. 3, pp. 129–146.
59. Huntington S. *Clash of Civilizations* (Rus. ed.: Novikova Yu., transl. *tolknoveniye tsivilizatsiy*). Moscow, AST Publ., 2006. 603 p.)
60. Kharitonova Yu. T. *Revanshisty* [Revanchists]. Moscow, Progress Publ., 1987. 238 p.
61. Hobsbawm E. [Invention of traditions]. In: *Vestnik Yevrazii* [Bulletin of Eurasia], 2000, no. 1, pp. 47–62.

62. Hobsbawm E. *Nations and nationalism after 1780* (Rus. ed.: Vasilyev A. A., transl. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* St. Petersburg, Aletheya Publ., 1998. 306 p.)
63. Echo W. *Cinque saggi sulle tica* (Rus. ed.: Kostyukovich E., transl. *Pyat esse na temy etiki.* St. Petersburg, Symposium Publ., 2000. 157 p.)
64. Erme G. [Authoritarianism]. In: *Politologiya vchera i segodnya* [Political science yesterday and today], 1991, iss. 3, pp. 181–206.
65. Glazer N., Moynihan D. P. *Beyond the Melting Pot*. MIT Press, 1970. 364 p.
66. Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press, Cambridge, 2000. 320 p.
67. Linz J. Some notes toward a comparative study of fascism in sociological historical perspective. In: Laqueur W., ed. *Fascism: A Reader's Guide*. Berkeley, University of California Press, 1976. 121 p.
68. Moynihan D. P. *Pandaemonium: Ethnicity in International Politics*. Oxford, University Press, 1993. 238 p.
69. Paxton R. *The Anatomy of Fascism*. N.Y., Alfred A. Knopf, 2004. 321 p.
70. Payne S. G. *A History of Fascism, 1914–1945*. Madison, University of Wisconsin Press, 1995. 592 p.
71. Payne S. G. *Fascism: Comparison and Definition*. Madison, University of Wisconsin Press, 1980. 242 p.
72. Sarti R. *The Ax Within: Italian Fascism in Action*. New York, New Viewpoints, 1974. 278 p.
73. Smith A. D. *Nationalism and modernism: a critical survey of recent theories of nations A. Nationalism*. L.; N. Y.: Routledge, 1998. XIV. 270 p.
74. Winslow E. Marxian, Liberal, and Sociological Theories of Imperialism. In: *Journal of Political Economy*, 1931, no. 39, pp. 713–758.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Нация, нацизм и фашизм: социогуманитарные парадигмы политологических определений. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 7–28.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-7-28

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E. Nation, Nazism and Fascism: Socio-humanitarian paradigms of political science definitions. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 7–28.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-7-28

УДК 325

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-29-57

РУССКИЕ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВ «БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ»: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Ланратова Я. В.*Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить на основе демографической статистики долю русских в структуре населения государств «ближнего зарубежья» как отражение политических процессов внутри евразийской цивилизационной общности (интеграционных/деинтеграционных).

Процедуры и методы. Источниковой базой исследования явились материалы переписей населения Российской империи (1897 г.), всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и национальных (различаемых по государствам). Изменения доли русских в структуре населения национальных республик соотносилось с евразийскими цивилизационными потенциалами и направленностью политических процессов.

Результаты. Получены выводы о соотношении интеграционных потенциалов евразийской цивилизации с удельным весом в национальных республиках русской этнической компоненты. Снижение доли русского народа в национальных республиках связывалось с феноменом демографического выдавливания и формирования режима этнократий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут использоваться для формирования политики Российского государства в сфере национальных отношений и в поддержке соотечественников за рубежом.

Ключевые слова: русские, перепись населения, демографическое выдавливание, политика коренизации, цивилизация, этнократии

RUSSIANS IN THE TRANSFORMING ETHNIC STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE “NEAR ABROAD” STATES: DEMOGRAPHIC INDICATORS OF POLITICAL PROCESSES

Ya. Lantratova*State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
ul. Okhotnyi ryad 1, Moscow 103265, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify, based on demographic statistics, the share of Russians in the population structure of the “near abroad” states as a reflection of political processes within the Eurasian civilizational community (integration / disintegration).

Methodology. The source base for the study was the materials of population censuses – the Russian Empire (1897), all-Union (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989) and national (differentiated by state). Changes in the share of Russians in the population structure of national republics correlated with Eurasian civilizational potentials and the direction of political processes.

Results. Conclusions have been drawn about the correlation of the integration potentials of the Eurasian civilization with the share of the Russian ethnic component in the national republics. The decline in the share of the Russian people in the national republics was associated with the phenomenon of demographic squeeze and the formation of a regime of ethnocracies.

Research implications. The study is focused on using its results in practical activities to formulate the policy of the Russian state in the field of national relations and in supporting compatriots abroad.

Keywords: Russians, population census, demographic squeeze, indigenization policy, civilization, ethnocracy

Введение

В результате реформы 2020 г. в текст Конституции Российской Федерации было внесено положение о государствообразующем народе. Определение русского народа как государствообразующего не подразумевает этнических преференций и не отменяет многонационального характера российского государства. Но оно указывает на наличие культурного ядра государственности. Государствообразующая роль принадлежала русскому народу и в Российской империи, и в СССР. Слова советского гимна о спланированной роли «великой Руси» отражали фактически это положение. Однако ни законодательно, ни даже идеологически государствообразующий статус русских в СССР не закреплялся. Интернационалистские установки часто понимались гипертрофированно, вступая в противоречие с собственно интернационализмом. Невнимание к русскому цивилизационному ядру имело катастрофические последствия для СССР в фазе усиления центробежных тенденций. Удержать советское геополитическое пространство оно оказалось не в состоянии [4; 5; 7; 39].

После распада СССР вытеснение русских с большей или меньшей степенью радикальности проявлялось во всех бывших союзных республиках. В ряде из них это выразилось в проведении дискриминационной политики. Широко распространилось явление бытового давления. Имели место прецеденты насилия, получившие националистическое обоснование. Аккумулятивно была выстроена система демографического выдавливания, вызвавшаяся в принципиальном сокра-

щении удельного веса русских в численности населения соответствующих сообществ [3; 8].

На Украине дискриминационная политика привела к гражданской войне. И украинский сценарий в принципе не исключён и в ряде других регионов. Очевидно также становится, что русское население в бывших республиках СССР сегодня выполняет функцию цивилизационной скрепы. Но это население нуждается в защите со стороны России.

Положение русских в окраинных регионах Российской империи, в республиках СССР и на постсоветском пространстве являлось предметом многочисленных исследований. Анализ осуществлялся в ракурсе различных наук и проблем национальной жизни. Проводились, естественно, и исследования, опирающиеся на материалы демографической статистики [18; 22; 23; 27; 46; 47; 48; 49; 51; 52; 55; 60]. Данная работа продолжает эту исследовательскую линию. В представляемом исследовании изменение доли русских в национальных республиках осуществлялось: во-первых, комплексно, по всем республикам при сравнении их друг с другом; во-вторых, максимально исторически развёрнуто (насколько позволяют материалы переписей), что позволяло выявить динамику процессов в ракурсе цивилизационного подхода; в-третьих, в соотнесении с политическими процессами развития Евразийского пространства.

Источниковой базой исследования послужили материалы переписей разных лет. Для периода Российской империи использовались данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Её ограничи-

тели связаны, во-первых, с отсутствием в опросных анкетах определения этнической принадлежности, которая может лишь восстанавливаться опосредованно по установлению языка, и, во-вторых, с несовпадением административного деления с современным. Этнодемографические процессы советского периода реконструируются по материалам 6 все-союзных переписей – 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Для постсоветского времени использовались переписи национальных государств, хронология и частотность которых не совпадали. Данные переписей периода между двумя мировыми войнами привлекались в отношении Латвии, Литвы, Эстонии и Бессарабии, не входивших в состав Советского Союза.

Демографические материалы использовались как косвенный индикатор положения русских в союзных и национальных республиках в границах бывшего СССР. Согласно гипотезе исследования, увеличение доли русских на соответствующем временном интервале является свидетельством цивилизационного подъёма, а их снижение – цивилизационного кризиса. Если народ, представляющий ядро соответствующей цивилизации, укрепляет свои позиции на окраинах, то это может свидетельствовать о геополитическом расширении. Напротив, при сокращении доли осевого народа на окраинах, можно сделать вывод о геополитическом сжатии.

Цель исследования состояла в осмыслении политических потенциалов евразийской цивилизационной общности по изменению доли русского народа как цивилизационнообразующего в структуре населения территорий, соответствующих современным национальным государствам – бывшим союзным республикам.

Реализуемый методологический подход состоял в соотнесении изменений этнической структуры с политическим состоянием евразийской цивилизационной общности с точки зрения её реинтеграционных и дезинтеграционных перспектив.

Страны Прибалтики

Эстония

Вторая мировая война исторически явилась важнейшим явлением, приведшим к изменению демографической структуры эстонского общества. Русская этническая компонента в Эстонии в той значительной представленности, которая сохраняется до сих пор, в основе своей может рассматриваться как одно из последствий Победы. Но сводить полностью к этому фактору русский миграционный приток было бы некорректно.

Россия исторически вела борьбу за выход в Балтийское море, что соотносилось с соответствующим вектором миграции населения. К концу XIX столетия доля русских (великороссов) в Эстляндской губернии приблизилась к 5%. Имелись в Эстонии и поселения старообрядцев, уходившие ещё к допетровскому периоду, когда эстонская территория находилась под контролем Швеции. Революция и Гражданская война, результатом которых явилось создание Эстонской республики, парадоксально привели к возрастанию в Эстонии доли русских. Это связывалось с исходом на эстонскую территорию части белогвардейцев (в т. ч. представителей разбитой под Петроградом армии Н. Н. Юденича) и представителей социальных групп, не принявших советскую власть. Определённый вклад имела передача Эстонской республики в 1920 г. Печерского района, заселённого преимущественно русскими.

Русские в Эстонской республике не являлись носителем геополитических задач реинтеграции и выступали в большей степени противниками советизации Эстонии, чем сами эстонцы. За послевоенные годы доля русского населения возросла с довоенного показателя 8,2% до 20,07% и продолжала устойчивый рост. Последняя советская перепись зафиксировала превышение удельного веса русских в Эстонии – свыше 30%.

Важно в данном случае подчеркнуть, что миграция русских не имела замысла русификации республики. Эстония до вхождения в состав СССР являлась преимущественно сельскохозяйственной, хуторской, страной. Технологическое и культурное развитие Эстонской ССР предполагало приток квалифицированных кадров, что объективно обуславливало приток русских как носителей соответствующих потенциалов.

Распад СССР стал переломной точкой этнодемографических процессов (табл. 1). С начал 1990-х гг. происходит устойчивое сокращение доли русских в населении республики. Эта тенденция соотносится с фактически нормативизированной дискриминацией в республике русскоязычного населения. Факт дискриминации признаётся как российскими, так и европейскими экспертами. Нормативизированным в публичном лексиконе стало оскорбление русских, например,

Таблица 1 / Table 1

Доля русского населения в этнической структуре Эстонии, в % / The share of the Russian population in the ethnic structure of Estonia, in %

Годы	%
1881	3,3
1897	4,95
1922	8,3
1934	8,2
1959	20,07
1970	24,68
1979	27,91
1989	30,33
2000	25,63
2011	25,2
2021	23,67

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; 1922 a. üldrahvalugemise andmed. Résultats du recensement de 1922 pour toute la République. Vihk I ja II, Rahva demograafiline koosseis ja korteriolud Eestis [Электронный ресурс]. URL: <https://www.digar.ee/arhiiv/et/kollektsioonid/142694>; Eesti arvudes: 1934. a. rahvaloenduse mälestuseks. Tallinn: Riigi Statistika Keskbüroo, 1934 [Электронный ресурс] URL: <https://www.antikvariaat.eu/eesti-arvudes-1934-a-rahvaloenduse-malestuseks>; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; 2000. aasta rahva ja eluruumide loendus. Avaldatud statistika [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.ee/et/statistikaamet/rahvaloendus-2021/2000-aasta-rahva-ja-eluruumide-loendus>; 2011. aasta rahva ja eluruumide loendus. Avaldatud statistika [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.ee/et/statistikaamet/rahvaloendus-2021/2011-aasta-rahva-ja-eluruumide-loendus>; Rahvaloendus 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.ee/et/statistikaamet/rahvaloendus-2021> (дата обращения 04.01.2024)

этнофолизм «тибла». Нельзя при этом считать, что русское население Эстонии является однозначно пророссийским. Но дискриминация осуществляется не как ответ на реальные угрозы со стороны русскоязычных для эстонской государственности, а как выражение укоренённых фобий [9; 19; 28; 41; 58].

Латвия

На настоящее время из всех бывших республик СССР наибольшая доля русского населения приходится на Латвию – 23,7%. К концу существования Советского Союза Латвийская ССР занимала по этому показателю второе место после Казахской ССР.

Особо высокая концентрация русского населения была в Риге. Ещё в 1897 г. русские составляли достаточно внушительную долю в структуре рижского населения – 15,75%. Но уступали численно латышам, что естественно, и немцам – 23,84%, что было специфичным. Немцы преобладали в Риге над русскими вплоть до 1939 г. – организованной Германией репатриации. После Второй мировой войны Рига стала преимущественно русским городом, что и зафиксировала перепись 1959 г. К 1989 г., по данным последней советской переписи, русские составляли 47,29% населения города против 36,46% латышей. Русские сохраняли ещё небольшое преимущество на момент переписи 2000 г., но уже по результатам переписи 2011 г. доля латышей в демографической структуре города превысила долю русских.

Ещё в период Российской империи (по переписи 1897 г.) русские сравнительно весомо – 12% – были представлены на территории будущей Латвии, больше, чем в двух других прибалтийских странах. Обращает внимание наличие значимой старообрядческой компоненты. Сравнительно высоким сохранялся удельный вес русских в Латвийской республике в межвоенный фазе. Отчасти это объяснялось оттоком некоторых групп населения

из РСФСР/СССР, недовольных советской властью. С другой стороны, в условиях установившегося с 1934 г. националистического режима К. Улманиса, вооружённого лозунгом «Латвия для латышей», наметилась тенденция сокращения доли лиц с русской идентификацией.

После Второй мировой войны за счёт притока русского населения этнодемографическая структура Латвии изменилась принципиально. По данным первой послевоенной переписи 1959 г., русские в Латвийской ССР превысили 1/4 населения. К концу существования СССР их доля уже превышала 1/3 жителей республики.

После распада СССР доля русских в Латвии, от переписи к переписи, устойчиво сокращалась (табл. 2). Темпы снижения их удельного веса нельзя назвать обвальными, но тренд вполне определённый. Репродуктивность русских семей не отличается от соответствующих показателей в латышских семьях. Соответственно, снижение их доли в структуре латвийского общества объясняется не более низким естественным воспроизводством, а отказом от русской идентичности. Это, в свою очередь, является следствием этнической дискриминации. Ещё в 1999 г. Государственная Дума РФ в специальном заявлении указывала на проводимое Латвийском государством политики навязывания русским чувства вины перед латышами [9; 10; 11; 12; 31; 54].

Литва

Удельный вес русских в Литве значительно ниже, чем в других прибалтийских государствах. Но векторы изменения их представленности в литовском обществе – те же, что в Латвии и Эстонии.

В период Российской империи доля русских (великоросов) в регионе постепенно возрастала. К началу Первой мировой войны она приблизилась к 6%. Причём, русские были только четвёртым по численности этносом Литвы, уступая не только литовцам, но также евреям и по-

Таблица 2 / Table 2

Доля русского населения в структуре в этнической структуре Латвии, в % / The share of the Russian population in the structure in the ethnic structure of Latvia, in %

Годы	%
1897	12,0
1920	7,82
1925	10,5
1930	10,62
1935	10,59
1939	9,6
1959	26,6
1970	29,8
1979	32,82
1989	33,96
2000	29,58
2011	27,0
2015	26,0
2020	25,0
2023	23,66

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Rasa K. Kuldigas iedzīvotāju kopums un to noteicošie faktori [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnib-pcapijpcglclefindmkaj/https://www.kuldiga.lv/images/Sad alas/Vecpilseta/Kuldigas_iedz_KR.pdf; Итоги переписи населения Латвии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/033/evro01.php> (дата обращения: 04.01.2024); Latvijas 2011. gada tautas skaitīšanas rezultāti Rīga: Centrālā statistikas pārvalde, 2016. 230 lpp.; Latvijas 2021.gada tautas un mājokļu skaitīšanas galvenie rezultāti. Rīga : CSP, 2022. 215 pp.

лякам. Военные и политические события повлияли на этнодемографическую структуру региона, что выразилось, в частности, в возрастании удельного веса литовцев и сокращении иных этносов, включая русский. Последующая стабилизация привела к некоторому увеличению доли русских, но довоенный уровень так и не был достигнут. В 1942 г. на территории Литвы свою перепись организовали немецкие оккупационные власти. Удельный

вес русских, по полученным показателям, составил 3%. В структуре населения не учитывались евреи, в отношении которых проводился курс полного искоренения.

После войны происходит заметный рост русского населения, хотя и не столь масштабный, как в Латвийской и Эстонской ССР. Далее он затормозился. В межпереписной период 1959–1989 гг. увеличение доли русских составило менее 1%. Такое отличие от Латвии и Эстонии

объясняется историей Литвы, имевшей, в отличие от других государств Прибалтики, свою традицию государственности и государственной культуры. А соответственно, такого же острого запроса на квалификационные кадры, сопряжённого с русской миграцией, там не возникало (табл. 3).

Литва фактически первой из союзных республик инициировала выход из СССР. Возникшая политическая напряжённость адресовалась русскому населению, в отношении которого использовался маркер «оккупантов». Взгляд на русских как

на «пятую колонну» России сохранился и после обретения Литвой суверенного статуса. Как и в других прибалтийских республиках, в стране фиксировалась, признаваемая в т. ч. и на Западе дискриминация русских. Дискриминационное положение привело, соответственно, к сокращению удельного веса этого этноса. К настоящему времени доля русских сократилась до уровня конца XIX в. [29; 30; 57].

Союзное государство Белоруссия

Из всех республик бывшего СССР в Белоруссии создана наиболее комфорт-

Таблица 3 / Table 3

Доля русского населения в структуре в этнической структуре Литвы, в % / The share of the Russian population in the structure in the ethnic structure of Lithuania, in%

Годы	%
1897	5,1
1914	5,9
1923	2,5
1939	3,4
1942	3,0
1959	8,52
1970	8,57
1979	8,95
1989	9,37
2001	6,31
2011	5,81
2021	5,02

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php [Электронный ресурс]; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php [Электронный ресурс]; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Lietuvos gyventojų. Pirmojo 1923 m. [Электронный ресурс]. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://statistikouzasai.files.wordpress.com/2013/05/lietuvos-gyventojai-pirmojo-1923-m-rugsc497jo-17-d-visuotinio-gyventojc5b3-surac5a1ymo-duomenys.pdf>; Visuotinis Lietuvos generalinės srities gyventojų surašymas 1942 m. gegužės mėn. 27 d. Kaunas, 1942; Gyventojų ir būstų surašymai [Электронный ресурс]. URL: <https://osp.stat.gov.lt/gyventoju-ir-bustu-surasymai> (дата обращения: 04.01.2024)

ная среда для русского населения. Россия и Белоруссия составляют единое Союзное государство. Русский язык для подавляющего большинства белорусского населения является основным языком. Тем не менее устойчивое сокращение доли русского населения происходит в постсоветский период и в Белоруссии. Если по всесоюзной переписи 1989 г. удельный вес русских в республике составлял 13,22%, то через 30 лет – уже 7,5%.

Вторым после белорусов по численности этносом в регионе по переписям Российской империи 1897 г. и советских

1926 и 1939 гг. были евреи. В результате Холокоста доля еврейского населения в Белорусской ССР принципиально сократилась. Несмотря на присоединение к республике западных областей, где доля русских была сравнительно невелика, перепись 1959 г. зафиксировала их рост в БССР. Рост доли русских в союзной республике показывали и результаты 3 последующих всесоюзных переписей. После распада СССР столь же выраженным стал вектор сокращения удельного веса русских в Белоруссии (табл. 4). Причём, на первом этапе, переписи 1999 и 2009 гг.,

Таблица 4 / Table 4

Доля русского населения в этнической структуре Белоруссии, в % / The share of the Russian population in the ethnic structure of Belarus, in %

Годы	%
1897	4,3
1926	7,7
1939	6,55
1959	8,19
1970	10,42
1979	11,9
1989	13,22
1999	11,37
2009	8,26
2019	7,5

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/e2c/jpupn3rl7trt-mxepj6vmh07qu6u5o09i.pdf> (дата обращения: 04.01.2024)

динамика сокращения заметно опережала динамику роста на советском этапе истории [15; 21; 45].

Юго-Запад

Украина

Ситуация с дискриминацией русского населения на Украине, прежде всего, через языковую и историческую политику, стала, как известно, основанием гражданской войны. Украинский урок может быть адресован и другим республикам на постсоветском пространстве, пошедшим путём этнократии.

О существовании до Февральской революции отдельного украинского этноса можно говорить только условно. Были определённые диалектовые отличия южнорусских говоров, равно как существуют диалекты фактически у каждого крупного этноса. Имело место и движение за создание украинской нации среди части интеллигенции – малоросской, галицийской и польской. Причём галицийское движение за украинскую нацию в Австро-Венгрии было гораздо более мощным, чем на востоке региона, определённого в дальнейшем понятием «Украина».

Перепись 1897 г. этническую принадлежность не фиксировала. Фиксировался родной язык. Современный украинский миф определяет украинцами тех, кто по данным переписи говорил на малоросском языке. А таковых насчитывалось 17,8% от населения Российской империи. Малоросский язык действительно выделялся отдельной строкой в переписи. Но он включался в единый русский язык, наряду с великоросским и белорусским. Показательно, что великоросский и русский язык не отождествлялись. Велико-росский был таким же диалектовым вариантом языка, как и малоросский. Под русским же понимался единый литературный язык – язык культуры и государственного делопроизводства.

При современных, не вполне корректных пересчётах на территории, вошедшей

впоследствии в состав Украинской ССР, великоросы составляли 11,8%. Высокий уровень их представленности имел место в крупных городах. Они, в частности, доминировали в Киеве. По данным статистического учёта, на 1918 г. распределение по родному языку было следующим: русский – 53,7%, еврейский – 17,27%, украинский – 11,7%, польский – 9,05%, малоросский – 2,55%, древнееврейский – 0,24%. И это была столица Украинской Народной Республики, образованной 9 (22) января 1918 г. Обращает внимание в данных статистического учёта разделение украинского и малоросского языков [59].

Всесоюзная перепись 1926 г. показывает сокращение доли русских на Украине, что соотносилось с проводимым курсом на украинизацию. Однако когда искусственные установки навязываемой идентичности были сняты, русское представительство в этнодемографической структуре Украинской ССР начало устойчиво расти (с переписи 1939 г.). К концу существования СССР удельный вес русских на Украине составлял 22,07%. Объективность этого процесса обуславливалась преимущественной занятостью в промышленности (59,3%) и направлениях служебной деятельности (36%). При этом в сельском хозяйстве они были, особенно в сравнении с украинцами, представлены крайне незначительно (4,6%). Русский фактор на Украине, как, впрочем, и в других союзных республиках, являлся фактором индустриализации. При этом, вопреки мифам о российской эксплуатации национальной периферии, доля русских, проживающих в Украинской ССР и занятых физическим трудом, была выше соответствующей доли украинцев – 38,6% против 29,4%.

Гибель СССР сразу изменила вектор этнодемографических процессов. Резкое сокращение доли русских, которая зафиксировала первая и пока единственная перепись населения на Украине в постсоветский период 2001 г., подтверждает отрицаемую современным Киевом

реальность дискриминации¹ (табл. 5). Перепись проводилась в президентство Л. Д. Кучмы, когда радикализм украин-

ского национализма не принял ещё столь экстремального характера, как в настоящее время [6; 13; 34].

Таблица 5 / Table 5

Доля русского населения в этнической структуре Украины, в % / The share of the Russian population in the ethnic structure of Ukraine, in %

Годы	%
1897	11,8
1926	9,23
1939	13,49
1959	16,94
1970	19,37
1979	21,11
1989	22,07
2001	17,28

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1926 года; Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Итоги переписи 2001 года на Украине [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0113/analit03.php> (дата обращения: 04.01.2024)

Молдавия

В постсоветский период был достигнут исторический минимум представленности русских в Молдавии за 200 лет – 4,1% по последней из проведенных 10 переписей. Исторический же максимум – 12,96% – фиксировала последняя из советских переписей 1989 г. Долевая представленность русских в Молдавии

сократилась, таким образом, за четверть столетия в 3 раза.

Одними из первых русских переселенцев в регион были старообрядцы. Вхождение в 1812 г. Бессарабии в состав Российской империи подтолкнуло соответствующие миграционные процессы. К концу XIX в. русские (великоросы) составляли 8,1% бессарабского населения, будучи четвертой по численности этнической группой после молдаван, малороссов и евреев. Наряду с евреями их удельный вес был наиболее значителен в

¹ Нарушение прав национальных меньшинств на Украине [Электронный ресурс]. URL: <https://norway.mid.ru/upload/iblock/7a7/7a7e5fa83c0bad4c81694d0b900ce158.pdf> (дата обращения: 04.01.2024)

городах. Бессарабия объективно нуждалась в русских как в носителях квалификационных потенциалов.

Расчёт доли русского населения в Молдавии на интервале между двумя мировыми войнами осложняется оккупацией большей части земель бывшей Бессарабии Румынией и существованием одновременно на оставшихся частях

Молдавской АССР, включённой в состав Украинской ССР. Но ни в одной, ни в другой частях Молдавии доля русских по сравнению с переписью 1897 г. не сократилась. Основная дилемма состояла в выборе между русской и украинской идентификацией. Переписи в Молдавской Автономной Советской Социалистической Республике отражали тенденцию

Таблица 6 / Table 6

Доля русского населения в этнической структуре Молдавии, в % / The share of the Russian population in the ethnic structure of Moldova, in %

Годы	%
1897	8,1
1926	8,54
1930 [20]	12,3
1939	10,23
1959	10,16
1970	11,61
1979	12,8
1989	12,96
2004	5,95
2014	4,1

Источник: [20]; Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php; Некоторые итоги переписи 2004 года в Молдавии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2006/0249/analit08.php>; Recensamantul General al Populatiei Romaniei din 29 decembrie 1930 [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpglcfeindmkaj/https://insse.ro/cms/files/biblioteca/rpl/2023/7_Recensamantul-general-al-populatiei-Romaniei-1930_VOL.7-sumar.pdf; Основные результаты Переписи населения и жилищ 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/ru/osnovnye-rezultaty-perepisi-naseleniya-i-zilishh-2014-34_2854.html (дата обращения: 04.01.2024)

украинизации в УССР. Доля украинцев в автономии существенно превышала в т. ч. и титульную нацию молдаван. Показательно, что румынская перепись на территории Бессарабии зафиксировала преобладание русских над украинцами, 12,3% и 11% соответственно, что диссонировало с этнографическим раскладом в Молдавской АССР, свидетельствуя об идеологическом искажении ситуации сообразно с идеями украинизма.

С всесоюзной переписи 1959 г. и до конца советского периода доля русских в Молдавской ССР росла невысокими темпами. С распадом Советского Союза удельный вес русских в республике стремительно сокращается. Отчасти на показателях сказался выход из состава Молдавии Приднестровской Молдавской Республики. Доля русских в ПМР составляет 34%, что ненамного превосходит удельный вес молдаван и украинцев. Но и удельный вес русских в Молдавии сокращался без учёта фактора Приднестровья. Причина состоит в дискриминационной политике, которая ощущается большинством молдавских русских. Дети межэтнических русско-молдавских браков преимущественно выбирают молдавскую идентичность [32; 43; 44; 50].

Закавказье

Грузия

Русские в Грузии в период Российской империи были представлены преимущественно военными служащими и сектантами – духоборами и молоканами. Часто на грузинских землях селились и демобилизованные солдаты, привлекаемые тёплым климатом. Как и в других национальных регионах, особенно заметно было представительство русских в крупных городах. В Тифлисе, согласно переписи 1897 г., доля русских составляла 28,09%, что было больше, чем грузин (26,44%) и несколько меньше армян (29,53%). По данным переписи 2014 г., русские в грузинской столице составляют всего 1,2% от численности населения.

Первое послереволюционное десятилетие, сопряжённое в т. ч. с развитием самосознания грузин как самостоятельной нации, имело место некоторое сокращение русского населения в Грузии. Однако курс на индустриализацию выразился в установке привлечения русских квалифицированных кадров. Переписи 1939 и 1959 гг. фиксируют рост доли русских – 10,1%. Но далее, как в Азербайджанской и Армянской ССР, доля русских в Грузии с некоторым запозданием в сравнении с соседями (на один межпереписной период) устойчиво снижается. Однако процесс этот носил латентный характер.

Резкое сокращение русского населения в Грузии происходит в постсоветский период. На этих процессах сказывались конфликтные отношения с Российской Федерацией, приводящие к прецедентам восприятия русских в качестве «пятой колонны» России. К 2014 г. их удельный вес в сравнении с последней всесоюзной переписью сократился почти в 9 раз (табл. 7) [20; 35].

Азербайджан

Приток русского населения в Азербайджан был обусловлен, прежде всего, развитием нефтяной промышленности. Уже к концу XIX в. доля русского населения в регионе достигла 9%. Особенно масштабный приток русских в Азербайджанскую ССР был в период первых пятилеток. Перепись 1939 г. зафиксировала 18% русских в населении республики. Современный показатель в 1,2% отражает фактически феномен демографического вытеснения.

На определённом отрезке истории преимущественно русским по населению являлся Баку. По состоянию на 1913 г. доля русских в Баку составляла 35,5%, тогда как закавказских татар (азербайджанцев) проживало 21,4 %. Перепись 1939 г. зафиксировала почти двукратное превышение численности русских в Баку – 43,5%, азербайджанцев – 24,4%. Русские оставались наиболее представленным

Таблица 7 / Table 7

Доля русского населения в этнической структуре Грузии, в % / The share of the Russian population in the ethnic structure of Georgia, in %

Годы	%
1897	5,3
1926	3,6
1939	8,7
1959	10,1
1970	8,5
1979	7,4
1989	6,3
2002	1,55
2014	0,71

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Этнический состав населения Грузии по данным всеобщих переписей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0723/comments/comm3.html>; Preliminary Results of 2014 General Population Census of Georgia [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20150501195632/http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/population/According%20to%20preliminary%20results%20of%20the%202014%20population%20census%20Final.pdf; Население Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rngeorgia.html> (дата обращения: 04.01.2024)

этносом в городе и по данным переписи 1959 г. Но уже к 1970 г. они оказались оттеснены на вторую позицию – 29,6% при резко возросшей численности азербайджанцев – 42,5%. К 1989 г. доля русских в Баку уже сократилась до 19,1%, тогда как азербайджанцев – возросла до 61,8%. По данным первой постсоветской переписи, в республике русских в столице Азербайджана оставалось всего 8,1%.

В целом в масштабах Азербайджанской ССР сокращение удельного веса русских фиксирует уже перепись 1959 г.

Происходящее далее демографическое вытеснение русских соотносилось с курсом на кадровую коренизацию. Важно отметить, что это вытеснение началось ещё в советские годы. К 1989 г. удельный вес русских в Азербайджанской ССР в сравнении с максимальным показателем 1939 г. снизился почти в 3 раза.

В постсоветский период русская компонента в населении республики устремилась к нулевой отметке. К показателям 1989 г. она снизилась в 5,6 раз, а 1939 г. – в 15 раз (табл. 8). Доля русских оказалась

Таблица 8 / Table 8

**Доля русского населения в этнической структуре Азербайджана (без НКАО), в % /
The share of the Russian population in the ethnic structure of Azerbaijan (without
NKAO), in %**

Годы	%
1897	8,9
1926	10,9
1939	18,0
1959	14,0
1970	10,8
1979	8,5
1989	6,2
1999	2,1
2009	1,6
2019	1,2

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Население Азербайджана [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3ApT54> (дата обращения: 04.01.2024)

меньше доли существенно уступавшим им по численности лезгинам.

Без фактора целенаправленного вытеснения этнодемографические изменения такого масштаба не могут быть объяснимы. При этом тема дискриминации русского населения в Азербайджане не имеет широкой резонансности. А между тем отток русских из Азербайджана был даже значительней, чем отток из республики армян. Разница лишь в том, что между Азербайджаном и Арменией происходили боевые действия, а Российская Федерация находится с ним в дружеских отношениях [1; 37].

Армения

В Армянской ССР изначально проживало наименьшая численность русских в сравнении со всеми союзными республиками. Не было в Армении, соответственно, и масштабной политики демографического вытеснения русских. Наиболее массовый отток русских из республики произошёл вследствие Спитакского землетрясения, а затем нахождения Армении в состоянии экономической блокады. Таким образом, определяющим фактором оттока являлось тяжёлое экономическое положение. Но в целом динамика представленности

русских в населении республики соотносилась с общими тенденциями на советском и постсоветском пространстве.

Важной компонентой русской представленности в Восточной Армении в период Российской империи являлись молокане. В 80-е гг. XIX в. в границах современного Армянского государства располагалось 23 русских села. Но основной приток русских направлялся в Ереван, где их доля, впрочем, никогда не превышала 5%.

На первой фазе развития советской государственности доля русских в структуре населения Армянской ССР возрастала, хотя и не так масштабно, как в других республиках. Но, начиная с переписи

1959 г., удельный вес русских в республике последовательно снижался. Отчасти это соотносилось с проводимой в союзных республиках политикой кадровой коренизации. Частично сказывались и более высокие показатели рождаемости в армянских семьях.

В межпереписной период 1989–2001 гг. процесс сокращения доли русского населения в Армении ускорился. Перепись 2011 г. зафиксировала 0,39% русского населения в республике – худший показатель для всего постсоветского пространства (табл. 9).

Возрастание доли русских в Армении происходит в 2022 г. Этот приток поло-

Таблица 9 / Table 9

Доля русского населения в этнической структуре Армении, в % / The share of the Russian population in the ethnic structure of Armenia, in %

Годы	%
1897	1,7
1926	2,2
1939	4,01
1959	3,2
1970	2,65
1979	2,32
1989	1,56
2001	0,46
2011	0,39
2022	0,5

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3ApW7G>; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3ApVvU>; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3ApTSS>; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Население Армении [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3ApTJB>; Население (городское, сельское) по национальности, полу и вероисповеданию. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://armstat.am/file/doc/99484908.pdf> (дата обращения: 04.01.2024)

жительно сказался на экономике республики – прирост ВВП составил 14,2%. Но очевидно, что этот связанный с контекстом СВО миграционный поток русских усилению близости российско-армянских отношений не способствовал [16; 25; 26; 53].

Центральная Азия

Казахстан

В качестве демографической катастрофы, оказавшейся вне внимания международной общественности, можно классифицировать произошедший массовый отток из республики Казахстан русского населения. В абсолютных цифрах численность русских с 1989 по 2022 гг. сократилась на 3,25 млн человек.

Казахская ССР являлась единственной, помимо РСФСР, союзной республикой, в которой русские численно превосходили титульный народ. Ещё в 1926 г. в автономной республике проживало 58,52% казахов и 20,57% русских. Масштабный приток русских в Казахстан был сопряжён, во-первых, с индустриализацией, и, во-вторых, с освоением целинных земель. Уже в 1939 г. перепись зафиксировала преобладание русских (39,97%) при 37,84% казахов. Казахская ССР была создана всего 3 годами ранее. Перепись 1959 г., проводимая в разгар целинной эпопеи, показала уже значимый разрыв между русскими (42,7%) и казахами (30,02%) в структуре населения. Это был исторический максимум русской представленности в регионе. Согласно переписям 1970 и 1979 гг. доля русских немного снижается.

В 1986 г. в Казахстане происходят массовые протесты, катализированные снятием с поста Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана казаха по национальности Д. А. Кунаева и заменой его русским Г. В. Колбиным. Протесты приобрели националистический антирусский характер. Это был первый межэтнический конфликт второй половины 1980-х гг., за

которым последовали другие. Демографическим следствием эскалации межэтнической напряжённости стал ускорившийся отток русских из казахской ССР. Перепись 1989 г. зафиксировала впервые за 50 лет преобладание казахов над русскими в этой республике [36].

Дальнейшая динамика оттока русских из Казахстана носила почти характер беженства. 90% русских мигрировали в Российскую Федерацию. Циркулировавшие в информационном пространстве угрозы со стороны казахских националистов усиливали миграционные настроения. Удельный вес русских в республике снизился до уровня их представленности во времена Российской империи (т. е. до индустриальной трансформации Казахстана).

Особое напряжение для националистических групп казахского общества вызывали северо-восточные области Казахстана с компактным русским населением. В 1989 г. русские преобладали в 7 областях республики, а также в столице Алма-Ате (табл. 10). В настоящее время осталась только одна область – Северо-восточная, где русские по-прежнему сохраняют численное большинство [2; 14; 17].

Киргизия

Доля русских в Киргизии на первой фазе развития советского проекта стремительно возрастала. Исторический максимум русского представительства пришёлся на перепись 1959 г. – 30,2%.

Особенно значимым удельный вес русского населения был в городах, особенно в Пишкеке (позже сменившем название на Фрунзе, а в постсоветский период – на Бишкек). Киргизы первоначально в основном занимались кочевым животноводством и к жизни в городах не адаптировались. По данным переписи 1926 г., их доля среди жителей Фрунзе составляла всего 4,6%, тогда как русских проживало 69,4%. Столица Киргизии была преимущественно русским городом (это сохранялось в течение всего совет-

Таблица 10 / Table 10

Доля русского населения в этнической структуре Казахстана, в % / The share of the Russian population in the ethnic structure of Kazakhstan, in %

Годы	%
1897	8,48
1926	20,57
1939	39,97
1959	42,7
1970	42,8
1979	40,8
1989	37,8
1999	30,0
2009	23,7
2021	15,5

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Итоги Национальной переписи населения 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 04.01.2024)

ского периода), что оказывало определённое влияние на характер управления в республике. По последней всесоюзной переписи русские составляли 55,72% населения столицы Киргизской ССР, тогда как киргизы – 22,88%. Проходит всего 10 лет, и этнодемографическая структура Киргизии меняется кардинально. По переписи 1999 г., киргизы составляли уже 52,21%, а русские – только 33,17% населения города. В дальнейшем тренд стремительного уменьшения русской этнической компоненты был продолжен.

Также менялся этнический состав населения всей Киргизии. Рост доли русских до переписи 1959 г. сменился продолжительным спадом позднесоветского периода, перешедшим в стремительное сокращение на постсоветском этапе. Их удельный вес за постсоветское время сократился в 4,4 раза. Три революции в постсоветской Киргизии 2005, 2010 и 2020 гг., сопровождавшиеся националистическими проявлениями, ускорил отток русских из республики [24; 40].

Таблица 11 / Table 11

Доля русского населения в структуре в этнической структуре Киргизии, в % /
The share of the Russian population in the ethnic structure of Kyrgyzstan, in %

Годы	%
1926	11,7
1939	20,77
1959	30,2
1970	29,18
1979	25,9
1989	21,53
1999	12,51
2009	7,82
2012	6,87
2022	4,97

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 04.04.2024); Население Кыргызстана в начале XXI века / под ред. М. Б. Денисенко. Бишкек: UNFPA, 2011. 333 с.

Таджикистан

Значительная часть Таджикистана до 1920 г. входила, как известно, в состав Бухарского эмирата. Русское представительство в нём имело единичный характер. К середине 1920-х гг. доля русских в Таджикистане продолжала оставаться минимальной. Стремительный рост, который был связан с процессами индустриализации и культурной революции, приходится на первые пятилетки. К переписи 1939 г. удельный вес русских в республике уже составлял 9%. В послевоенные годы рост русской этнической компоненты продолжился. Начиная с пе-

реписи 1970 г., как и в других Центральноазиатских республиках, происходит устойчивый спад. Особенно существенным он был в межпереписном интервале 1979–1989 гг.

Столица республики – Душанбе – была городом с доминирующим русским населением. По переписи 1939 г., русские составляли 56,95% населения города, таджики – 12,05%. А вот перепись 1989 г. обозначила численное преобладание в Душанбе таджикского населения.

Охватившая Таджикистан в 1990-е гг. гражданская война ускорила отток русских из республики. К 2000 г. доля рус-

Таблица 12 / Table 12

Доля русского населения в структуре в этнической структуре Таджикистана, в % /
The share of the Russian population in the ethnic structure of Tajikistan, in %

Годы	%
1926	0,68
1939	9,09
1959	13,26
1970	11,87
1979	10,38
1989	7,63
2000	1,11
2010	0,5

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Итоги переписи населения Таджикистана 2000 года: национальный, возрастной, половой, семейный и образовательный составы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0191/analit05.php> (дата обращения: 04.01.2024)

ских составляла чуть более 1% и продолжала сокращаться (табл. 12). Оставшиеся русские в республике сталкиваются, согласно многочисленным свидетельствам, с фактическими притеснениями и угрозами по национальному признаку [42].

Узбекистан

Узбекская ССР была, как известно, образована путём сложной реконфигурации прежнего этногосударственного деления региона, включив в свой состав части прежних Бухарской ССР, Хорезмской ССР и Туркестанской АССР. Первоначально столицей республики являлась

Бухара, потом Самарканд и с 1930 г. – Ташкент. Нахождение столицы в Бухаре усиливало объективно узбекскую этническую компоненту, в Самарканде – таджикскую, в Ташкенте – русскую. Ташкент являлся крупнейшим промышленным городом Центральной Азии, её неформальной столицей. Соответственно, в Ташкенте концентрировались русские рабочие и русская интеллигенция, выступавшие носителями квалификационных потенциалов. Русские на Востоке составляли преимущественно городское население, тогда как автохтонные группы являлись преимущественно сельскими

жителями. Таким образом, отношения город–село на Востоке имели этнический ракурс распределения. Конфликт в эти отношения привносит урбанизационный процесс. Сельское автохтонное население переселяется в города, сталкиваясь там с установленными русскими порядками и образом жизни. И русские, и автохтоны исходят из понимания своего права на роль хозяев городов: русские на основе создания ими городских инфраструктур, автохтоны – как титульная нация. Автохтоны вначале в рамках политики коренизации устанавливали контроль над системой управления. Далее через конфликты на бытовой почве для русских создаётся предельно некомфортная среда. Следующим шагом продуцируются прямые угрозы физической расправы (часто под националистическими лозунгами). Итог: выдавливание русских из городов Востока и их автохтонизация.

Ещё в 1959 г. Ташкент являлся преимущественно русским городом. Но затем этническая структура города меняется в пользу узбекского населения. Отчасти эти

этнодемографические процессы подтолкнули Ташкентское землетрясение 1966 г. Без жилья тогда остались свыше 300 тыс. ташкентцев – в большинстве русских. Город был отстроен заново за 3,5 года, но состав его населения отличался от того, каким он был до землетрясения.

Как и в других центральноазиатских республиках, доля русского населения в Узбекистане стремительно росла в корреляции с индустриальными процессами. Исторический максимум представленности русских в республике (13,46%) был зафиксирован переписью 1959 г. Снижение удельного веса русских в Узбекистане на последующем этапе истории СССР соотносилось с различием в сравнении с автохтонным населением в показателях естественного воспроизводства и политикой коренизации.

После распада СССР снижение доли русских в Узбекистане ускоряется. Уже в 2000 г. их удельный вес оказывается ниже уровня исходно существовавшего на момент создания Узбекской ССР (табл. 13). В настоящее время русские в Узбекистане –

Таблица 13 / Table 13

**Доля русского населения в структуре в этнической структуре Таджикистана, в % /
The share of the Russian population in the ethnic structure of Tajikistan, in %**

Годы	%
1926	5,18
1939	11,60
1959	13,46
1970	12,5
1979	10,82
1989	8,35
2000	4,91
2013	2,7
2021	2,1

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный

состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Ўзбекистон аҳолисининг этник таркиби маълум қилинди [Электронный ресурс]. URL: <https://sputniknews.uz/20210819/uzbekiston-aholisining-etnik-tarkibi-malum-qilindi-20140548.html> (дата обращения: 04.01.2024)

только пятый по численности этнос, уступающий не только узбекам, но также таджикам, казахам и каракалпакам [33; 56].

Туркмения

Из всех будущих союзных республик Туркмения будет последней присоединена к Российской империи. Тем не менее перепись 1897 г. зафиксировала уже сравнительно значительную долю русского населения, проживавшего в Закаспийской области – 7,3%. До начала индустриализации она оставалась почти без изменений. Индустриальное развитие

привело к массовому притоку русских в республику. За межпереписной период с 1926 по 1939 гг. их удельный вес вырос в 2,4 раза. Русские преимущественно концентрировались в Ашхабаде. Ашхабадское землетрясение 1948 г., погубившее преимущественно русских, занятых в промышленном производстве, нанесло серьёзный удар по этнодемографической структуре Туркменской ССР [38].

Последующие всесоюзные переписи фиксировали сокращение доли русских в республике. За 50 лет с 1939 г. он снизился в 2 раза (табл. 14). Причина снижения

Таблица 14 / Table 14

**Доля русского населения в структуре в этнической структуре Туркмении, в % /
The share of the Russian population in the ethnic structure of Turkmenistan, in %**

Годы	%
1897	7,3
1926	7,72
1939	18,6
1959	17,32
1970	14,5
1979	12,63
1989	9,48
1995	6,7
2010	3,23

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный

состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php; Сапармурат Ниязов: туркмены составляют 91% населения Туркмении [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/037/evro010.php>; Население Туркменистана и его национальный состав в 2020 году (оценка) [Электронный ресурс]. URL: <https://meteojournal.ru/naselenie-turkmenistana-i-ego-nacionalnyj-sostav-v-2020-godu-ocenka/> (дата обращения: 04.01.2024)

крылась как в более высоких показателях рождаемости в туркменских семьях, так и в бытовом вытеснении русских. После распада СССР бытовое вытеснение было соединено с политическим. Темпы сокращения представленности русских в населении республики в сравнении с позднесоветским временем заметно возросли¹.

Заключение

Анализ материалов переписей населения применительно к национальным республикам бывшего СССР подтвердило правомочность выдвижения тезиса о цивилизационнообразующем положении русского народа на пространстве Евразии. Речь идёт о Евразии не в географическом смысле как Европы и Азии, а в геополитическом – в смысле Хартленд. Увеличение доли русских в соответствующих национальных регионах соотносилось с фазой усиления потенциалов Российской цивилизации, снижение корреспондировалось с дезинтеграционными тенденциями.

Русские для национальной периферии являлись носителями квалификационных потенциалов. Соответственно, их приток в регионы был сопряжён с промышленным и культурным развитием.

Наиболее широкая их инкорпорация в периферийные сообщества происходит в соотнесении с политикой индустриализации. Русские преимущественно расселялись в регионах национальной периферии в городах, тогда как автохтонное население связывалось с сельскохозяйственным сектором. Отношения русских как городских и автохтонов как сельских, имевшие первоначально позитивный характер для местного населения, получавшего промышленные товары, технологии и знания, с течением времени привели к конфликтам. Бытовое выдавливание русских из городов переезжающим туда из сёл автохтонным титульным населением – суть усиливавшейся эскалации напряжённости в позднесоветское время.

Рост удельного веса русского населения в восточных республиках СССР продолжался до 1959 г., а в западных – до последней из союзных переписей 1989 г. Снижение или замедление роста представленности русских в национальных регионах соотносилось с нисходящей фазой советского проекта. Политическим фактором соответствующих изменений являлось восстановление курса коренизации республиканских кадров. Публично курс коренизации заявлялся в СССР в 1920-е гг. Однако в начале 1930-х гг. он был свёрнут, и этот отказ наглядно проявился в итогах переписи 1939 г., зафиксировавшей заметный рост удельного веса русских как в целом по стране, так и по всем образованиям.

¹ Исход. С момента распада СССР русское население Туркменистана сократилось в разы // Метеожурнал: [сайт]. URL: <https://meteojournal.ru/ishod-s-momenta-raspada-sssr-russkoe-naselenie-turkmenistana-sokratilos-v-razy/> (дата обращения: 04.01.2024).

Сталинская национальная политика в регионах строилась таким образом, чтобы не допустить создания властных этнических кланов. Новая фактическая коренизация, хотя и не публичная, реализовывалась в СССР как в условно хрущёвский, так и брежневский периоды. Следствием её являлось латентное (латентное до какого-то времени) оттеснение русских со значимых постов. Происходит этническая клановизация республиканских властей, ставшая в итоге важнейшим фактором распада СССР.

После распада Советского Союза и образования независимых государств снижение доли русских в национальных республиках возрос до уровня, который мог бы характеризоваться гуманитарной катастрофой. Статистика оттока русского населения в бывших союзных республиках подходит под параметры массового беженства. Произошедшая, а отчасти и продолжающаяся трагедия оказалась обойдена вниманием со стороны международного сообщества. Российская Федерация на том этапе также не нашла возможностей выстроить систему защиты русских за пределами страны.

Бывшие союзные республики, встав на путь создания национального государства, в большей или меньшей степени перешли к модели построения этнократического государства. Русские, связанные с системой государства цивилизации, стали помехой для государства-этнократии. Восстановление же русских по-

тенциалов на евразийском пространстве может быть сопряжено, соответственно, с возрождением потенциалов цивилизационной (т. е. наднациональной) модели государственности.

Современная Россия в своей политике в отношении соотечественников за рубежом должна, безусловно, учитывать как позитивный, так и негативный опыт изменения этнической структуры государств региона. На Российской Федерации лежит миссия защиты соотечественников. Могут возразить, что часто это невозможно. Но ведь дискриминация и бытовые притеснения русского населения сегодня осуществляются в т. ч. и в государствах, состоящих с Россией в дружеских отношениях, а соответственно, все прецеденты такого рода должны быть взяты под контроль.

В национально-территориальных образованиях РФ, имея негативный опыт дезинтеграции СССР, следует создать систему блокирования для этнических кланов. Целесообразно взять на вооружение и позитивный опыт роста русского представительства в регионах как реализации запросов на квалифицированные кадры. Возвращение русскому (российскому) человеку функций носителя квалификационных потенциалов новых технологических укладов предполагает соответствующую повестку развития сфер науки и образования в России.

Дата поступления в редакцию 18.01.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаджанян М. Политико-правовые аспекты положения национальных меньшинств Азербайджанской Республики // 21-й век. 2006. № 2. С. 124–153.
2. Алейников М. В., Боровиков И. В. Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е гг. XX в.) // Мир Евразии. 2013. № 2. С. 2–8.
3. Багдасарян В. Э. Русскоязычная диаспора стран ближнего зарубежья в постсоветский период: историко-демографические процессы // Политика и Общество. 2015. № 10. С. 1363–1374.
4. Багдасарян В. Э. Конституция Российской Федерации в сравнительном страновом и историческом анализе. М.: Духовное просвещение, 2019. 296 с.
5. Багдасарян В. Э. Нацестроительство или империе-строительство: развилка подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. № 1. С. 47–50.
6. Багдасарян В. Э. Украинский нацизм: исторические истоки. М.: Наше Завтра, 2023. 528 с.

7. Вдовин А. И. Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этно-политической истории России). М.: Проспект, 2019. 712 с.
8. Баранчик Ю. В., Гойденко В. Г., Грозин А. В. и др. Политика постсоветских государств в отношении русскоязычного населения // Постсоветский материк. 2020. № 2. С. 5–57.
9. Бузаев В. В., Никифоров И. В. Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М.: Фонд «Историческая память», 2009. 280 с.
10. Волков В. В. Демография русского населения Латвии в XX–XXI вв. // Этническая политика в странах Балтии / отв. ред.: В. В. Полещук, В. В. Степанов. М.: Наука, 2013. С. 177–196.
11. Гаврилин А. В. Русские эмигранты в межвоенной Латвии: правовой статус и попытки самоорганизации // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-я половина XX века / отв. ред. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 234–250.
12. Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления: сб. / под ред. Ю. Александрова и др. М.–Рига, 2012. 238 с.
13. Гошуляк В. В. Антироссийское законодательство как предпосылка самоопределения русскоязычных народов Украины // Электронный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10. № 4. С. 33–40.
14. Гужвенко Ю. Н. Этносоциальное развитие Восточного Казахстана в 1990-е гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4. С. 260–271.
15. Докучаева А. В. Отношение к России и русским в Украине, Белоруссии и Казахстане (по опросам соотечественников) // Россия и современный мир. 2011. № 1. С. 72–79.
16. Долженко И. В. Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении (конец XIX – начало XX вв.). Ереван: АН АрмССР, 1985. 180 с.
17. Жаркенова А. М. Численность и этнический состав населения Северного региона Казахстана в постсоветский период // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 4. С. 90–95.
18. Кабузан В. М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996. 352 с.
19. Кабузан В. М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). М.: ИРИ РАН, 2009. 151 с.
20. Камахия М. Славянское население Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 4. С. 152–165.
21. Касперович Г. И. Миграция населения в города и этнические процессы (на материалах исследования городского населения БССР). Минск: Наука и техника, 1985. 149 с.
22. Козубенко И. И. Русская диаспора в странах ближнего зарубежья: социальный статус, культурный уровень, связь с соотечественниками: 1992–2004 гг.: дис. ... док. ист. наук. М., 2008. 338 с.
23. Кралин В. Л. Русская диаспора в странах СНГ и Балтии: численность, расселение, участие в общественно-политической жизни: 1991–2008 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 175 с.
24. Кумушбеков А. Т. Трансформация этнического состава населения Кыргызстана в XX веке: дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2010. 172 с.
25. Лашенова Е. А. «Русский мир» в Армении // Россия и современный мир. 2006. № 3. С. 225–231.
26. Лашенова Е. А. Политико-правовое положение русских в Армении // Московский журнал международного права. 2006. № 2. С. 46–56.
27. Лебедева Н. М. Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. М.: ИЭА, 1995. 299 с.
28. Манаков А. Г. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 г. по 2016 г. Псков: Русская книга, 2017. 96 с.
29. Марцинкявичюс А. Русские в независимой и советской Литве: демография, социальное положение, идентичность // Этническая политика в странах Балтии / отв. ред.: В. В. Полещук, В. В. Степанов. М.: Наука, 2013. С. 197–218.
30. Матулионис А. В. Идентичность русской этнической группы и ее выражение в Литве и Латвии. Сравнительный аспект // Мир России. 2014. № 1. С. 87–114.
31. Межевич Н. М. К вопросу о факторах формирования политического пространства и государственности в Прибалтике, 1917–1920 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. Вып. 2. С. 184–198.

32. Мелешкина Е. Ю. Опыт формирования нации и государства в Молдавии // Политическая наука. Формирование нации и государства в современном мире. 2008. № 4. С. 59–82.
33. Мещеряков К. Е. «Проблема русскоязычного населения» в Узбекистане и российско-узбекские отношения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. № 3. С. 485–493.
34. Митрофанова И. В. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 45–58.
35. Мосаки Н. З. Этническая картина Грузии по результатам переписи 2014 г. // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 104–120.
36. Мякшев А. П. События в Алма-Ате в декабре 1986 г. Первый ультиматум национальных элит // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 432–439.
37. Нагиев С. К. Динамика русского населения Азербайджана и роль миграции: оценка на основе переписей 1989, 2009 и 2019 гг. // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования: мат-лы науч. конф. / под ред. А. А. Кашин и др. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. С. 284–291.
38. Наливкин Д. В. Воспоминания об Ашхабадском землетрясении 1948 года. Ашхабад: Ылым, 1989. 34 с.
39. Нарочницкая Н. А. Русский мир. СПб.: Алетей, 2007. 320 с.
40. Немешина Л. Ю. Русские Кыргызстана в 1990–2000-е годы: динамика размерности, качественные сдвиги, оценка адаптации // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 47–75.
41. Никифоров И. В., Полещук В. В. Демография русского населения Эстонии в XX веке // Этническая политика в странах Балтии / отв. ред.: В. В. Полещук, В. В. Степанов. М.: Наука, 2013. С. 155–176.
42. Николаева Л. Ю. Роль русского населения Таджикистана в трансформирующемся таджикском обществе // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 2. С. 100–109.
43. Остапенко Л. В. Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М.: ИЭА, 1998. 229 с.
44. Остапенко Л. В., Субботина И. А., Нестерова С. Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М.: ИЭА РАН, 2012. 403 с.
45. Розенблат Е., Еленская И. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке // Диаспоры. 2002. № 4. С. 27–52.
46. Русские в ближнем зарубежье / отв. ред. В. Козлов, Е. Шервуд. М.: ИЭА, 1994. 209 с.
47. Русские в новом зарубежье: Итоги этносоциологического исследования в цифрах / отв. ред. С. С. Савоскул. М.: ИЭА, 1996. 199 с.
48. Русские в новом зарубежье: миграционная ситуация, население, адаптация в России / отв. ред. С. С. Савоскул. М.: ИЭА, 1997. 363 с.
49. Рыбаковский Л. Л. Русские и новое зарубежье: Миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М.: ИСПИ, 1996. 55 с.
50. Рябцев И. А. Демографическая эволюция Бессарабии (1897–1930): «сравнительная роль миграционных процессов и естественного прироста» // Материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием. Вып. 11 / отв. ред. В. В. Карпова. СПб., 2020. С. 174–177.
51. Савоскул С. С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М.: Наука, 2001. 438 с.
52. Савоскул С. С. Русские нового зарубежья // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 90–101.
53. Семенов И. Я. Русские в истории Армении. Ереван: Лусабац, 2009. 298 с.
54. Симонян Р. Х. Русскоязычное население в странах Балтии // Вестник МГИМО. 2010. № 3. С. 60–77.
55. Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. С. 6–30.
56. Федорко В. Н. Этногеографическое районирование Узбекистана // Известия географического общества Узбекистана. 2018. Т. 54. С. 42–53.
57. Фролов В. В. Литовский национализм и положение русских в Литовской республике в постсоветский период // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 564–575.

58. Халлик К. С. Русские в Эстонии // Русские: этносоциологические исследования / под ред. Ю. В. Арутюнян и др. М.: Наука, 2011. С. 90–119.
59. Чемакин А. А. Национальный состав Киева в начале XX века // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 196–209.
60. Шагун Г. Е. Положение русского и русскоязычного населения в постсоветских странах: современная историография вопроса (2017–2021 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 133–139.

REFERENCES

1. Aghajanyan M. [Political and legal aspects of the situation with national minorities of Azerbaijan]. In: *21-y vek* [21st century], 2006, no. 2, pp. 124–153.
2. Aleynikov M. V., Borovikov I. V. [Russian population of Kazakhstan: social and demographic transformations (the 1990-s)]. In: *Mir Yevrazii* [World of Eurasia], 2013, no. 2, pp. 2–8.
3. Bagdasaryan V. E. [Russian-speaking community in the former Soviet Union countries in the post-Soviet period: historical and demographical processes]. In: *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], 2015, no. 10, pp. 1363–1374.
4. Bagdasaryan V. E. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii v sravnitel'nom stranovom i istoricheskom analize* [The Constitution of the Russian Federation in comparative country and historical analysis]. Moscow, Dukhovnoye prosveshcheniye Publ., 2019. 296 p.
5. Bagdasaryan V. E. [Nation building or empire building: fork approaches]. In: *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye* [Problem analysis and public management design], 2014, no. 1, pp. 47–50.
6. Bagdasaryan V. E. *Ukrainskiy natsizm: istoricheskiye istoki* [Ukrainian Nazism: historical origins]. Moscow, Nashe Zavtra Publ., 2023. 528 p.
7. Vdovin A. I. *Russkaya natsiya v KHKH veke (russkoye, sovetskoye, rossiyskoye v etnopoliticheskoy istorii Rossii)* [Russian nation in the twentieth century (Russian, Soviet, Russian in the ethno-political history of Russia)]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 712 p.
8. Baranchik Yu. V., Goydenko V. G., Grozin A. V., et al. [Post-Soviet states' policy towards the Russian-speaking population]. In: *Postsovetskiy material* [Post-Soviet continent], 2020, no. 2, pp. 5–57.
9. Buzaev V. V., Nikiforov I. V. *Sovremennaya yevropeyskaya etnokratiya: Narusheniye prav natsionalnykh menshinstv v Estonii i Latvii* [Modern European ethnocracy: Violation of the rights of national minorities in Estonia and Latvia]. Moscow, Fond «Istoricheskaya pamyat» Publ., 2009. 280 p.
10. Volkov V. V. [Demography of the Russian population of Latvia in the 20th–21st centuries]. In: Poleshchuk V. V., Stepanov V. V., eds. *Etnicheskaya politika v stranakh Baltii* [Ethnic policy in the Baltic countries]. Moscow, Nauka Publ., 2013, pp. 177–196.
11. Gavrilin A. V. [Russian emigrants in interwar Latvia: legal status and attempts at self-organization]. In: Nazarova E. L., ed. *Rossiya i Latvija v potoke istorii. 2-ya polovina XIX – 1-ya polovina XX veka* [Russia and Latvia in the stream of history. 2nd half of the 19th century – 1st half of the 20th century]. Moscow, IVI RAS Publ., 2015, pp. 234–250.
12. Aleksandrova Yu. et al., eds. *Diskriminatsiya russkikh v stranakh Baltii: prichiny, formy, vozmozhnosti preodoleniya* [Discrimination against Russians in the Baltic countries: causes, forms, possibilities of overcoming]. Moscow-Riga, 2012. 238 p.
13. Goshulyak V. V. [Anti-Russian legislation as a prerequisite for self-determination of the Russian-speaking peoples in Ukraine]. In: *Elektronnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»* [Electronic scientific journal "Science. Society. State"], 2022, vol. 10, no. 4, pp. 33–40.
14. Guzhvenko Yu. I. [Ethno-social development of Eastern Kazakhstan in the 1990-s]. In: *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of history, philology, culture], 2010, no. 4, pp. 260–271.
15. Dokuchaeva A. V. [Attitude towards Russia and Russians in Ukraine, Belarus and Kazakhstan (according to surveys of compatriots)]. In: *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2011, no. 1, pp. 72–79.
16. Dolzhenko I. V. *Khozyaystvennyy i obshchestvennyy byt russkikh krest'yan Vostochnoy Armenii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Economic and social life of Russian peasants in Eastern Armenia (late 19th – early 20th centuries)]. Yerevan, AN ArmSSR Publ., 1985. 180 p.
17. Zharkenova A. M. [Number and ethnic composition of the population of the Northern region of Ka-

- zakhsan in the post-Soviet period]. In: *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and social-educational thought], 2010, no. 4, pp. 90–95.
18. Kabuzan V. M. *Russkiye v mire: Dinamika razdeleniya i rasseleniya (1719–1989). Formirovaniye etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda* [Russians in the world: Dynamics of numbers and settlement (1719–1989). Formation of ethnic and political borders of the Russian people]. St. Petersburg, Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr «BLITS» P, 1996. 352 p.
 19. Kabuzan V. M. *Formirovaniye mnogonatsional'nogo naseleniya Pribaltiki (Estonii, Latvii, Litvy, Kaliningradskoy oblasti Rossii) v XIX–XX vv. (1795–2000 gg.)* [Formation of the multinational population of the Baltic states (Estonia, Latvia, Lithuania, Kaliningrad region of Russia) in the 19th–20th centuries. (1795–2000)]. Moscow, IRI RAS Publ., 2009. 151 p.
 20. Kamakhia M. [Slavic population of Georgia]. In: *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2007, no. 4, pp. 152–165.
 21. Kasperovich G. I. *Migratsiya naseleniya v gorodakh i etnicheskiye protsessy (po materialam issledovaniya gorodskogo naseleniya BSSR)* [Migration of the population to cities and ethnic processes (based on materials from a study of the urban population of the BSSR)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1985. 149 p.
 22. Kozubenko I. I. *Russkaya diaspora v stranakh blizhnego zarubezh'ya: sotsialnyy status, kulturnyy uroven, svyaz s sootchestvennikami: 1992–2004 gg.: dis. ... dok. ist. nauk* [Russian diaspora in neighboring countries: social status, cultural level, connections with compatriots: 1992–2004: Dr. Sci. thesis in Historical sciences] Moscow, 2008. 338 p.
 23. Kralin V. L. *Russkaya diaspora v stranakh SNG i Baltii: chislennost, rasseleniye, uchastiye v obshchestvenno-politicheskoy zhizni: 1991–2008 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Russian diaspora in the CIS and Baltic countries: numbers, settlement, participation in social and political life: 1991–2008: Cand. Sci thesis in Historical sciences]. Moscow, 2011. 175 p.
 24. Kumushbekov A. T. *Transformatsiya etnicheskogo sostava naseleniya Kyrgyzstana v XX veke: dis. ... kand. ist. nauk* [Transformation of the ethnic composition of the population of Kyrgyzstan in the 20th century: Cand. Sci thesis in Historical sciences]. Bishkek, 2010. 172 p.
 25. Laschenova E. A. [“Russian world” in Armenia]. In: *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2006, no. 3, pp. 225–231.
 26. Laschenova E. A. [Political and legal situation of Russians in Armenia]. In: *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2006, no. 2, pp. 46–56.
 27. Lebedeva N. M. *Novaya russkaya diaspora: sotsial'no-psikhologicheskii analiz* [New Russian diaspora: socio-psychological analysis]. Moscow, IEA Publ., 1995. 299 p.
 28. Manakov A. G. *Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Estonii i Latvii s 1881 g. po 2016 g.* [Dynamics of the ethnic composition of the population of Estonia and Latvia from 1881 to 2016]. Pskov, Russkaya kniga Publ., 2017. 96 p.
 29. Marcinkevičius A. [Russians in independent and Soviet Lithuania: demography, social status, identity]. In: Poleshchuk V. V., Stepanov V. V., eds. *Etnicheskaya politika v stranakh Baltii* [Ethnic politics in the Baltic countries]. Moscow, Nauka Publ., 2013, pp. 197–218.
 30. Matulionis A. V. [The identity of Russians and its expression in Lithuania and Latvia: a comparative aspect]. In: *Mir Rossii* [World of Russia], 2014, no. 1, pp. 87–114.
 31. Mezhevich N. M. [On the issue of factors in the formation of political space and statehood in the Baltic states, 1917–1920]. In: *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh nauchnykh issledovaniy* [Journal of Russian and Eastern European Historical Research], 2019, vol. 2, pp. 184–198.
 32. Meleshkina E. Yu. [Experience of forming a nation and state in Moldova]. In: *Politicheskaya nauka. Formirovaniye natsii i gosudarstva v sovremennom mire* [Political science. Formation of a nation and state in the modern world], 2008, no. 4, pp. 59–82.
 33. Meshcheryakov K. E. [“The problem of the Russian-speaking population” in Uzbekistan and Russian-Uzbek relations]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2007, no. 3, pp. 485–493.
 34. Mitrofanova I. V. [The Russians in Ukraine: geodemographic results of the Post Soviet period and middle term prospects]. In: *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 2017, no. 8, pp. 45–58.
 35. Mossaki N. Z. [Georgia's ethnic landscape according to the 2014 census]. In: *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2018, no. 1, pp. 104–120.

36. Myakshev A. P. [the events in Almaty in December 1986: the first national elite ultimatum to the centre]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [News of Saratov University. Series: History. International relationships], 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 432–439.
37. Nagiyev S. K. [Dynamics of the Russian population of Azerbaijan and the role of migration: an estimates based on the 1989, 2009 and 2019]. In: Kashin A. A. et al., eds. *Tendentsii prostranstvennogo razvitiya sovremennoy Rossii i priority yego regulirovaniya* [Trends in spatial development of modern Russia and priorities for its regulation]. Tyumen, TyumGU-Press Publ., 2022, pp. 284–291.
38. Nalivkin D. V. *Vospominaniya ob Ashkhabadskom zemletryasenii 1948 goda* [Memories of the Ashgabat earthquake of 1948]. Ashgabat, Ylym Publ., 1989. 34 p.
39. Narochitskaya N. A. *Russkiy mir* [Russian world]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2007. 320 p.
40. Nemeshina L. Yu. [Russians of Kyrgyzstan in the 1990–2000s: size dynamics, qualitative shifts, adaptation assessment]. In: *Vestnik Yevrazii* [Bulletin of Eurasia], 2008, no. 3, pp. 47–75.
41. Nikiforov I. V., Poleshchuk V. V. [Demography of the Russian population of Estonia in the 20th century]. In: Poleshchuk V. V., Stepanov V. V., eds. *Etnicheskaya politika v stranakh Baltii* [Ethnic politics in the Baltic countries]. Moscow, Nauka Publ., 2013, pp. 155–176.
42. Nikolaeva L. Yu. [The role of the Russians of Tajikistan in transforming Tajik society]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 2015, vol. 6, no. 2, pp. 100–109.
43. Ostapenko L. V. *Russkiye v Moldavii: migratsiya ili adaptatsiya?* [Russians in Moldova: migration or adaptation?] Moscow, IEA Publ., 1998. 229 p.
44. Ostapenko L. V., Subbotina I. A., Nesterova S. L. *Russkiye v Moldavii. Dvadsat' let spustya... (etnosotsiologicheskoye issledovaniye)* [Russians in Moldova. Twenty years later... (ethnological study)]. Moscow, IEA RAN Publ., 2012. 403 p.
45. Rosenblat E., Elenskaya I. [Dynamics of the number and settlement of Belarusian Jews in the 20th century]. In: *Diaspory* [Diasporas], 2002, no. 4, pp. 27–52.
46. Kozlov V., Sherwood E., eds. *Russkiye v blizhnem zarubezhye* [Russians in the near abroad]. Moscow, IEA Publ., 1994. 209 p.
47. Savoskul S. S., ed. *Russkiye v novom zarubezhye: Itogi etnosotsiologicheskogo issledovaniya v tsifrakh* [Russians in the new abroad: Results of ethnological research in numbers]. Moscow, IEA Publ., 1996. 199 p.
48. Savoskul S. S., ed. *Russkiye v novom zarubezhye: migratsionnaya situatsiya, globalizatsiya, adaptatsiya v Rossii* [Russians in the new abroad: migration situation, population, adaptation in Russia]. Moscow, IEA Publ., 1997. 363 p.
49. Rybakovsky L. L. *Russkiye i novoye zarubezhye: Migratsionnyy obmen i yego vliyaniye na demograficheskuyu dinamiku* [Russians and new foreign countries: Migration exchange and its impact on demographic dynamics]. Moscow, ISPI Publ., 1996. 55 p.
50. Ryabtsev I. A. [Demographic evolution of Bessarabia (1897–1930): “comparative role of migration processes and natural growth”]. In: Karpova V. V., ed. *Materialy XI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s MSMD. Vyp. 11* [Materials of the XI All-Russian Scientific Conference with International Participation. Vol. 11]. St. Petersburg, 2020, pp. 174–177.
51. Savoskul S. S. *Russkiye novogo zarubezhya: Vybory sudby* [Russians of the New Abroad: The Choice of Destiny]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 438 p.
52. Savoskul S. S. [Russians of the New Abroad]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 1994, no. 5, pp. 90–101.
53. Semenov I. Ya. *Russkiye v istorii Armenii* [Russians in the history of Armenia]. Yerevan, Lusabats Publ., 2009. 298 p.
54. Simonian R. H., Kochegarova T. M. [Russian-speaking population in Baltic countries]. In: *Vestnik MGIMO* [MGIMO Review of International Relations], 2010, no. 3, pp. 60–77.
55. Sushchiy S. Ya. [The Russian population of the near abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period]. In: *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review], 2020, vol. 7, pp. 6–30.
56. Fedorko V. N. [Ethnogeographical zoning of Uzbekistan]. In: *Izvestiya geograficheskogo obshchestva Uzbekistana* [News of the Geographical Society of Uzbekistan. 2018. Vol. 54, pp. 42–53.
57. Frolov V. V. [Lithuanian nationalism and the situation of the Russians in the Lithuanian Republic during the post-Soviet period]. In: *Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Belgorod State University Scientific Bulletin. History Political], 2019, vol. 46, no. 3, pp. 564–575.

58. Hallik K. S. [Russians in Estonia]. In: Harutyunyan Yu. V. et al. eds. *Russkiye: etnosotsiologicheskiye issledovaniya* [Russians: ethnosociological studies]. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 90–119.
59. Chemakin A. A. [National composition of Kyiv at the beginning of the 20th century]. In: *Rossiia v globalnoy politike* [Russia in global politics], 2023, vol. 21, no. 1, pp. 196–209.
60. Shagun G. E. [Situation of the Russian and Russian-speaking population in the post-Soviet countries: modern historiography of the issue (2017–2021)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskaya nauka* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2022, no. 3, pp. 133–139.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лантратова Яна Валерьевна – депутат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации;

e-mail: lantratova@duma.gov.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana V. Lantratova – deputy, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation;

e-mail: lantratova@duma.gov.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лантратова Я. В. Русские в трансформирующейся этнической структуре населения государств «ближнего зарубежья»: демографические индикаторы политических процессов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 29–57.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-29-57

FOR CITATION

Lantratova Ya. V. Russians in the transforming ethnic structure of the population of the “near abroad” states: demographic indicators of political processes. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 29–57.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-29-57

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-58-77

**НОВЫЕ ГРАНИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
(МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА – ПРЕЗЕНТАЦИИ МОНОГРАФИИ
«ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ... К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР»
В ЦЕНТРЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, 14 ФЕВРАЛЯ 2024 Г.)¹**

Беспятова Е. Б.¹, Лазарева Л. Н.², Маслов Д. В.^{1,2,3}, Суханова Н. И.², Шашкова О. А.³

¹ МИРЭА – Российский технологический университет

119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 78, Российская Федерация

² Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

³ Российский государственный архив литературы и искусства

125212, г. Москва, ул. Выборгская, д. 3, корп. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Представлены результаты новейших исследований проблематики советского этапа догоняющей модернизации.

Процедура и методы. Исследование фундировано репрезентативной источниковой базой, позволяющей выявить различные грани развития СССР: от генезиса и трансформации экономической модели до дискуссионных аспектов национальной и культурной политики, а также наметить иерархию факторов, внёсших свой вклад в распад страны. использованы историко-генетический и проблемно-хронологические методы. Изучение причин распада СССР опиралось на методы классификации и выстраивания иерархии.

Результаты. Изучение особенностей политики коренизации как части национальной политики большевиков, направленной на формирование советской политической нации, позволило исследователю сделать вывод о сочетании позитивных и негативных её последствий как для 1920–1930-х гг., так и для всей последующей истории СССР. «Сталинская» экономическая модель, успешно решившая задачу модернизационного рывка, подвергалась критике современников и нуждалась в системной корректировке. На основании материалов XVIII съезда ВКП(б), XVIII партийной конференции и XVIII Пленума ЦК ВКП(б) можно говорить о сформировавшемся к началу 1940-х гг. запросе на корректировку сложившегося хозяйственного механизма. Анализ на широкой источниковой базе впервые вовлекаемых в научный оборот архивных документов дал возможность продемонстрировать механизм решения экономических задач, тесно сопряжённых с проблемами культурного развития, подтвердив, что эвакуация промышленности, целого ряда учреждений культуры и науки на восток, и в т. ч. в Казахстан, стала причиной ускоренной индустриализации региона и одновременно базой для появления новых литературных жанров, обогащения театрального искусства и в особенности развития киноискусства.

Анализ проекта Программы ВКП(б) 1947 г. позволяет, вычленив нерешённые проблемы взаимодействия личности с государством, рассматривать их в качестве важного фактора, влиявшего на дальнейшее развитие страны.

Решение вопроса о соотношении причин распада СССР по их значимости за прошедшие более чем 30 лет не является стабильным. Оно меняется в результате обновления источниковой

© СС ВУ Беспятова Е. Б., Лазарева Л. Н., Маслов Д. В., Суханова Н. И., Шашкова О. А., 2024.

¹ Тексты публикуются в авторской редакции. Ответственная за публикацию Л. Н. Лазарева.

базы, но чаще как следствие трансформирующейся общественно-политической ситуации и новых трендов в самой науке¹.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение генезиса и эволюции советской социально-экономической системы, проблем национальной и культурной политики, иерархии факторов распада СССР на принципах объективности и историзма с привлечением широкого круга источников углубляет понимание сильных и слабых сторон отечественной догоняющей модернизации и вносит важный вклад в анализ соотношения факторов тех или иных исторически значимых процессов.

Ключевые слова: «сталинская» экономическая модель, третий 5-летний план, материалы XVIII съезда, стенограммы XVIII партийной конференции, XVIII Пленума ЦК ВКП(б), Казахская ССР, экономический рост, Великая Отечественная война, культура, театры, дома народного творчества, литература, ЦОКС, кинематограф, великодержавный шовинизм, СССР, национальная политика, большевики, политика коренизации, местный национализм, централизация, причины, факторы, распад СССР, соотношение

Благодарности. В феврале 2024 г. в Центре социально-политической истории (филиале Государственной публичной исторической библиотеки России) состоялась международная конференция «Новые грани актуальных проблем новейшей истории», в рамках которой прошла презентация коллективной монографии «Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР». Инициатива проведения конференции принадлежит Государственной публичной исторической библиотеке, Государственному университету просвещения и Саратовскому государственному университету генетики, биотехнологии и инженерии им. Н. И. Вавилова. Участники мероприятия выражают искреннюю признательность сотрудникам Центра социально-политической истории Е. Н. Струковой, И. С. Кучанову, И. Ю. Новиченко.

NEW FACETS OF TOPICAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY HISTORY (MATERIALS OF THE ROUND TABLE – PRESENTATIONS OF THE MONOGRAPH “LEAFING THROUGH THE PAGES OF HISTORY... TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE USSR” IN THE CENTER OF SOCIO-POLITICAL HISTORY, FEBRUARY 14, 2024)

E. Bespyatova¹, L. Lazareva², D. Maslov^{1,2,3}, N. Sukhanova², O. Shashkova³

¹ MIREA – Russian Technological University
prospect Vernadskogo 78, Moscow 119454, Russian Federation

² Federal State University of Education
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

³ Russian State Archives of Literature and Art
ul. Vyborgskaya 3-2, Moscow 125212, Russian Federation

Abstract

Aim. To present the results of the latest research into the problems of the Soviet stage of catch-up modernization.

Methodology. The study is based on a representative source base that allows us to identify various facets of the development of the USSR: from the genesis and transformation of the economic model to the controversial aspects of national and cultural policy, as well as to outline the hierarchy of factors that contributed to the collapse of the country. Historical-genetic and problem-chronological

¹ Маслов Д.В. Проблема соотношения факторов распада СССР

methods were used. The study of the USSR collapse causes was based on methods of classification and hierarchy.

Results. The study of the features of the indigenization policy as part of the national policy of the Bolsheviks, aimed at the formation of the Soviet political nation, allowed the researcher to draw a conclusion about the combination of its positive and negative consequences both for the 1920–1930s and for the entire subsequent history of the USSR. The “Stalinist” economic model, which successfully solved the problem of a modernization breakthrough, was criticized by contemporaries and needed systemic adjustment. Based on the materials of the XVIII Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the XVIII Party Conference and the XVIII Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, we can talk about the request formation for adjustment of the existing economic mechanism. Analysis on a wide source base of archival documents involved in scientific circulation for the first time made it possible to demonstrate the mechanism for solving economic problems closely related to problems of cultural development, confirming that the evacuation of industry, a number of cultural and scientific institutions to the east, including Kazakhstan, became the reason for the accelerated industrialization of the region and at the same time the basis for the emergence of new literary genres, the enrichment of theatrical art and especially the development of cinema.

Analysis of the draft Program of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of 1947 allows, by identifying the unresolved problems of interaction between the individual and the state, to consider them as an important factor influencing the further development of the country.

The solution to the question of the relationship between the causes of the collapse of the USSR according to their significance over the past more than 30 years is not stable. It changes both as a result of updating the source base, but more often as a consequence of the changing socio-political situation and new trends in science itself.

Research implications. The study of the genesis and evolution of the Soviet socio-economic system, problems of national and cultural policy, the hierarchy of factors of the collapse of the USSR on the principles of objectivity and historicism with the involvement of a wide range of sources deepens the understanding of the strengths and weaknesses of domestic catch-up modernization and makes an important contribution to the analysis of the relationship between factors historically significant processes.

Keywords: “Stalinist” economic model, third 5-year plan, materials of the XVIII Congress, transcripts of the XVIII Party Conference, XVIII Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, Kazakh SSR, economic growth, Great Patriotic War, culture, theaters, houses of folk art, literature, TsOKS, cinema, great-power chauvinism, USSR, national politics, Bolsheviks, politics indigenization, local nationalism, centralization, causes, factors, collapse of the USSR, ratio

Acknowledgments. In February 2024, the Center for Socio-Political History hosted the international conference “New facets of topical problems of contemporary history”, within the framework of which the presentation of the collective monograph “Leafing through the pages of history... To the 100th anniversary of the formation of the USSR” was held. The initiative to hold the conference belongs to the State Public Historical Library, Federal State University of Education and the Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov. The participants of the event express their sincere gratitude to the employees of the Center for Socio-Political History E. N. Strukova, I. S. Kuchanov, I. Yu. Novicheno.

Беспятова Е. Б.

**ТРЕТИЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН:
МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ПЛАНА И ХАРИБДОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЦЕССИИ**

Генезис и развитие «сталинской» экономической модели – это не только история реализации уникальных экономических проектов, это история непрекращающегося поиска оптимальной модели социалистической экономики, гибко реагирующей на приоритеты советской политики.

Использование методологии догоняющей модернизации [21, с. 658] и привлечение широкого круга исторического материала обеспечивают перспективу перехода фрагментарных реконструкций советской экономики к созданию объёмной панорамы хозяйственной политики СССР. Раскрытие потенциала этого поиска требует углублённого анализа ранее известных источников и дополнительного введения в научный оборот документальных свидетельств перипетий догоняющего развития в рамках «сталинской» экономической модели.

Важное значение для эмпирических и теоретических исследований имеет введение в широкий научный оборот материалов XVIII конференции и XVIII пленума ВКП(б), на которых подводились промежуточные итоги выполнения третьего 5-летнего плана и намечались пути решения широкого круга хозяйственных проблем. Однако историография этих событий ограничена тремя публикациями [1; 7; 27]. Заслуживает внимания версия, что данный партийный форум нёс своеобразную «стратегическую нагрузку». С. С. Хижняк и О. В. Хлевнюк обратили внимание на содержание дискуссий, сопровождавших обсуждение итогов 5-летнего плана, и отметили резко критический характер выступлений партийных делегатов. Негативные оценки управления экономикой со стороны собравшихся руководителей касались жёсткой централизации, минимальной

самостоятельности предприятий, снижающейся производительности труда, падения энтузиазма и ослабления творческой инициативы. Не стоит полагать, что на XVIII партконференции обсуждалась задача стратегической модификации экономического курса. Эмоциональные выступления депутатов скорее формировали ситуационную экономическую модель – всем был очевиден факт катастрофического невыполнения плановых заданий. Однако негативная лексика вскрывала недостатки директивного порядка управления и свидетельствовала об определённом осознании ограниченных возможностей созданной хозяйственной системы, невосприимчивой к новаторству.

Делегаты отмечали комплексный характер необходимых мероприятий по оздоровлению экономики и повышению производительности труда: совершенствование планирования, повышение экономического знания, проведения регулярного статистического анализа данных, искоренение «штурмовщины» и «бумажного циклона», соблюдение технологической и трудовой дисциплины. В качестве примера можно привести выступление секретаря Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецова, задавшего тон критического и конструктивного разбора положения дел в экономике в целом и отдельных отраслях промышленности: «Во многих предприятиях Ленинграда дело с организацией труда всё ещё поставлено неудовлетворительно... Простой, тяжёлым образом отражаясь на работе предприятий, влекут за собой другую крайность – штурмовщину, срыв ритмичности работы предприятий, сверхурочные работы, брак и т. д... Миллион с лишним человеко-часов учтённых простоев и 1.360 тыс. человеко-часов сверхурочных работ по заводам города – являются ярким доказательством неудовлетворительного планирования наркоматами и главками работы наших

предприятий»¹. А также выступление А. Н. Косыгина, назначенного в 1940 г. заместителем Председателя СНК СССР: «Надо отменить порядок оценки итогов работы машиностроительных заводов. Можно считать передовым завод только тот, который выпускает не старое оборудование, а действительно новое, который показывает, что завод не живёт только старым наследством, а двигается технически вперёд»².

Ещё одному важному фактору выполнения плановых показателей было уделено большое внимание – фактору трудовой мотивации, превратившемуся в антимотивационный фактор, который влиял на производительность труда работника, предприятия, отрасли и государственной экономики в целом. Курс на развитие системы материального стимулирования получил продолжение в дискуссиях и решениях XVIII пленума ЦК ВКП(б).

Материалы XVIII съезда, стенограммы XVIII партийной конференции и XVIII Пленума ЦК ВКП(б) позволяют заключить, что в процессе принятия третьего 5-летнего плана и последующего его мониторинга был сформулирован объективный запрос на корректировку механизмов «сталинской» модели.

Наше небольшое эмпирическое исследование допускает признать, что декларируемые советской идеологией достоинства социалистической системы не исключали прагматичную «работу над ошибками» формирующейся советской экономической модели. Вопрос относительно рентабельности советской экономической модели целесообразно исследовать в рамках широкого междисциплинарного подхода, способного приблизить нас к пониманию феномена СССР.

Лазарева Л. Н.

ФЕНОМЕН «СТАЛИНСКОЙ» СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ ВКП (б) 1947 г.

Советский Союз был явлением мирового исторического значения. Его опыт, несмотря на то, что такой страны уже больше 30 лет нет на политической карте, до сих пор актуален и по-прежнему требует осмысления. Прежде всего, потому, что в СССР была реализована значимая для человечества попытка поиска альтернативы «невидимой руке рынка».

В этом году, в связи со 100-летием памяти В. И. Ленина, возобновились острые дискуссии о преждевременности/неизбежности большевистского этапа модернизации³. Для верной «диагностики» факторов, формировавших её «лихорадочный пульс»⁴, представляются важными выводы известного российского историка В. В. Журавлева: асинхронность изменений в различных подсистемах общества, вызванная догоняющим развитием (а не поведенческая «взаимная неуступчивость») формировала уроки «... всех этапов российской модернизации XX в. в их совокупном воздействии на исторические судьбы страны» [8, с. 10].

Большой эвристический потенциал для выявления всего комплекса причин неудачи советского «проекта» имеет анализ «сталинской» социально-экономической модели. Она сформировалась на рубеже первой и второй 5-леток, пика развития достигла в послевоенное 10-летие, но «скелетом» народного хозяйства СССР оставалась весь отпущенный этой стране срок, несмотря на трансформацию её хозяйственных механизмов под воздействием последовавших реформ.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.476. Оп. 1. Д. 2, Л.Л. 9–12.28.

² Там же. Д. 8, Л. 37–38

³ Международная научная конференция «100 лет без Ленина. Теоретическая проекция ленинских идей» [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=89Fz-i4zIKo&list=PLuUst_YG8FfRsyKszdax1_VXDOUhzvR (дата обращения: 09.01.2024).

⁴ По меткому выражению д.и.н. В. В. Журавлева.

Взяв на вооружение сформулированный В. В. Журавлевым исследовательский подход к анализу отечественной модернизации, в «сталинской» социально-экономической модели можно вычленить следующие сущностные черты:

- целью её формирования и существования было обеспечение экономического и политического суверенитета страны (безусловно, в трактовке лидеров партии и государства данного исторического периода);

- основным механизмом, сделавшим возможным рывок СССР в число мировых лидеров индустриального развития, позволившим отстоять независимость страны, а также восстановить народное хозяйство вопреки воздействию экономических санкций недавних союзников по антигитлеровской коалиции, была мобилизация ресурсов для приоритетного развития сектора «А»;

- неизбежным следствием выбранной стратегии стала большая социальная цена достижений и невысокий уровень жизни советских граждан.

«Сталинская» модель имела существенные «сбои», проявившиеся в практике хозяйствования [14].

Ключевая особенность, феномен, «сталинской» социально-экономической модели – её неразрывная связь с идеологией (советский «проект» сформировался как попытка воплотить в практику доктрину марксизма-ленинизма). Поэтому экономисты могли лишь составлять перспективные планы реализации концептуальных установок, изложенных в программе партии. Отсюда становится понятной важность анализа послевоенного проекта программы ВКП(б), работа над которым была развёрнута летом 1947 г. Благодаря этому историческому источнику мы имеем возможность ретроспективы формирования долгосрочной стратегии развития страны в рамках «сталинской» социально-экономической модели.

На XVIII съезде ВКП(б), в преддверии грядущих испытаний, И. В. Сталин объявил о формировании программной комиссии, которой предстоит организовать работу над главным партийным документом (т. к. социализм считался уже построенным, требовалось наметить траекторию движения к коммунизму). К реализации поставленной на съезде задачи руководители СССР смогли вернуться лишь после окончания войны.

Обратимся к финалу «мозгового штурма», итоговому проекту, в котором были учтены правки и замечания И. В. Сталина, а также результат обсуждения на заседании программной комиссии ЦК. На данном этапе из четырёх ранее существовавших авторских коллективов был создан «сводный», в его состав вошли философы (П. Н. Федосеев, М. Б. Митин) и экономисты (Л. А. Леонтьев, Д. Т. Шепилов).

Глава «Основные задачи ВКП(б) по строительству коммунистического общества» начинается с перечисления сущностных черт новой стадии развития. Сразу же под буквой «А» обозначена его экономическая цель: «...на основе роста производства достигнуто изобилие продуктов и господствует равная обязанность всех трудиться по своим способностям, и равное право всех трудящихся получать за это по своим потребностям, а все труженики общества являются людьми, ведущими вполне зажиточную и культурную жизнь» [23, с. 176].

При приоритете сектора «А», требующийся для достижения поставленной цели высокий уровень потребления, советские обществоведы планировали обеспечить за счёт наращивания темпов развития сектора «Б»: «...сохраняя ведущую роль отраслей, производящих средства производства, резко увеличить объём и повысить удельный вес в народном хозяйстве отраслей промышленности, производящих предметы потребления...» [23, с. 178].

Обеспечить развитие не в ущерб потреблению было невозможно при существовавшей в СССР производительности труда. В итоговом проекте программы ВКП(б) была сделана ставка как на новые технологии, так и на сочетание морального и материального стимулирования интенсификации и улучшения качества труда (борьба с уравниловкой и обезличкой, совершенствование сдельно-прогрессивной оплаты и системы премирования) [23, с. 179].

Кроме того, подчёркивалось, что в качестве «...важнейших экономических рычагов преобразования социалистического общества в коммунистическое» необходимо использовать хозяйственный расчёт, а также повышать роль и значение денег государственного бюджета, кредита, цены, прибыли, поощрять соревнование государственной и кооперативной торговли [23, с. 181].

В итоговом проекте (в отличие от «рабочих» вариантов) основным в алгоритме достижения новой стадии развития общества стал экономический раздел: в нём 20 пунктов, и занимает он почти 2 книжных листа.

«Скромнее» следующая за ним часть, описывающая стратегию преобразований культуры и быта (15 пунктов на 1,5 стр.): с помощью просвещения и образования намечалось добиться, чтобы советские люди стали культурными и образованными. Развитие литературы и искусства (на них возлагалось идеологическое и патриотическое воспитание) ставилось в жёсткие рамки: «...содействовать [...] созданию высокохудожественных произведений, отображающих величие советской эпохи, героизм и благородные черты советского человека...» [23, с. 181].

Завершающим стал раздел «В области политической» (он лишь немного уступал экономическому – около 1,5 книжных листов и 17 пунктов). Условием политического успеха коммунистического строительства авторы проекта програм-

мы определили «укрепление и дальнейшее развитие» государства. В конструировании нового социального устройства общество отодвигалось на второй план: от добровольных общественных организаций требовалось «развивать коммунистическую сознательность», от профсоюзов – вовлекать «в дело строительства коммунистического хозяйства» и содействовать росту культурного и технического уровня рабочих и т. п. [23, с. 183–184].

Итак, анализ проекта программы ВКП(б) 1947 г. подтверждает выводы В. В. Журавлева: установка на «догоняющее развитие» продолжала формировать образ будущего страны, выстраивая алгоритм нового этапа модернизации в парадигме «революции сверху». Повышение образовательного уровня советских граждан (для чего немало сделали большевики) в сочетании с проблемой взаимодействия общества и государства стали базой для формирования предположения об отказе от социалистического проекта.

Маслов Д. В.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФАКТОРОВ РАСПАДА СССР

В силу того, что в контексте распада СССР называется множество причин, приведших к такому итогу, вопрос о соотношении/значимости тех или иных факторов распада не мог не возникнуть. Подробным образом (насколько это было возможно) вопрос о самих причинах распада Советского Союза был рассмотрен в коллективной монографии «Причины распада СССР: вопросы методологии исследования»¹. Однако тема соотношения факторов была там лишь намечена.

Суть проблемы заключается в том, что разные факторы распада СССР играли

¹ Маслов Д. В., Лазарева Л. Н., Суханова Н. И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 399 с.

неодинаковое значение в рассматриваемом процессе. Соответственно, возникает исследовательская задача определить это соотношение или, говоря иначе, иерархию факторов. Решение данной задачи позволит уточнить понимание тех процессов и обстоятельств, которые привели в разное время к краху Советского Союза. Это решение имеет, можно сказать, и общенаучное, теоретическое значение, т. к. проблема соотношения тех или иных факторов возникает в изучении любого масштабного исторического процесса, каковым, безусловно, являлся и распад СССР.

Остановимся подробнее на соотношении факторов внутренних и внешних, объективных и субъективных. Тем более что именно эти 2 пары групп факторов активнее других конкурируют друг с другом в историографии и в общественном сознании.

Выявление факторов начнём с того, что 2 выделенные пары друг с другом вполне пересекаются. Анализ показывает, что сторонники приоритета внутренних факторов в объяснении распада СССР больше склонны к признанию объективных факторов этого процесса. И наоборот, среди тех, кто склоняется к факторам внешним заметно стремление подчеркнуть значимость факторов субъективных. Это, однако, не является «железным правилом». Так, известный американский специалист по советской истории С. Коэн склонялся к факторам внутренним, называя главным из них роль М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина [12 с. 65]. Другие сторонники приоритета внутренних причин называют в их числе фактор «предательства» советской правящей элиты [5]. Встречается и такое, что сторонники приоритета внешних факторов называют в этом качестве складывавшееся веками отторжение России Западом [25]. Ряд исследователей справедливо указывает на то, что факторы внешние могут переходить во внутренние. Так, А. А. Зиновьев отмечал, что влияние За-

пада приводило к изменению стандартов поведения советского человека, что выступало уже в качестве фактора внутреннего [9, с. 439–440]. Поэтому представляется возможным в последующем анализе не рассматривать изолированно факторы внутренние и внешние, объективные и субъективные. От чего же зависит решение вопроса о приоритетности тех или иных факторов?

Среди обстоятельств, определявших выбор специалистов и общества в целом в пользу тех или иных факторов, как показывает практика, можно выделить следующие.

Во-первых, это текущая общественная ситуация – фактор, который к самой истории, как может показаться на первый взгляд, вообще никакого отношения не имеет. Сразу после случившегося в 1991 г. у многих исследователей и обывателей сам факт распада СССР особых удивлений не вызывал. Острый экономический кризис, обострившиеся межнациональные противоречия и конфликты, неспособность Центра и республик прийти к согласию по новому Союзному договору, кризис власти убеждали многих в том, что для краха СССР имелись веские причины объективного внутреннего характера. Тогда они ещё были, что называется, в оперативной памяти участников событий.

Но что происходит далее? В 1990-е гг. ситуация теперь уже в постсоветской России остаётся сложной, переход к рынку оказался гораздо более тяжёлым, чем это представлялось даже его сторонникам. К тому же данный переход сопровождался острым политическим кризисом ветвей власти, отнюдь не закончившимся кровавыми событиями 1993 г. и принятием российской Конституции. К тяжким внутренним обстоятельствам добавлялось падение роли России на мировой арене, что больно ударило по национальному сознанию, привыкшему к образу сверхдержавы. Эти изменившиеся обстоятельства не могли не повлиять на восприятие

существования СССР последних лет и месяцев, которые на фоне последующих событий получали уже не такую негативную оценку, как несколько ранее. Так постепенно формировался миф о прекрасном, но бездумно утраченном Советском Союзе. Тем самым создавалась интеллектуальная почва для умаления внутренних и объективных причин краха СССР. Концепции «удара в спину», «предательства» правящей советской элиты, разрушительной деятельности «агентов влияния» оказывали терапевтическое воздействие на общественное сознание, позволяя заодно отместить и сложные вопросы о глубинных факторах, приведших СССР к печальному концу, равно как и о собственной ответственности за произошедшее.

Отметим и психологические обстоятельства – стремление «назначить» конкретных виновников происшедшего. Отсюда столь характерная для массового сознания (но у исследователей встречающаяся реже) тенденция определить в качестве конкретных виновников, в частности, М. С. Горбачёва за его нерешительность в защите союзного государства или Б. Н. Ельцина за Беловежские соглашения. Примечательно, что в размышлениях о последних нередко превалирует тема потребления алкоголя участниками встречи в Беловежской пуще – очевидно, так многим проще объяснить происшедшее (не ведали, что творили). Многим людям гораздо привычнее ситуация, когда, как говаривал И. Сталин, каждая ошибка имеет фамилию-имя-отчество. Так понятнее, и заодно не нужно напрягать интеллектуальные усилия по поиску более глубоких причин происшедшего.

Естественно, что международные события последнего десятилетия не могли не придвинуть россиян ещё ближе к симпатиям к факторам субъективным и внешним. Резкое обострение отношений России и Запада становилось для многих убедительным свидетельством того, что и в 1991 г. Запад не мог действовать иначе,

как в направлении развала СССР¹. Так же логично, что и любые последующие изменения внутренней и внешней общественной ситуации могут привести и к изменениям в восприятии соотношения рассматриваемых факторов.

Следующим обстоятельством, влияющим на восприятие проблемы, можно считать знаковые обновления источниковой базы. В качестве таковых будем рассматривать обнаружение источников, получающих широкий общественный резонанс. Для пояснения этой мысли приведу публикацию в 1995 г. в Минске на русском языке монографии П. Швейцера «Победа», в которой произошедшее с СССР было рассмотрено на обширном фактическом материале, выводящем на первый план направленную против Советского Союза деятельность США [31]. Убедительность информации придавало то обстоятельство, что работа написана американцем по американским же источникам. Не случайно, что редкое исследование о распаде СССР обходится без цитирования работы Швейцера. При этом зачастую игнорируется то очевидное обстоятельство, что Швейцер вовсе не ставил перед собой глубоких научных задач и уж тем более не планировал дать всесторонний анализ всех обстоятельств случившегося с СССР. К сожалению, те источники, которые представляют роль Запада не так однозначно (например, мемуары Д. Буша и Б. Скоукрофта [2], в поле общественного внимания попадают гораздо реже (исследователей это тоже касается).

Наконец, остановимся на факторах сугубо научного характера, имеющих значение для решения вопроса о приоритете тех или иных факторов. В этом плане значение имеют текущие научные тренды. Так, если в первые после распада СССР годы исследователи чаще были склонны к

¹ В кратком докладе нет возможности подробно останавливаться на конкретном содержании фактора Запада и других внешних факторов распада СССР [5].

анализу совокупности факторов распада СССР, то в ряде исследований последних лет мы можем проследить стремление выявить интегральные факторы распада СССР [17, с. 3–6; 22, с. 90–91]. Интегральность эта во многом снимает остроту противоречия между факторами объективными и субъективными, внутренними и внешними.

Подводя итоги, отметим, что решение вопроса о приоритете тех или иных факторов распада СССР отнюдь не всегда определяется факторами сугубо научными (например, приращением источниковой базы). По наиболее острым общественным вопросам (а распад СССР, безусловно, к таковым относится) немалую роль играет и текущая внутренняя и международная ситуации. А значит, её изменение рано или поздно приведёт к тому, что акценты в освещении проблемы будут неизбежно меняться, что касается и проблемы распада Советского Союза, обречённой на длительное общественное внимание.

Суханова Н. И.

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ В СССР: PRO ET CONTRA

Инструментом строительства советской политической нации стала политика коренизации. В докладе И. В. Сталина на XII съезде партии в апреле 1923 г. были поставлены задачи формирования политической элиты в этнических регионах, где авторитет большевиков ещё не утвердился. Перед центром стояла задача усилить центристские настроения этнических сообществ, сформировать потребности последних к развитию собственного политического, экономического, культурного развития в условиях строящегося социализма. Для решения экономических, социальных и культурных задач в этнических регионах был создан Союзно-республиканский дотационный фонд СССР, который формировался за счёт РСФСР. Для успешного

руководства от руководителей всех уровней требовалось знание местного языка и традиций, что было необходимо усвоить за полгода-год. При дефиците кадров эта задача оказалась слабо реализуемой. К тому же отсутствие в региональных языках политической, юридической, деловой, культурной лексики, в ряде случаев даже собственной письменности, осложняли дело.

Ускоренный процесс формирования курсов, комиссий, объединений не решал проблемы. Декларируемые меры реализовывались далеко не везде и не в полном объёме. Так, Татарстан отличался индифферентным отношением к политике коренизации. В Воткинской автономной области (Удмуртия) в течение 1923–1924 хозяйственных годов из 93 зарегистрированных комиссией при облисполкоме безработных удмуртов удалось устроить на работу только 23 человека [4, с.131]. В 1928 г. нацменьшинства стали различать по культурному и экономическому положению. К первой группе относили культурно и экономически отсталые народы (чуваши, мари в Татарской республике и др.). Ко второй – «более культурные национальности», стоявшие в этом отношении выше коренного населения конкретной автономной единицы (русские, украинцы, немцы и др.). Политику коренизации пытались проводить с учётом этих уровней.

На практике коренизацией были затронуты все административные региональные образования – от союзных республик до национальных сельсоветов. Везде местное население настаивало на использовании собственного языка, формируя собственную систему его реализации. Так, попытка украинских поселений во множестве русских регионов – от Москвы до Владивостока – проводить украинизацию натолкнулась на сопротивление на Кубани, где началось движение за кубанизацию [28, с. 571]. Процесс коренизации усиливал местнические настроения, в стране проходили казахизация, киргизизация, узбекизация и т. п.

Свою долю проблем внесло использование кириллицы, арабицы и латиницы в языковой графической основе. Так балкарская интеллектуальная элита создала целых 3 алфавита: 2 – на кириллице, 1 – на арабице. В Дагестане главными были 4 языка, при том, что республику населяло более 30 народов, и у каждого был или свой язык, или диалект. Позицию власти по этой проблеме высказал М. И. Калинин, считавший, что в употреблении нужно оставлять только важнейшие языки [29, с. 120]. Для уменьшения количества языковых групп стала практиковаться идея объединения народов, таких как чеченцы и ингуши, кабардинцы и балкарцы, карачаевцы и черкесы. Вскоре отказ от идеи мировой революции привёл к переходу на кириллицу всех языков СССР. Теперь идеологическая и практическая задачи советской модернизации реализовывались русскоговорящими кадрами.

Еще одной целью коренизации было выравнивание уровней культурного и общественного развития всех народов СССР. В первую очередь, это касалось формирования и развития школ, училищ, техникумов. Эта задача, являясь базовой, содействовала углублению изучения собственных традиций, обычаев и их презентации через музеи, средства массовой информации, литературу, художественное творчество. В регионах создавались педагогические техникумы и институты. В технических вузах преобладали русские. В 1930-е гг. появились НИИ по изучению языка, истории, литературы, музеи, а так же Академии наук союзных республик.

Сложной оказалась проблема формирования местного пролетариата. В аграрных регионах в конце 1926 г. количество заводских рабочих было крайне незначительным: 7 якутов, 81 таджик, 139 киргизов, 306 туркмен, 2 215 казахов, 7 684 узбека [15, с. 207]. Это повлекло за собой перемещение заводов из центральной России в Среднюю Азию, на Кавказ,

национальные республики Поволжья и Зауралья. Национальные пролетарии получали льготы, квоты по устройству в крупных российских промышленных городах. Нередко зарплата местных и русских различалась. Из-за замещения национальными кадрами русских рабочих, практики их устройства в русских городах, заводы становились центрами межэтнической конфликтности, нередко носившей политический характер.

Коренизация содействовала ослаблению влияния русской политической элиты. Это приводило к утверждению на местах собственной этнической трактовки основ большевизма и отходу окраинного истеблишмента от влияния политического центра. При этом девальвировалась русская культура, как «культура угнетателей», которая, по сути, была не только важным объединяющим фактором, но и образцом высокой многоплановой культуры. Из России выкачивались огромные ресурсы, сокращались её модернизационные возможности. Антирусскому противостоянию содействовала и политика коллективизации в аграрных регионах.

В 1930-е гг. политика коренизации приобрела классовый характер, смещая акценты в сторону руссоцентризма. Его суть заключалась в переходе партии от борьбы с «великорусским шовинизмом» к борьбе с местным национализмом, что усиливало этническое сопротивление.

При том, что для формирования единого многонационального государства имелось немало предпосылок, коренизация внесла и негатив в систему советской государственности. Она содействовала политизации этничности, укрепляя, с одной стороны, советские нормы, с другой – формируя собственную политическую, культурную, интеллектуальную элиту. При этом скоростное решение вопросов подъёма всех направлений национальной культуры не всегда увязывалось с глубиной политического осознания их истоков, содержания, сущности у некоторых народов [16, с. 125].

Сложность и противоречивость политики коренизации определялась следующими объективными факторами: низкий уровень развития культуры и грамотности у значительного числа народов СССР, аполитичность рядового населения и непонимание даже местным руководством целей и задач социалистического строительства, отдалённость ряда этносов от центров реализации государственной политики, влияние традиционализма и социальная пассивность, сопротивление духовенства и антисоветских слоёв населения, недостаток средств и ресурсов. К субъективным факторам следует отнести вторичность национального вопроса по отношению к идее мировой революции, миссионерский и мобилизационный характер кампании коренизации, преобладание субъективных факторов над объективными. Этничность была подчинена идее надэтнической (советской) идентичности, которая обеспечивала легитимацию и функционирование централизованной системы управления и господства [18, с. 258]. Принцип вторичности национальной общности по отношению к политико-экономической не содействовал действительному самоопределению народов. Видимо, поэтому активизировалось стремление народов к созданию собственных административных образований.

Шашкова О. А.

**«А ЗНАЧИТ НАМ НУЖНА ОДНА ПОБЕДА,
ОДНА НА ВСЕХ...»: ЭКОНОМИКА
И КУЛЬТУРА КАЗАХСТАНА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Великая Отечественная война остаётся пространством общей памяти для многих бывших республик СССР и, прежде всего, для Казахстана, куда были эвакуированы сотни предприятий и без малого 2 млн жителей страны. Пережитые сообща испытания даже на сложном фоне современности не могут упразднить многовековые традиции и успехи,

достигнутые Казахстаном вместе со всей страной [20, с. 44–46; 30, с. 315–329].

История республики, лежащей на перекрестке дорог в самом сердце Евразии, начала стремительно развиваться именно в XX, по большей части «советском», веке. Однако отсутствие энерговооружённых промышленных объектов вкупе с низкой грамотностью населения вплоть до начала индустриализации не давали возможности привязывать планирование экономики к республиканским границам и мыслить Казахстан отдельным регионом. Лишь строительство первой в республике Хариузовской ГЭС и возрождение связанного с ней Риддера – Рудного Алтая в начале 1930-х гг. изменили ситуацию и позволили затем провести межeweвание территорий [6, с. 15–16; 26, с. 27–57].

Не только энергетика, но и разведка недр в предвоенный период стала ещё одним приоритетом расширения экономики. Активные геологические изыскания, которые с периода Гражданской войны организовывались в Туркестане Сибирским отделением Геологического комитета ВСНХ, на новом этапе освоения Южного и Центрального Казахстана, исследования залежей угля в Караганде и Экибастузе, эмбенской нефти, полиметаллических руд Риддера, разведка меди в Прибалхашье, свинца в Текели и Каратау – эти огромные по своей трудоёмкости и стоимости работы стали заслугой геологической науки центральной России, давшей начало национальной школе Казахстана.

Разведанные природные ископаемые и карта их размещения к концу 1930-х гг. определили специализацию и место республики в союзно-республиканской системе разделения труда – как перспективной рудно-сырьевой и сельскохозяйственной базы Средней Азии с возможностью создания в будущем предприятий тяжёлой промышленности группы «А».

Эти достижения находились, однако, в сложном соотношении с тенденциями,

которые возникли в ходе политики коренизации [3, с. 43–70]. Инициированная из центра почти одновременно с неярким поворотом от теории «мировой революции», в действительности она стала одним из её проявлений. Педалирование в Казахстане (как и в других республиках СССР) проблемы подготовки национальных кадров в итоге привело к выпячиванию этнического момента. Перекосы национальной политики на местах и потоки «писем во власть» от лишённых земель давних крестьян-переселенцев из центральной России, порождали новые противоречия. По решению центральных партийных органов местные республиканские власти то отменяли арабскую вязь – как «язык Корана и байства», то запрещали кириллицу – «как язык царизма», то внедряли транскрибирование на латинице в знак единства с мировым пролетариатом. Предел экспериментам был поставлен только в 1936 г. после принятия новой Конституции и ликвидации Комитета по коренизации при КазЦИК. Установление в 1940 г. единой для всех советских республик русской транскрипции и признание русского языка как языка межнационального общения открыло путь к развитию всех сфер жизни Казахстана [10, с. 29–32].

Начало войны и массовая эвакуация промышленных предприятий и населения дали резкое ускорение структурной перестройке экономики Казахстана [13, с. 433–457]. Летом-осенью 1941 г. в чрезвычайных обстоятельствах в восточные районы выехало около 1.300 крупных предприятий; более четверти их прибыло в Алма-Ату, Семипалатинск, Чимкент, Караганду, Актюбинск, Петропавловск и др. города. Казахстан принял из Белоруссии, Украины, Крыма, Молдавии, республик Балтики, а также из Смоленска, Воронежа, Москвы и Ленинграда с областями около 1,74 млн человек – рабочих и служащих эвакуированных предприятий. Предприятия прибывали полностью или отдельными цехами, иногда переда-

валось только оборудование, которое дополняло строившиеся на местах с довоенных времён заводы, фабрики. Но чаще всего эвакуируемые производства давали начало новым. Сегодня специалисты сошлись во мнении, что всего за годы войны в республику были эвакуированы полностью или почти полностью около 300 предприятий, которые дали начало почти 470 новым заводам, комбинатам, фабрикам, шахтам и рудникам, в т. ч. Актюбинскому заводу ферросплавов, Текелийскому свинцово-цинковому комбинату, Джездинскому марганцевому комбинату, Джезказганскому комбинату. Одновременно наращивали производство Балхашский медный комбинат, Чимкентский свинцово-никелевый и ряд других.

Трудовые подвиги казахстанцев в тылу совершались вместе с теми, кто ушёл на фронт. Каждый пятый житель республики воевал либо трудился на военном производстве. По современным подсчётам историков, это 1,366 млн человек из 6,2 млн проживавших в республике к 1941 г.; из них почти 601 тыс. казахстанцев погибли в боях [11, с. 107]. За годы войны в регионе сформировали 12 стрелковых и 4 кавалерийских дивизии, 7 стрелковых бригад и почти 50 отдельных полков и батальонов разных родов войск. Весь Казахстан воевал и трудился как часть единой страны.

Проблемы реконструкции тех далёких событий на фоне современных метаморфоз историографии приобретают особенное значение, поскольку археографическая база проблемы достаточно скудна – в отличие от обширной и слабо используемой источниковой, преимущественно документов официального происхождения. Их изучение, с одной стороны, задаёт как бы свой ракурс исследования событий – «из окна руководства», и, на первый взгляд, не предполагает «личностного момента». Однако именно благодаря «официозу» видится вся картина становления системы управ-

ления в экстремальной ситуации, когда требование невозможного становится нормой, и, что самое удивительное, «невозможное» в итоге реализуется.

Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), постановления ГКО при союзном Совнаркоме, приказы и информации наркоматов наглядно демонстрируют школу советского управления и планирования: детально прописывают последовательность шагов по реализации и полноценные обязанности всех ведомств, показывают сам механизм работы и согласования решений центра и республики. И почти в каждом документе невооружённым взглядом читается глубокая вера в Победу – когда в период самых ожесточённых боев 1942–1943 гг. планируются, например, показатели электрификации Казахстана в 1946–1948 гг., потребность в строительных материалах или механизмах на 1947 г.

Казахстанский «тыл фронта» стал одной из важных составляющих Победы. Большую роль в становлении военно-оборонной промышленности на востоке сыграла эвакуация в республику так называемых «номерных» военных заводов, история которых пока изучена слабо [24]. Впоследствии эти предприятия дали жизнь новым казахстанским производствам, создавая в итоге свою новую социально-экономическую среду.

Значительную роль в формировании нового облика республиканской экономики играли партийные руководители, которые фактически руководили всеми хозяйственными процессами. При этом их не всегда добровольная «ротация» впечатляет. Так, в Справке Управления кадров ЦК ВКП(б) от 10 марта 1943 г. указывалось, что «только одних секретарей обкомов КП(б) Казахстана за 1943 г. сменилось 22 чел., из них первых секретарей – 5, в т. ч. 4 сняты как не справившиеся с работой и намечены к снятию 4 первых секретаря [...] За период войны сменились 215 (из 225) первых секретарей райкомов и горкомов партии, при этом толь-

ко 31 человек был мобилизован в армию и отозван в освобождённые районы»¹. Симптоматично, что не справившихся с работой чаще всего перемещали на другие должности.

История военной экономики Казахстана – это бесчисленное количество примеров кооперации и установления теснейших связей между самыми различными регионами в экстремальных условиях. Так, в республику срочно перебрасывалось нефтяное оборудование с азербайджанских нефтяных промыслов, дагестанские двигатели, челябинские комбайны, свердловские турбины, ярославские троллейбусы, специализированные уральские станки и оборудование для металлургии, коксохимической промышленности, геологических изысканий. И это не говоря о крайне дефицитных материалах, которые тем не менее выделяли из своих фондов общесоюзные наркоматы: железо, лес, стекло, цемент, прокат и пр. Постановлениями и распоряжением Совнаркома РСФСР и СССР Казахской ССР были переданы, например, для кирпичных заводов в Караганде, Актюбинске, Акчатау оборудование Елецкого, Лосиноостровского, Волоколамского, Карасевского кирпичных заводов. Одновременно Абайское железорудное месторождение в Южном Казахстане становится основной рудной базой для строящегося Беговатского металлургического завода в Узбекистане, или легированные железные руды Актюбинской области «ставят в порядок дня строительство пятой домны Орского завода по выпуску никелистого чугуна». Только за два первых года войны в народное хозяйство республики было вложено 2,13 млрд руб., а стоимость её валовой продукции возросла с 1,55 млрд в 1940 г. – до 1,9 млрд в тяжелейшем 1942 г.

Огромное значение для жизни Казахстана в тот период имела деятельность Комиссии Академии наук СССР по мобили-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 78, 229–231, 236–241, 243–245, 247–248, 250, 252–258.

зации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. Эвакуация многих научных учреждений создала условия для формирования нового научно-образовательного пространства в регионе, стимулировала исследовательскую деятельность на местах, способствовала созданию академических институтов и росту научных кадров. Именно за годы войны благодаря работе почти 260 полевых экспедиций, объединивших усилия московских академиков, сотен инженеров, российских и казахстанских геологов и учёных, был составлен перспективный план освоения природных богатств республики, развития её транспортной сети, сельскохозяйственных баз, который актуален и в XXI в.¹ Если в мирном 1941 г. Казахское геологическое управление проделало объём работ на 24.040 тыс. руб. из средств республиканского бюджета, а бюджет всего КазФАН составлял 3,7 млн руб., то ассигнования на филиал в 1944 г. составили уже 12,4 млн руб.², что было непосильно республиканскому бюджету. Примеров подобной деятельности в истории не существовало.

Значительную роль в жизни тыла в Казахстане играла культура. Годы войны стали периодом становления театрального и музыкального искусства, формирования национальной литературы и кино³. Огромное значение не только для республики, но и всего Советского Союза имела деятельность в 1941–1943 гг. в Алма-Ате Центральной Объединённой киностудии (ЦОКС), организованной осенью 1941 г. на базе эвакуированных в Казахстан киностудий «Мосфильм», «Ленфильм» и только встававшей на ноги национальной студии «Казахфильм». ЦОКС стал главным киноцентром периода войны, выпустив в те труднейшие годы 80% всех кинолент страны. Среди

них были как любимые на фронте и в тылу «Боевые киносборники», мюзиклы «Воздушный извозчик», так и всемирно известные «Иван Грозный», «Парень из нашего города»⁴.

Прямая связь тыла с фронтом осуществлялась и через Фонд обороны⁵, в который жители республики суммарно пожертвовали 4,7 млрд руб. только деньгами [19, с. 61–72]; это и деятельность 15 фронтовых бригад, выезжавших на линию огня, где перед бойцами выступала, в т. ч. выдающаяся казахская певица К. Байсеитова⁶.

Военный период в истории республики был отмечен также таким беспрецедентным событием, как созыв Совещания историков при Отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Хотя сами заседания, длившиеся с мая по июль 1944 г., проходили уже в Москве, главная причина созыва этого совещания заключалась в необходимости обсудить неоднозначную концепцию коллективной монографии «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней». Книга стала итогом усилий 33 специалистов – историков из Москвы и казахских учёных, которые в Алма-Ате создали первый в своём роде беспрецедентный труд, охвативший почти 2.000 лет вплоть до периода социализма⁷. Само Совещание, по сути, обнажило проблему живучести глобальных идей «мировой революции». Вновь повторяя известные штампы о России как «тюрьме народов», уже отвергнутые жизнью лозунги времён Первой мировой войны, продолжая в духе «школы Покровского» поиски «казахского пролетариата» в период глубокого феодализма с чертами общинного строя, монография вновь представляла историю дореволюционной России как беспросветный гнёт, при этом игнорируя охранительные функции

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 25. Д. 2677. Л. 9–62, 36–40; 18. ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 8. Д. 101. Л. 23–30 об. Л. 23–30 об.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 281. Л. 131–142.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 602. Л. 25–38.

⁴ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 936. Л. 1–13; РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 4. Д. 235. Л. 28–29 об., 36–39.

⁵ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 936. Л. 1–13.

⁶ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 936. Л. 1–13.

⁷ ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 2. Д. 524. Л. 160–160 об.

российской власти, а также роль других держав в регионе (той же Великобритании) и исходившую от них угрозу. Тот факт, что Совещание завершилось безрезультатно (кадровые решения последовали только через 3–4 года), наглядно свидетельствовал о живучести основных идей либеральных интернационалистов в советском руководстве. По сути, отделения национального от национализма не случилось¹.

Поистине тектонические сдвиги в экономике республики в годы войны, совершённые ценой больших затрат общесоюзного бюджета, трудом населения, без разделения на национальности, позволили Казахстану быстро подняться в послевоенный период и встать в один ряд с индустриально развитыми регио-

нами СССР, сопоставимыми с мировыми промышленными центрами. Важнейшим доказательством масштабы подходов к планированию развития всех отраслей республики стало то, что реэвакуация не разрушила сформировавшиеся всего за 2-3 года индустриальные комплексы. Не только в годы войны, но и вскоре после неё Казахстан продолжал давать, например, 85% всего произведённого в стране свинца, 35% меди, 60% молибдена.

История Казахстана в годы войны – это действительно героическая страница жизни нашей страны в чрезвычайных обстоятельствах, приумноживших совокупные усилия.

Дата поступления в редакцию 02.02.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. XVIII партконференция: время, проблемы, решения / С. С. Хижняков, О. В. Хлевнюк. М.: Политиздат, 1990. 110 с.
2. Буш Д., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М.: Международные отношения, 1994. 502 с.
3. «Все-таки я думаю, Вы на это письмо что-нибудь ответите»: обращения крестьян Казахстана во власть. 1923–1926 гг. / предисл. Д. А. Аманжоловой. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 8. К 50-летию Центра истории народов России в межэтнических отношениях ИРИ РАН / отв. ред. В. В. Трепавлов. М., 2018. С. 43–70.
4. Воронцов С. В. «Империя положительной деятельности» на примере коренизации в Удмуртии // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: мат-лы науч. конф. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 126–136.
5. Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических республик / С. Н. Бабурин, В. Э. Багдасарян, Л. Г. Ивашов, В. Ю. Катасонов, Д. В. Маслов, С. И. Реснянский, А. О. Степанян и др. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 6–41.
6. Ермоленко Г.В., Сапаров М. И. Основные этапы реализации плана ГОЭЛРО // Энергетика. 2020. № 4. С. 15–16.
7. Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти. М.: ВАГРИУС, 2005. 720 с.
8. Журавлёв В. В. Политические партии России. Конец XIX – начало XX вв. Т. 3. Социалистические партии. М.: РОССПЭН, 2022. 902 с.
9. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб., 2004. 608 с.
10. Казиев С. III. Политика коренизации и проблемы межэтнических отношений в советском Казахстане (1923–1936 гг.). // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2015. № 2. С. 29–32.
11. Кантарбаев А. Т. Вклад Казахстана в Великую Отечественную войну // Битвы и сражения, изменившие ход Великой Отечественной войны: мат-лы конф. / гл. ред. А. Э. Сердюков. М.: Кучково поле, 2014. С. 106–115.
12. Коэн С. «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза / пер. И. Давидян. М.: АИРО-XXI, 2011. 215 с.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 224. Л. 22–22об., 182–183, 193.

13. Куманев Г. А. О мобилизации экономики Советского государства и ее военной перестройке в первый год Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – июнь 1942 г.) // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: мат-лы конф./ отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Ин-т российской истории РАН, 2013. С. 433–457.
14. Лазарева Л. Н., Беспятова Е. Б. Теория и практика советской экономики (оценка современных, «сталинский» этап) // Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР / П. П. Марченя, Д. В. Маслов, В. Я. Романченко, И. А. Анфертьев и др. Саратов: ООО «ЦеСА-ин», 2023. С. 92–106.
15. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.
16. Маслов Д. В., Лазарева Л. Н., Суханова Н. И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 399 с.
17. Медушевский А. Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 3–6.
18. Попов М. Е. Социокультурная интеграция и конфликты идентичностей: опыт советскости // Национальная политика и модернизация системы управления на юге России: исторический опыт и современные вызовы / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 255–261.
19. Потапов А. В. Вклад восточноказахстанцев в создание Фонда обороны страны // Общественные науки. Тематический сборник. Вып. 5. Алма-Ата, 1964. С. 61–72.
20. Рахимбекова А. К. Колонизация Казахстана: методологические проблемы исторической интерпретации // Политическая фальсификация истории как барьер на пути демократического реформирования международных отношений на постсоветском пространстве / редкол. С. И. Берил и др. Тирасполь: Литера, 2009. С. 44–46. .
21. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. / редкол.: И. Н. Данилевский, В. В. Журавлев, А. Б. Каменский и др. М.: РОСПЭН, 2016. 320 с.
22. Смоленский Н. И. История и логика. Проблемы общеоисторической теории и природы исторических понятий. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 184 с. С. 90–91.
23. Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг. / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.
24. Тихонов С. Г. Оборонные предприятия СССР и России. М., 2010. 605 с.
25. Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2002. 608 с.
26. Фаворский В.В., Погорелов К.Я. Энергетика Казахстана. Алма-Ата, 1935. 57 с.
27. Фельдман М. А. «Таинственная» конференция (XVIII Всесоюзная партийная конференция ВКП(б) в фокусе внешнеполитического фактора и индустриального проекта) // Россия и современный мир. 2021. № 1. С. 145–165.
28. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн.1 1918–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.
29. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 гг. М., 2009. 1095 с.
30. Шаблей Л. С. Ценность прошлого и репрезентация исторического знания в Центральной Азии и Казахстане // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С. 315–329.
31. Швейцер П. Победа. Мн.: СП «Авест», 1995. 608 с.

REFERENCES

1. Khizhnyakov S. S., Khlevnyuk O. V. *XVIII partkonferentsiya: vremya, problemy, resheniya* [XVIII party conference: time, problems, solutions]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 110 p.
2. Bush D., Scowcroft B. *Mir stal drugim* [The world has become different]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1994. 502 p.
3. Amanzholova D. A., ed. [“...Still, I think you will answer something about this letter...”: appeals of the peasants of Kazakhstan to the authorities, 1925–1926]. In: Treavlov V. V., ed. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh. Vyp. 8. K 50-letiyu Tsentra istorii narodov Rossii v mezhetnicheskikh otnosheniyakh IRI RAN* [History of the peoples of Russia in research and documents. Vol. 8. To the 50th anniversary of the Center for the History of the Peoples of Russia in Interethnic Relations of the IRI RAS]. Moscow, 2018, pp. 43–70.

4. Vorontsov S. V. ["Empire of positive activity" on the example of indigenization in Udmurtia]. In: *Sovetskiye natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-ye gody* [Soviet nations and national politics in the 1920s–1950s]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014, pp. 126–136.
5. Baburin S. N., Bagdasaryan V. E., Ivashov L. G., Katasonov V. Yu., Maslov D. V., Resnyansky S. I., Stepanyan A. O., et al. [Death of the USSR: factorial foundations of a civilizational catastrophe. On the 30th anniversary of the tragic events of the collapse of the Union of Soviet Socialist Republics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2021, no. 4, pp. 6–41.
6. Ermolenko G. V., Saparov M. I. [Main stages of implementation of the GOELRO plan]. In: *Energetika* [Energy], 2020, no. 4, pp. 15–16.
7. Zhukov Yu. N. *Stalin: tayny vlasti* [Stalin: secrets of power]. Moscow, VAGRIUS Publ., 2005. 720 p.
8. Zhuravlev V. V. *Politicheskiye partii Rossii. Konets XIX – nachalo XX vv. T. 3. Sotsialisticheskiye partii* [Political parties of Russia. Late XIX – early XX centuries. T. 3. Socialist parties]. Moscow, ROSSPEN, 2022. 902 p.
9. Zinoviev A. A. *Na puti k sverkhobshchestvu* [On the way to supersociety]. St. Petersburg, 2004. 608 p.
10. Kaziev S. Sh. [Policy of indigenization and problems of interethnic relations in Soviet Kazakhstan (1923–1936 years)]. In: *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost* [Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity], 2015, no. 2 pp. 29–32.
11. Kantarbaev A. T. [Contribution of Kazakhstan to the Great Patriotic War]. In: Serdyukov A. E., ed. *Bitvy i podklyucheniya, izmenivshiye khod Velikoy Otechestvennoy voyny* [Battles and battles that changed the course of the Great Patriotic War]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2014, pp. 106–115.
12. Cohen S. "A question of questions": Why did the Soviet Union disappear (Rus. ed.: Davidyan I., transl. «Voprosy voprosov»: *Pochemu ne stalo Sovetskogo Soyuza*. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2011. 215 p.).
13. Kumanev G. A. [On the mobilization of the economy of the Soviet state and its military restructuring in the first year of the Great Patriotic War (June 22, 1941 – June 1942)]. In: Petrov Yu. A., ed. *Rossiyskaya gosudarstvennost: opyt 1150-letney istorii* [Russian statehood: experience of 1150 years of history]. Moscow, In-t rossiyskoy istorii RAN Publ., 2013, pp. 433–457.
14. Lazareva L. N., Bespyatova E. B. [Theory and practice of the Soviet economy (assessment of contemporaries, the "Stalinist" stage)]. In: Marchenya P. P., Maslov D. V., Romanchenko V. Ya., Anfertyev I. A., et al. [Leafing through the pages of history... To the 100th anniversary of the formation of the USSR]. Saratov, TseSAin LLC Publ., 2023, pp. 92–106.
15. Martin T. *Empire of "positive activity". Nations and nationalism in the USSR. 1923–1939* (Rus. ed.: Shchelokov O. R., transl. *Imperiya «polozhitel'naya deyatel'nost»*). *Natsii i natsionalizm v SSSR. 1923–1939*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 662 p.)
16. Maslov D. V., Lazareva L. N., Sukhanova N. I. *Prichiny resheniya SSSR: voprosy metodologicheskikh issledovaniy* [Causes of the collapse of the USSR: issues of research methodology]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2022. 399 p.
17. Medushevsky A. N. [Perestroika and the causes of the collapse of the USSR from the perspective of analytical history]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2011, no. 6, pp. 3–6.
18. Popov M. E. [Sociocultural integration and identity conflicts: the experience of Sovietness]. In: Matishov G. G., ed. *Natsionalnaya politika i modernizatsiya sistemy upravleniya na yuge Rossii: istoricheskii opyt i sovremennyye vyzovy* [National policy and modernization of the management system in the south of Russia: historical experience and modern challenges]. Rostov n/D, Izd-vo YUNTS RAN Publ., 2012, pp. 255–261.
19. Potapov A. V. [Contribution of East Kazakhstan to the creation of the Country Defense Fund]. In: *Obshchestvennyye nauki. Tematicheskiy sbornik. Vyp. 5* [Social Sciences. Thematic collection. Vol. 5]. Alma-Ata, 1964, pp. 61–72.
20. Rakhimbekova A. K. [Colonization of Kazakhstan: methodological problems of historical interpretation]. In: Beril S. I., et al. *Politicheskaya falsifikatsiya istorii kak prep'yatstviye na puti demokraticheskoy reformy mezhdunarodnykh otnosheniy na postsovetском prostranstve* [Political falsification of history as a barrier to the democratic reform of international relations in the post-Soviet space]. Tiraspol, Litera Publ., 2009, pp. 44–46.

21. Danilevsky I. N., Zhuravlev V. V., Kamensky A. B., eds. *Reformy v Rossii ot drevneyshikh vremen do kontsa XX v.* [Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016. 320 p.
22. Smolensky N. I. *Istoriya i logika. Problemy obshcheistoricheskoy teorii i yestestvenno-istoricheskikh ponyatiy* [History and logic. Problems of general historical theory and the nature of historical concepts]. Moscow, Izd-vo MGOU Publ., 2013. 184 p. pp. 90-91.
23. Zhuravlev V. V., Lazareva L. N., eds. *Stalinskoye ekonomicheskoye nasledstvo: plany i razmyshleniya. 1947–1953 gg.* [Stalin's economic legacy: plans and discussions. 1947–1953]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. 647 p.
24. Tikhonov S. G. *Oboronnyye predpriyatiya SSSR i Rossii* [Defense enterprises of the USSR and Russia]. Moscow, 2010. 605 p.
25. Utkin A. I. *Vyzov Zapada i otvet Rossii* [The challenge of the West and Russia's response]. Moscow, Eksmo Publ., 2002. 608 p.
26. Favorsky V. V., Pogorelov K. Ya. *Energetika Kazakhstana* [Energy of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1935. 57 p.
27. Feldman M. A. [The "Mysterious" conference (XVIII All-Union Party Conference of the CPSU(b) in the focus of the external political factor and the industrial project)]. In: *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2021, no. 1, pp. 145–165.
28. TSK RKP(b) – VKP(b) i natsional'nyy vopros. Kn. 1. 1918–1933 gg. [Central Committee of the RCP (b) – CPSU (b) and the national question. Book 1. 1918–1933]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 784 p.
29. TSK VKP(b) i natsional'nyy vopros. Kn. 2. 1933–1945 gg. [Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the national question. Book 2. 1933–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 1095 p.
30. Shablei L. S. [The value of the past and the representation of historical knowledge in Central Asia and Kazakhstan]. In: Repina L. P., ed. *Istoricheskaya nauka segodnya: Teoriya, metody, perspektivy* [Historical science today: Theory, methods, prospects]. Moscow, Izd-vo LKI Publ., 2011, pp. 315–329.
31. Schweitzer P. *Pobeda* [Victory]. Mn.: JV "Avest", 1995. 608 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беспятова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук МИРЭА – Российского технологического университета;
e-mail: elena_besp@list.ru

Лазарева Любовь Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории;
e-mail: laz_dom@mail.ru

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук МИРЭА – Российского технологического университета, главный специалист Российского государственного архива литературы и искусства;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Суханова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Шашкова Ольга Александровна – кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива литературы и искусства;
e-mail: rgali@rgali.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena B. Bespyatova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University;
e-mail: elena_besp@list.ru

Lyubov N. Lazareva – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History of the State Unitary Enterprise, Federal State University of Education, Chief Specialist, The Russian State Archive of Socio-Political History;

e-mail: laz_dom@mail.ru

Dmitry V. Maslov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education, Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University, Chief Specialist, Russian State Archives of Literature and Art;

e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Natalia I. Sukhanova – Dr. Sci. (History), Prof., Department of History of Russia, Federal State University of Education;

e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Olga A. Shashkova – Cand. Sci. (History), Director, Russian State Archives of Literature and Art;

e-mail: rgali@rgali.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новые грани актуальных проблем новейшей истории (материалы круглого стола – презентации монографии «Листая страницы истории... к 100-летию образования СССР» в центре социально-политической истории, 14 февраля 2024 г.) / Е. Б. Беспятова, Л. Н. Лазарева, Д. В. Маслов, Н. И. Суханова, О. А. Шашкова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 58–77.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-58-77

FOR CITATION

Bespyatova E. B., Lazareva L. N., Maslov D. V., Sukhanova N. I., Shashkova O. A. New facets of topical problems of contemporary history (materials of the round table – presentations of the monograph "Leafing through the pages of history... to the 100th anniversary of the formation of the USSR" in the center of socio-political history, February 14, 2024). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 58–77.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-58-77

УДК 94 (571.6)

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-78-86

СУБЪЕКТЫ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Шелудько В. О.

Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел России,

Владивостокский филиал

690087, г. Владивосток, ул. Котельникова, д. 21, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать влияние среды функционирования в Дальневосточном регионе на особенности полицейской деятельности местных подразделений государственного аппарата Российской империи в конце XIX – начале XX вв.

Процедура и методы. На основе анализа архивных источников, нормативно-правовых актов Российской империи и научных исследований отечественных учёных-полицистов рассмотрена проблема охраны общественного порядка и борьбы с преступностью на Дальнем Востоке России, влияние региональных особенностей на функционирование полицейских и иные государственные органы, а также органы местного самоуправления и общественные формирования правоохранительной направленности.

Результаты. Сделан вывод о том, что к субъектам полицейской деятельности на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв. следует отнести не только полицейские органы, но и достаточно широкий круг иных органов государства и местного самоуправления, а также общественных формирований. Без их участия местная полиция вряд ли смогла бы справиться с большим количеством вызовов и угроз, имеющих разноплановый характер и несущих вред не только правам и законным интересам частных лиц, общественному порядку и общественной безопасности в регионе, но иногда и национальной безопасности России на Дальнем Востоке. Такая практика была вынужденным выходом из сложного положения, и хотя местные руководители понимали её ущербность, но обстоятельства не давали им другой возможности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлено теоретическое обоснование закономерности возникновения особенностей полицейской деятельности на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв., в частности, практики возложения полицейских обязанностей на иные государственные органы, органы местного самоуправления и общественные формирования правоохранительной направленности.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, МВД России, органы внутренних дел, Дальний Восток, полиция, полицейская деятельность, общественные формирования правоохранительной направленности

SUBJECTS OF POLICE ACTIVITY IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

V. Sheludko

*Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Vladivostok branch*

ul. Kotelnikova 21, Vladivostok 690087, Russian Federation

Abstract

Aim. To investigate the influence of the functioning environment in the Far Eastern region on the peculiarities of the police activity of local units of the state apparatus of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century.

Methodology. Based on the analysis of archival sources, normative legal acts of the Russian Empire and scientific research of domestic police scientists, the problem of protecting public order and combating crime in the Russian Far East, the influence of regional peculiarities on the functioning of police and other state bodies, as well as local self-government bodies and law enforcement-oriented public formations is considered.

Results. It is concluded that the subjects of police activity in the Russian Far East at the end of the 19th – beginning of the 20th century should include not only police agencies, but also a fairly wide range of other state bodies, local self-government bodies, public formations. Without their participation, the local police would hardly be able to cope with a large number of challenges and threats that have a diverse nature and harm not only the rights and legitimate interests of individuals, public order and public security in the region, but sometimes also the national security of Russia in the Far East. This practice was a forced way out of a difficult situation and, although the local leaders understood its inferiority, circumstances did not give them another option.

Research implications. The theoretical substantiation of the regularity of the emergence of the peculiarities of police activity in the Russian Far East in the late 19th – early 20th century, in particular, the practice of assigning police duties to other state bodies, local self-government bodies and public formations of law enforcement orientation, is presented.

Keywords: Pre-revolutionary Russia, The Ministry of Internal Affairs of Russia, Internal affairs bodies, Far East, Police, Police activity, Public formations of law enforcement orientation

Введение

Одной из проблем дореволюционной истории Дальнего Востока России является деятельность государственной администрации по обеспечению безопасности и охране общественного порядка в этом обширном и малонаселённом регионе, весьма отдалённом от центра, граничащим с активно развивающимися Японией и США, а также с беспокойным Китаем. Актуальным видится вопрос о том, как удавалось в таких сложных условиях удерживать ситуацию на местах в приемлемых рамках и даже создавать условия для освоения края, его заселения и развития. В этой связи необходимо разо-

браться в деятельности государственного аппарата, ключевой для нормального функционирования любого современного цивилизованного общества, т. е. в полицейской деятельности на местах.

В настоящее время большинство исследователей проблем правоохранительной деятельности согласны в том, что это деятельность по охране права в целом, при котором имеется в виду право в объективном смысле этого слова, т. е. система правовых норм конкретного государства. Иначе говоря, это деятельность по защите и поддержанию правопорядка в обществе. Она реализуется с помощью специальных органов, которые наделены

государством полномочиями по применению мер государственного принуждения, – правоохранительных органов.

Правоохранительные органы можно условно разделить на государственные и негосударственные. К государственным правоохранительным органам относятся суды, прокуратура, полиция и др. А к негосударственным правоохранительным органам (называемым также иногда квазигосударственными) следует отнести различные профессиональные, общественные объединения, частные организации, органы местного самоуправления (адвокатуру, нотариат, охранные и детективные организации, службы безопасности предприятий и учреждений, народные дружины, казачьи формирования и т. д.). Квазигосударственными (от латинского *quasi* – как бы, будто бы, похожий, подобный) их можно назвать потому, что они выполняют в принципе те функции (правоохранительные), которые по идее должны выполнять государственные органы, но по какой-либо причине (в силу нехватки сил у государства, в целях демократизации управления, экономии средств государственного бюджета, из-за слабой заинтересованности государства в регулировании конкретной стороны общественных отношений) эти функции передаются негосударственным организациям. Конечно, эти функции они должны осуществлять под контролем государства, в рамках закона, а не произвольно, ведь в этой ситуации государство и общество подвергается определённому риску, передавая (точнее, делегируя) часть своей монополии на насилие.

Особое место в правоохранительной системе занимают органы и подразделения, руководимые Министерством внутренних дел (МВД) [7]. Они включают в свой состав полицию (нем. *Polizei*, от греч. *politeia* – управление государством, администрация). Именно полиция является органом, который специализируется на борьбе с преступностью и охране общественного порядка, или говоря доре-

волюционным языком «охранении благочиния, добронравия и порядка», т. е. полицейской деятельности.

Полицейская деятельность и её субъекты на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв.

Дореволюционные учёные-полицисты (И. Е. Андреевский, А. Я. Антонович, К. С. Бельский, К. К. Гелинг, В. М. Гессен, В. Ф. Дерюжинский, А. И. Елистратов, В. В. Ивановский, П. Н. Шеймин и др.) выделяли отдельно такую отрасль права, как полицейское право и такой вид правоохранительной деятельности, как полицейская деятельность. В настоящее время со стороны отдельных исследователей этого вопроса (К. С. Бельский, И. И. Мушкет, С. Н. Сальников, Ю. П. Соловей, Ю. Н. Стариков и др.) также раздаются предложения выделить полицейское право из административного права и полицейскую деятельность из административной деятельности. Хотя такие предложения далеко небесспорны и подвергаются критике со стороны специалистов [6, с. 88].

Полиция реализует широкий спектр функций, но всё же центральным объектом полицейской деятельности является противодействие преступности и поддержание существующего в обществе порядка. Для решения этой задачи полиции даны большие полномочия по реализации монополии государства на насилие, иначе говоря, на применение мер государственного принуждения. Именно потому с самого начала подразделения полиции формировались как военизированные организации [6, с. 88]. Хотя наряду с этим на них возлагались и множество задач, иногда совсем не свойственных полиции и отвлекающих её от основной функции [6, с. 87–106].

Полицейские XIX в. пришли к выводу, что на ранних этапах развития государства полицейская деятельность носила исключительно частноправовой характер. Постепенно понятия о содержании

полицейской деятельности изменялись, она приобретала всё более публичный характер. Централизация государственной власти привела к «полному поглощению личных интересов государственными, вмешательству государства в народную жизнь и деятельность, что именовалось в то время полицейской деятельностью»¹.

В XVI–XIX вв. с момента создания полиции в Западной Европе (прежде всего, во Франции и Германии и поскольку полицейская деятельность ассоциировалась с публичным управлением) термин «полиция» понимался как «управление», причём как вся совокупность дел светского управления, т. е. полицейская функция не относилась к ведению специальных субъектов². В дальнейшем постепенно происходит разделение функций управления (полиция) и охраны права (суд) [3, с. 47]. По мере усиления абсолютной монархии в XVII в. дела управления постепенно изымались из ведения судов с передачей их полиции³. Для полицейской деятельности в феодальный период и в период раннего капитализма вообще характерны свободное усмотрение (дискреционные полномочия) и неподконтрольность суду [3, с. 49]. В XVIII в. полиция уже понимается в двух смыслах (значениях): в узком – как госаппарат по обеспечению общественной безопасности, а в широком – как вся система органов публичного управления. В это время функции публичного управления (т. е. полицейские) выполнялись только государством, что явилось основой для возникновения концепции «полицейского государства» [12, с. 45].

Однако в XIX в. в связи с ослаблением полицейских государств, началом перехода к концепции «правового государства», «изменилось значение и полицейской деятельности государства. Она разделилась между деятельностью общества и правительства» [12, с. 45]. В первой половине XIX в. термин «полиция» в России, как и в других европейских странах, эволюционирует, и под полицейской деятельностью начинают понимать уже не всю государственную деятельность в целом, а только то её направление, которое обеспечивает безопасность и порядок путём применения мер государственного принуждения⁴. Большинство полицейистов XIX в. полагали, что государство должно ограничивать свою полицейскую деятельность в тех сферах, где данная деятельность может осуществляться объединениями граждан и отдельными частными лицами [6, с. 92]. Но отдельные полицейисты считали ошибочной такую позицию, ибо осуществление полицейской деятельности государством необходимо в целях защиты общественного интереса⁵. Начало нового этапа развития внутреннего управления в XIX в. связано с тенденцией появления органов народного представительства, становлением парламентаризма, ограничения абсолютной монархии. Сужение сферы государственного внутреннего управления было опосредовано ростом уровня предпринимчивости и частной инициативы. Указанные процессы привели к появлению правовых государств, особенностью которых является реализация внутреннего управления органами общественного самоуправления наряду с государственными органами. Дифференцируются функции означенных субъектов и сферы их деятельности: «на правительственные органы управления в большинстве случаев возлагается та часть внутреннего управ-

¹ Антонович А. Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). Киев, 1890. С. 101.

² Антонович А. Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). Киев, 1890; Геллинг К. К. Опыт гражданской медицинской полиции, примененной к законам Российской империи. Вильна, 1842. 1184 с.; Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. Пг., 1917.

³ Гессен В. М. Лекции по полицейскому праву. СПб., 1907–1908. С. 20.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Антонович А. Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). Киев, 1890. С. 102.

ления, которая называется полицией и цель которой заключается в устранении препятствий развития личности путём борьбы с силами, враждебными этому развитию; здесь до сих пор наиболее видную роль играет полиция безопасности; на органы общественного управления, наоборот, возлагается содействие благосостоянию личности путём возмещения недостаточности индивидуальных сил»¹.

Министерству внутренних дел в вопросе правоохранительной деятельности Российского государства в исследуемый период отводилась важная роль, особенно в области охраны общественного порядка. Но наряду с этим МВД России обладало широким кругом административных и хозяйственных функций, что явно не способствовало его эффективности [12, с. 3]. В своей деятельности МВД руководствовалось законодательными актами в сфере «благочиния» и «благосостояния» [12]. Негативное влияние на эффективность правоохранительной деятельности МВД в целом оказали такие факторы, как: недостаточность личного состава по штату для обширных малонаселённых территорий; недофинансирование потребностей подразделений; низкий уровень взаимодействия разных подразделений; отчуждённость и даже враждебность, растущая между обществом и правоохранительными органами [12]. Подчас у современников «создавалось впечатление, что делом полиции было всё то, что требовало каких-либо исполнительных действий и принуждения, что компетенция её определялась не родом дела, а способом действий»², поскольку МВД лишь в малой степени осуществляло правоохранительную функцию. Только к началу XX в. МВД состоялось как орган центрального управления, имеющий ос-

новной функцией правоохранительную деятельность. Но вовлечение МВД в политическую борьбу с революционным и либерально-демократическим движениями стало одной из причин ослабления борьбы с общеуголовной преступностью в это время [12].

Представляется, что полицейские органы на Дальнем Востоке России прошли тот же путь, что и полиция России в целом, однако с определённой спецификой, вызванной особенностями среды функционирования (геополитическими, социально-экономическими, демографическими). В частности, заметно значительное отставание их развития от общероссийского образца, сохранение некоторых устаревших институтов, упрощённая структура, малочисленные штаты, форсированное развитие в конце XIX – начале XX вв. В этот период к основным направлениям (функциям) правоохранительной деятельности, осуществлявшимся на российском Дальнем Востоке, следует отнести: правосудие, прокурорский надзор, сыск, расследование преступлений, исполнение судебных решений, защиту по уголовным делам, административную (полицейскую) деятельность, обеспечение общественной безопасности и охрану общественного порядка, оказание юридической помощи населению.

Административная (полицейская) деятельность была основной для местных органов МВД России, к которым относились не только полицейские управления, но и широкий круг иных подразделений. С другой стороны, в ведении этих органов находились не только полицейские, но другие сферы деятельности. Дело в том, что полиция возникает на Дальнем Востоке только в конце XVIII в. До этого времени полицейские функции в регионе выполняли органы общего управления и военные формирования. На протяжении XVIII–XIX вв. неоднократно изменяются структура и организация местной полиции, уточняются её правовое положение,

¹ Старилов Ю. Н. Российское полицейское (административное) право: конец XIX – начало XX века: хрестоматия. Воронеж, 1999. С. 338–339.

² Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб.: Тип. Мин. вн. дел, 1913. С. 38.

компетенция и функции. При этом сохранение некоторой специфики не мешает постепенному сближению с общероссийским образом.

Окончательно система полицейских органов на Дальнем Востоке России сложилась в своих основных чертах лишь в начале XX в., когда были созданы такие современные на тот период подразделения, как адресные столы, органы тайного сыска – сыскные и розыскные отделения и др. Кроме окружной (уездной) и городской полиции, в регионе также появилась полиция политическая (жандармерия, охранные отделения) и ведомственная (портовая и горная [2]). В это же время предпринимаются попытки централизации местной полиции в рамках Приамурского генерал-губернаторства и Дальневосточного наместничества, что, однако, было чревато децентрализацией органов внутренних дел России в целом.

Тем не менее на подразделения МВД России на дальневосточной окраине, прежде всего, на полицейские отделения, по традиции возлагались многосложные обязанности в силу отсутствия либо слабости иных специализированных организаций. Так, несмотря на наличие горной полиции, бороться с хищениями в золотодобывающей промышленности и контрабандой золота приходилось и общей полиции региона [5].

Системный порок госаппарата в Приамурском генерал-губернаторстве прекрасно понимали местные руководители и даже регулярно предлагали свои проекты по улучшению ситуации, но большинство этих предложений не находили поддержки в центре по разным объективным причинам, в основном по финансовым соображениям [1]. Правда, иногда эти проекты носили спорный характер. Так, начиная с 1890-х гг. в качестве меры борьбы с наркопритонами и взяточничеством полиции неоднократно предлагалась легализация курение опиума, и даже делалась попытка реализации этой практики [10; 12]. Вместо этого российские власти

на пути непреклонной борьбы с наркопреступностью в 1915 г. приняли закон «О мерах борьбы с опиумокурением», действие которого распространялось на Приамурское генерал-губернаторство и который, по сути, являлся первым антинаркотическим законом в истории России [9, с. 44–47].

В таких сложных условиях полицейская деятельность на самой отдалённой окраине Российской империи не могла быть эффективной без систематического привлечения к ней организаций, не являющихся полицейскими. В этой связи любопытно предположение Ю. И. Руденко о том, что «система правоохранительных органов может и бездействовать (примеров этого чрезвычайно много), и, наоборот, органы, структуры, лица, формально никакого отношения к правоохранительной деятельности не имеющие, могут её фактически эпизодически и даже постоянно осуществлять» [11, с. 8–11].

На Дальнем Востоке чисто полицейские задачи нередко возлагались на иные органы государства, органы местного (особенно крестьянского и «иностранного») самоуправления и даже общественные формирования. Так, в помощь полиции регулярно привлекались подразделения вооружённых сил, как сухопутные войска, так и флотские команды, а также казачьи формирования. В частности, для несения патрульно-постовой службы, производства обысков, облав, ликвидации разбойничьих шайек, поимки беглых ссыльных, выполнения других обязанностей полицейской службы в распоряжение местных полицейских начальников направлялись воинские команды, либо они были задействованы в составе комплексных сил для проведения широкомасштабных полицейских операций. На Камчатке и Командорских островах вплоть до 1917 г. сохранялась команда городских казаков, несших обязанности полицейских чинов низшего разряда. На территории дальневосточных казачьих войск полицейские обязанности выпол-

няли чины казачьего самоуправления [14, с. 21–22].

Важное место в борьбе с преступностью и охране общественного порядка отводилось жандармерии, особенно была велика её роль на железнодорожном транспорте [4; 9]. На местных военачальников довольно часто возлагались функции гражданского управления в слабоосвоенных и беспокойных областях края. Вообще войска являлись основной опорой местной администрации, особенно в кризисных ситуациях, которых случалось немало. Также этому способствовало объединение в руках местной администрации функций гражданского и военного управления. Фактически в крае сложился военно-полицейский режим в силу необходимости оперативного реагирования на различные чрезвычайные обстоятельства.

Кроме того, в указанный период в дальневосточном регионе широкое распространение получила практика привлечения местного населения к исполнению полицейских обязанностей. Эта практика выражалась в привлечении на помощь полиции органов сословного самоуправления (крестьянских, казачьих, «иностранческих»), а также в создании в помощь полиции различных внештатных формирований, среди которых наиболее известны так называемая «китайская полиция»¹, «вольные дружины народной охраны»², «комитеты самозащиты и помощи»³. Причём при опоре на местных жителей властям часто приходилось за-

крывать глаза на отсутствие у них российского подданства. Главным правилом было – не допускать к полицейской деятельности подданных «враждебных держав»⁴.

Заключение

Таким образом, к субъектам полицейской деятельности на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв. следует отнести не только полицейские органы, но и достаточно широкий круг иных органов государства и местного самоуправления, общественных формирований. Без их участия местная полиция вряд ли смогла бы справиться с большим количеством вызовов и угроз, имеющих разноплановый характер и несущих вред не только правам и законным интересам частных лиц, общественному порядку и общественной безопасности в регионе, но иногда и национальной безопасности России на Дальнем Востоке.

Практическое значение данного исследования заключается в том, что изученный исторический опыт может быть применён в современных условиях с учётом организации правоохранительной деятельности в Российской Федерации. Работа также даёт понимание специфики полицейской деятельности на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв. и может способствовать дальнейшим научным исследованиям в означенной области.

Дата поступления в редакцию 06.07.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранникова А. О. Взгляды представителей региональной власти на обеспечение национальных интересов России на Дальнем Востоке: вторая половина XIX – первая четверть XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2018. 207 с.
2. Белозерцев С. М. Организация и деятельность горной полиции Восточной Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2021. 236 с.

¹ РГИА ДВ. Ф.702. Оп.4. Д.534. Л.74.

² РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.433. Л.30, 35–37 об., 81; Восточный Вестник. Владивосток, 1904. 20 марта. № 74. С.2.

³ Систематический сборник постановлений Владивостокской городской думы за 1901–1912 гг. Владивосток, 1913. № 2380. С.666–667, 669–670, 672, 674.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д.433. Л.47, 89–97 об.

3. Зырянов С. М. Административный надзор полиции и полицейский надзор: соотношение правовых категорий // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 46–54.
4. Лаврёнова А. М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 303 с.
5. Маруев В. А. История золотодобывающей промышленности в Забайкалье в XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2018. 223 с.
6. Матвеев С. П. Понятие и генезис полицейской деятельности: теоретико-правовой анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 87–106.
7. Матвеев С. П. Эволюция полицейской деятельности: теоретико-правовой анализ // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. №1. С. 99–113.
8. Милешина Н. А., Потапова Л. А., Кильмашкина Т. С. Отечественный опыт борьбы с наркопреступностью: от Древней Руси до имперской России // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 44–47.
9. Никонов К. О. Деятельность железнодорожной жандармерии на Дальнем Востоке Российской империи: 1893–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2022. 238 с.
10. Позняк Т. З. Опыт легализации опиокурения во Владивостоке в начале X в. // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 6–9.
11. Руденко Ю. И. К вопросу о теории правоохранительной деятельности // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 8–12.
12. Рытченко А. В. Механизм правового регулирования правоохранительной деятельности МВД России в конце XIX – начале XX века: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 167 с.
13. Токмаков В. С. История повседневной жизни казачества в период колонизации юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2020. 251 с.

REFERENCES

1. Barannikova A. O. *Vzglyady predstaviteley regionalnoy vlasti na obespecheniye natsional'nykh interesov Rossii na Dalnem Vostoke: vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX vv.): dis. ... kand. ist. nauk* [Views of representatives of regional authorities on ensuring the national interests of Russia in the Far East: the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries.): Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Vladivostok, 2018. 207 p.
2. Belozertsev S. M. *Organizatsiya i deyatelnost gornoy politsii Vostochnoy Sibiri i Dalnego Vostoka v kontse XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Organization and activity of the mining police of Eastern Siberia and the Far East in the late 19th – early 20th century: Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Cheboksary, 2021. 236 p.
3. Zyryanov S. M. [Administrative supervision of the police and police supervision: correlation of legal categories]. In: *Zhurnal Rossiyskikh prav* [Journal of Russian Law], 2012, no. 2, pp. 46–54
4. Lavrenova A. M. *Otdelnyy korpus zhandarmov i Rossiyskogo obshchestva v 1880–1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [A separate corps of gendarmes and the Russian society in 1880–1917: Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2018. 303 c.
5. Maruyev V. A. *Istoriya zolotodobyvayushchey promyshlennosti v Zabaykalye v XIX – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [History of the gold mining industry in Transbaikalia in the 19th – early 20th century: Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Irkutsk, 2018. 223 p.
6. Matveev S. P. [The concept and genesis of police activity: theoretical and legal analysis]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law], 2015, no. 2, pp. 87–106.
7. Matveev S. P. Evolution of police activity: theoretical and legal analysis]. In: *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Law and order: history, theory, practice], 2015, no. 1, pp. 99–113.
8. Milesheina N. A., Potapova L. A., Kilmyashkina T. S. [Domestic experience in struggle against drug-related crimes: from Ancient Rus to Imperial Russia]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2019, vol. 12, iss. 1, pp. 44–47.
9. Nikonov K. O. *Deyatelnost zheleznodorozhnoy zhandarmerii na Dalnem Vostoke Rossiyskoy imperii: 1893–1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Activity of the railway gendarmerie in the Far East of the Russian Empire: 1893–1917: Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Khabarovsk, 2022. 238 p.

10. Poznyak T. Z. [Experience of legalization of opiumsmoking in Vladivostok at the beginning of the 20th century]. In: *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], 2021, no. 1, pp. 6–9.
11. Rudenko Yu. I. [On the theory of law enforcement]. In: *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice], 2010, no. 7, pp. 8–12.
12. Rytchenko A. V. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya reguliruyushchey deyatel'nosti MVD Rossii v kontse XIX – nachale XX veka: istoriko-pravovoy aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk* [The mechanism of legal regulation of law enforcement activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the late 19th – early 20th century: Historical and legal aspect: Cand. Sci. thesis in Law Sciences]. St. Petersburg, 2001. 167 p.
13. Tokmakov V. S. *Istoriya povsednevnoy zhizni kazachestva v period kolonizatsii yuga Dalnego Vostoka Rossii vo vtorom polutora XIX – nachale XX vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The history of everyday life of the Cossacks during the colonization of the South of the Russian Far East in the second half of the XIX – early XX centuries: abstract of Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Blagoveshchensk, 2020. 251 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шелудько Виталий Олегович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России;

e-mail: mr.sheludko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly O. Sheludko – Cand. Sci. (Law), Department of General Legal Disciplines, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok Branch;

e-mail: mr.sheludko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шелудько В. О. Субъекты полицейской деятельности на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 78–86.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-78-86

FOR CITATION

Sheludko V. O. Subjects of police activity in the Russian Far East in the late 19th – early 20th century. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 78–86.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-78-86

УДК 329.15

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-87-95

ТРОЦКИЗМ И СТАЛИНИЗМ В ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЛЕВЫХ

Шефер А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119192, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать программы современных российских левых партий и движений на предмет их приверженности идейным концептам И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого.

Процедура и методы. В работе проанализированы политические воззрения Сталина и Троцкого, а также тенденция их развития в современной политике. На основе идей сталинизма/троцкизма проведён сравнительный анализ политических программ современных крупнейших российских коммунистических и социалистических партий на предмет их политического позиционирования в рамках левой парадигмы, а также сделано сопоставление с современной политической реальностью.

Результаты. Анализ политической повестки программ показал, что партии, отождествляющие себя со Сталиным, придерживаются государственнической, патриотической позиции, в то время как приверженцы троцкизма в большинстве своём занимают позиции глобализма и гошизма (от фр. *gauchisme* – левачество). В целом концепции сталинизма и троцкизма давно вышли за пределы трактовок марксизма и стали отождествляться с национальным суверенитетом и независимостью (в случае со сталинизмом) и с ультраглобализмом (в случае с троцкизмом).

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого анализа могут быть использованы для изучения и осмысления генезиса левого движения в современной России. Представленные материалы целесообразно использовать в преподавательской деятельности по ряду политологических дисциплин.

Ключевые слова: Сталин, Троцкий, политические движения, политические партии, сталинизм, троцкизм

TROTSKYISM AND STALINISM IN THE IDEOLOGY OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN LEFT-WINGERS

A. Shefer

Lomonosov Moscow State University
Leninsky Gory 1, Moscow 119192, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the programmers of contemporary Russian left-wing parties and movements in terms of their attachment to the ideological concepts of Stalin and Trotsky.

Methodology. The paper analyses the political views of Stalin and Trotsky, as well as the trend of their development in contemporary politics. Based on the ideas of Stalinism/Trotskyism, a comparative analysis of the political programmers of today's major Russian communist and socialist parties has been carried out in terms of their political positioning within the leftist paradigm, and comparison with contemporary political reality has been made.

Results. The analysis of the political programs revealed that the parties which associate themselves with Stalin adhere to a state-oriented, patriotic position, while the adherents of Trotskyism for the most part take the positions of globalism and Gauchism (from French gauchisme – leftism). In general, both concepts have gone beyond the interpretations of Marxism and have become identified with national sovereignty and independence (in the case of Stalinism) and with ultraglobalism (in the case of Trotskyism).

Research implications. The results of this analysis can be used to study and comprehend the genesis of the leftist movement in contemporary Russia. It is advisable to use the materials presented for the teaching of political science disciplines.

Keywords: Stalin, Trotsky, political movements, political parties, Stalinism, Trotskyism

Введение

Формально термин «троцкизм» был введён в научный оборот лидером Конституционно-демократической партии П. Милюковым ещё в 1907 г. в сборнике «Как прошли выборы во 2-ю Государственную думу»¹. Однако более широко понятие вошло в общественно-политический дискурс Советской России спустя почти 20 лет: вследствие нарастания политической борьбы внутри ВКП (б) произошёл раскол: сначала в 1924 г. большинство Политбюро во главе со И. В. Сталиным, Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым выступают против Л. Д. Троцкого и его сторонников из-за амбиций последнего на лидерство в руководстве партии и страны [2, с. 48]. Но, в первую очередь, камнем преткновения между председателем Реввоенсовета и Политбюро являлось расхождение во взглядах на программу дальнейшего развития – Троцкий настаивал на экспансии социалистической революции в мире, в то время как Каменев, Зиновьев, Сталин, Молотов, Рыков и Бухарин отвергали эту идею из-за экономической нестабильности внутри страны [7, с. 35].

В дальнейшем расстановки сил резко менялись, и уже в 1925 г. на XIV съезде ВКП (б) Зиновьев с Каменевым выступили на стороне Троцкого в оппозиции Сталину².

В данной статье не будет акцентироваться внимание на особенностях и хронологии борьбы внутри ВКП (б), поскольку это не входит в цели исследования. Можно лишь сказать обобщённо, что в результате противоборства всех фракций правящей элиты победителем в конце 1920-х гг. вышел И. Сталин, и к началу 1930-х гг. в СССР сложилась политическая система, которая с подачи корреспондента американской газеты «The New York Times» У. Дюранти была названа «сталинизмом» [10, с. 261]. Ярым критиком сталинской системы на тот момент оставался только Л. Д. Троцкий, находясь уже в изгнании за границей. Антагонизм этих двух политических деятелей стал водоразделом для всего коммунистического движения, и противоречия данного раскола не изжиты по сей день.

Сталинизм vs троцкизм: основные идейные противоречия

Так в чём же заключается различие между политико-мировоззренческими концепциями И. Сталина и Л. Троцкого? Начать стоит с того, что оба течения признают себя последователями В. И. Ленина и, соответственно, суть их концепты – логическое продолжение доктрины Маркса-Энгельса-Ленина. При этом как сторонники троцкизма предпочитали называть себя «большевики-ленинцы», «левая оппозиция», так и Сталин резко

¹ Как прошли выборы во 2-ю Государственную Думу / сост. А. В. Смирнов. СПб., 1907. С. 91–92;

² XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): стенографический отчет [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/doc34085415>

8_658191503?hash=64DCRp4xYLCmHXUPMBwlbPLikudj5IxP4O2FBhDUw6H&dl=vZXiINH8ZH1xhliOzeP6ZmKtHMD3LZZIOQAk3xyMfHz (дата обращения: 11.06.2023).

отвергал идею об обособлении своей идеологии от учения Ленина.

Однако на этом сходства заканчиваются и начинаются расхождения. Многих большевиков, включая Сталина, опыт гражданской войны, иностранной интервенции и поражения революционной борьбы на Западе привели к выводу о необходимости сменить парадигму мировой революции на построение социализма в одной отдельно взятой стране, а также на проведение форсированной модернизации советской экономики. Коммунистическая партия была объявлена авангардом рабочего класса, которая ведёт советское общество к победе и разоблачает её врагов [3, с. 27]. Именно этот шаг Сталина Троцкий расценил как предательство дела Великого Октября, окрестив начинания сталинцев «Советским Термидором» по аналогии с контрреволюцией во Франции, закончившейся свержением якобинцев. По этому поводу главный оппозиционер Сталина писал, что для советской системы управления 1930-х гг. характерны тенденции перерождения в бюрократическую систему, которая в окружении буржуазных государств, неизбежно вырождается в буржуазный класс из-за нарастания противоречий¹.

В противовес сталинскому Коминтерну изгнанный революционер создал в 1938 г. Четвёртый интернационал и описал программу действий «нового авангарда пролетариата» в работе «Агония капитализма и задачи Четвёртого интернационала», которая стала основополагающим документом многих последователей троцкизма и сегодня. Всю программу Троцкого отличает непримиримый радикализм по отношению к капиталу и классовому господству – в этом и заключается его основная идея «перманентной революции»², в постоянной экспансии ре-

волюционного движения на другие страны. Согласно Троцкому, революционную борьбу необходимо вести до полного уничтожения всех классовых различий.

Справедливости ради стоит сказать, что Сталин не отказывался от идеи мировой социалистической революции, ему лишь была необходима передышка для проведения масштабной индустриализации и подготовки к новой мировой войне [8, с. 151–152]. После войны и победы над фашизмом коммунистическая идеология стала очень популярной, что способствовало её распространению во многих странах мира, в первую очередь, в Восточной Европе и Китае [8, с. 160].

Что касается Троцкого, то у него начались серьёзные разногласия с некоторыми соратниками в организации по вопросу природы СССР, из-за чего произошёл раскол Четвёртого интернационала. Ликвидация Троцкого советской разведкой и Вторая мировая война ещё сильнее подорвали целостность организации. После войны центробежные процессы внутри Четвёртого интернационала продолжились во многом по причине политической несостоятельности троцкистов – практически ни один из пунктов переходной программы не был реализован. И на сегодняшний день в мире существует 5 троцкистских крупных организаций:

1. Воссоединённый Четвёртый интернационал;
2. Международная социалистическая тенденция;
3. Комитет за рабочий интернационал;
4. Международная марксистская тенденция;
5. Международный комитет Четвёртого интернационала.

Идеи Троцкого сегодня довольно популярны в Европе. Так, на должности премьер-министра Франции с 1997 по 2002 гг. находился выходец из неотре-

нет-архив. Русский раздел: [сайт]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1938/agonia.htm#F1> (дата обращения: 11.06.2023).

¹ Троцкий Л. Д. Перманентная революция. М., 2005. С. 230;

² Троцкий Л. Д. Агония капитализма и задачи Четвёртого Интернационала // Марксистский интер-

кистской организации Л. Жоспен [1, с. 67]. Помимо этого троцкизм активно повлиял на новых левых, на антиглобалистское движение типа «Occupy Wall Street» и т. д. [1, с. 70].

Что же касается сталинизма, то его идеи оказали сильное влияние на мировоззрение таких коммунистических деятелей, как Мао Цзедун в Китае и Э. Ходжа в Албании и на развитие маоизма и ходжаизма соответственно. В самом же СССР после смерти Сталина и доклада Н. С. Хрущёва «О культе личности» на XX съезде ЦК КПСС от идей вождя народов в Советском Союзе фактически отреклись. В компартиях многих других стран мира начались массовые процессы расколов партий, исключение отдельных сталинистов или целых групп из партийного состава. На сегодняшний день говорить о сталинизме как о серьёзном политическом движении в мире нельзя. Конечно, существуют отдельные сталинистские политические партии и организации во многих странах мира, но они довольно маргинальны, если судить по численности их сторонников.

Сталинизм и троцкизм в современной России

Как сталинистское, так и троцкистское движения в постсоветской России начались в конце «перестройки»: исход сталинистов произошёл фактически «сверху» – в процессе распада КПСС и его запрета, а троцкисты, в свою очередь, пошли «снизу», или, точнее, из кругов интеллигенции и диссидентов, поддержанных международными троцкистскими организациями.

Оформителем неосталинизма принято считать советскую учительницу и политическую активистку Н. Андрееву, автора знаменитой газетной статьи «Не могу поступаться принципами»¹ 1988 г.,

фактически ставшей антиперестроечным манифестом. После этой публикации Андреева собрала вокруг себя сторонников ортодоксального сталинизма, и в 1989 г. были созданы Большевицкая платформа в КПСС и общество «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы». После распада СССР в 1991 г. именно эти две фракции станут организационной базой для создания Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКПБ) [5, с. 172].

В первые годы своего существования партия сотрудничала с другими левыми организациями, но впоследствии она обособилась от политического процесса в России и взаимодействовала лишь с немногочисленными союзными партиями КНДР, Кубы и др. Помимо этого ВКПБ за время своего существования пережила несколько расколов: первый раскол произошёл в 1994 г., когда секретарь партии А. Лапин потребовал у Н. Андреевой проведение II съезда и программной корректировки с учётом новых реалий. В итоге Лапин и его сторонники были исключены из партии и вскоре учредили альтернативную ВКПБ². После смерти Н. Андреевой в 2020 г. произошёл очередной раскол, связанный с несогласием некоторых членов партии с кандидатурой нового генерального секретаря Н. Дегтяренко, которого Андреева поддерживала в своём предсмертном завещании³. В результате образовалась ещё одна ВКПБ «группы товарищей», обвиняющих Дегтяренко в фабрикации предсмертного письма Андреевой⁴.

¹ Андреева Н. Не могу поступаться принципами // Библиотека газеты «Революция»: [сайт]. URL: <http://www.revolucia.ru/nmppr.htm> (дата обращения: 13.06.2023);

² Дьяченко В. И. Коммунистическое движение в современной России // Инициативная группа по формированию движения «За Коммунистическое развитие в XXI веке»: [сайт]. URL: <http://communism21.org/kommunisticheskoe-dvizhenie-v-sovremennoj-rossii#ch1.2> (дата обращения: 13.06.2023).

³ Информационное сообщение о чрезвычайном пленуме ЦК ВКПБ 15 августа 2020 г. // Серп и молот: [сайт]. URL: <http://www.vkpb-skb.ru/images/11052019/09-2020-site.pdf> (дата обращения: 13.06.2023).

⁴ Обращение секретариата ЦК ВКПБ к членам и кандидатам в члены ЦК ВКПБ и ко всем членам

В результате всех расхождений образовались 3 партии с одинаковым названием и схожей программой. Идеологический дискурс ВКПБ можно охарактеризовать как ортодоксальный марксизм – партия постулирует установление в России диктатуры пролетариата, ликвидацию частной собственности на средства производства, возрождение СССР и построение коммунизма¹.

Из радикальных коммунистических партий стоит также выделить Российскую коммунистическую рабочую партию (РКРП), которая была создана практически одновременно с ВКПБ в ноябре 1991 г. Но в отличие от последней РКРП активно участвовала в политическом процессе, например, её члены выдвигались на выборах в Государственную Думу 1995 и 1999 гг. в составе блоков «Коммунисты – Трудовая Россия – за Советский Союз» и «Коммунисты, трудящиеся России – за Советский Союз» [5, с. 174]. РКРП вместе с общественно-политическим движением «Трудовая Россия» были авангардом многих социальных протестов начала 1990-х гг., таких, как протесты на Манежной площади против либеральных реформ Б. Ельцина 1992 г.², Первомайской демонстрация 1993 г.³, защиты Дома Верховного Совета.

В начале 2000-х гг. протестный потенциал населения пошёл на спад, и РКРП объединились с Революционной партией коммунистов (РПК) и в результате образовалась новая партия «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов» (РКРП-РПК). К 2007 г. она была лишена статуса

партии и стала общественной организацией. В отличие от той же ВКПБ РКРП-РПК нельзя назвать ортодоксально сталинистской. Ими даже была подвергнута критике сталинская конституция 1936 г. за замену производственного принципа формирования Советов территориальным. Но в целом отношение к Сталину у партии положительное⁴.

Примечательно, что крупнейшая левая российская партия, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) тоже часто эксплуатирует образ Сталина, при том, что она не является коммунистической в марксистской трактовке понятия. В программе КПРФ признаёт частную собственность на средства производства, а также отвергает радикальные революционные методы прихода к власти⁵. Помимо этого, КПРФ нередко сотрудничает с партиями и движениями правого толка, такими, как Российский общенародный союз (РОС), Русский национальный собор (РНС), Народно-патриотические силы России (НПСР), а также с Русской православной церковью [4, с. 84–85]. Очевидно, что такой имидж компартии РФ не соотносится с догмами коммунистов 1920–1940-х гг. Но всё же, несмотря на трансформацию повестки, лидер партии Г. А. Зюганов и его коллеги часто приводят сталинскую эпоху в качестве примера эффективной государственной политики в экономической, научной, военной и других общественных сферах⁶.

Умеренная политика КПРФ не устраивала многих партийных активистов, поэтому некоторые члены начали выходить из партии и создавать альтернативу парламентской компартии. Яркий пример

партии «Об антипартийной раскольнической деятельности Секретаря ЦК ВКПБ Н. А. Дегтяренко» // Серп и Молот. 2020. № 9. С. 3–4.

¹ Программа Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКПБ) [Электронный ресурс]. URL: <https://vkpb-andreeva.ru/com-akeeba/programma-vkpb.html#p7> (дата обращения: 13.06.2023).

² Лимонов Э. В. Моя политическая биография. СПб., 2002. С. 123.

³ Столкновения майского масштаба // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2181860> (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ Программа РКРП-КПСС. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://rkrp-rpk.ru/программа-ркрп-кпсс/> (дата обращения: 15.06.2023).

⁵ Программа КПРФ [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 15.06.2023).

⁶ Зюганов Г. А. Эпоха Сталина: цифры, факты, выводы // PolitPros: [сайт]. URL: <https://www.politpros.com/library/9/224/#5> (дата обращения: 15.06.2023).

такого демарша – коммунистическая партия «Коммунисты России», образованная в 2011 г. Новая партия сочетает в себе радикальную сталинистскую риторику с мирными методами ведения политической борьбы. На радикальный сталинизм «Коммунистов России» указывает само название их программы «Десять сталинских ударов по капитализму»¹, с которой партия выдвигалась на думские выборы 2016 г. и на выборы президента России 2018 г.

Объединённая коммунистическая партия (ОКП) – ещё один пример отделения части активистов от КППРФ. Несогласные с монополизацией власти в ЦК Зюгановым в 2014 г. образовали отдельную партию. Партию нельзя назвать чисто сталинистской по повестке – партия выступает за демократические методы управления и отвергает авторитаризм². При этом так же, как и у КППРФ признаются заслуги сталинской индустриализации 1930-х гг. ОКП, в частности через партийную активистку Д. Митину, осуществляет попытки налаживать сотрудничество со сталинистскими и троцкистскими партиями, что последние, кстати, резко критикуют³.

Как уже было сказано, троцкистское движение появилось в постсоветской России преимущественно за счёт поддержки международных троцкистских организаций: Воссоединённого Четвёртого интернационала, Комитета за ра-

бочий интернационал (КРИ) (с 2020 г. – «Международная социалистическая альтернатива») и Комитета за марксистский интернационал (с 2006 г. – «Международная марксистская тенденция») [5, с. 171]. Под влиянием КРИ в 1990 г. в СССР был создан Комитет за рабочую демократию и международный социализм (КРДиМС). В результате нескольких расколов внутри КРДиМС было образовано несколько партий: «Социалистическое сопротивление» (1998), Революционная рабочая партия (РРП, 1999) и Социалистическое движение «Вперёд» (2005). Все эти организации разрывали отношения с Комитетом за рабочий интернационал и присоединялись к другим союзам: так РРП стала российской секцией Комитета за марксистский интернационал, а «Впередовцы» присоединились к Воссоединённому Четвёртому интернационалу.

В 2011 г. «Социалистическое сопротивление» и Социалистическое движение «Вперёд» создали Российское социалистическое движение (РСД). Помимо этого в России действует движение «Социалистическая альтернатива», которая входит в состав «Международной социалистической альтернативы» и множество других мелких организаций, входящих в «Международную марксистскую тенденцию». Из всех этих партий наиболее догматичной является Революционная рабочая партия, которая прописывает в своей программе свержение буржуазного класса, установление в России диктатуры пролетариата и построение коммунистического общества⁴. При этом в программе партии отсутствуют тезисы Троцкого о бюрократии и «деформированном рабочем государстве».

«Социалистическая альтернатива» в программе тоже выступает за борьбу с капитализмом, но при этом понятие «коммунизм» в тексте отсутствует, а

¹ Десять сталинских ударов по капитализму и американскому империализму [Электронный ресурс]. URL: https://komros.info/literature/desyat-stalinskikh-udarov/desyat-stalinskikh-udarov_8380.html (дата обращения: 15.06.2023).

² Программа Объединённой Коммунистической партии [Электронный ресурс]. URL: <http://ucp.su/category/materialy-sezdov/5-programma-obedinennoj-kommunisticheskoy-partii-okp/> (дата обращения: 17.06.2023).

³ Вэн Оукен Б. «История никогда и никого ничему не учит». Российский неосталинист защищает аргентинскую Рабочую партию в деле «восстановления» Четвёртого Интернационала // World Socialist Web Site. [сайт]. URL: <https://www.wsws.org/ru/articles/2018/09/29/gafu-s29.html> (дата обращения: 17.06.2023).

⁴ Программа РРП [Электронный ресурс]. URL: <http://rwp.ru/%d1%80%d1%80%d0%bf/%d0%bf%d1%80%d0%be%d0%b3%d1%80%d0%b0%d0%bc%d0%bc%d0%b0/> (дата обращения: 17.06.2023).

вместо него провозглашается идея «подлинной рабочей демократии» [5, с. 172]. Идеологическую повестку партии можно отнести, скорее, к новым левым, чем к традиционному марксизму — «альтернативщики», помимо интересов рабочих, отстаивают также интересы национальных и сексуальных меньшинств, феминисток, выступают в защиту экологии.

Аналогичную повестку можно увидеть и в программе Российского социалистического движения, в программе которого также отсутствуют категории «коммунизм» и «диктатура пролетариата», и они заменяются на социализм, понимаемый как «самоуправляемое общество равных», где нет классовых и национальных границ, расовой и гендерной дискриминации¹. Путь к этому члены РСД видят в усилении демократических институтов, развитии всех форм собственности и умеренном планировании в экономике.

Заключение

Проанализировав программы партий-приверженцев сталинизма и троцкизма, можно сделать следующие выводы: полемика И. Сталина и Л. Троцкого в рамках марксистской теории давно вышли за пределы последней и стали обозначать политико-ценностную позицию. Сталинский проект ассоциировался в середине прошлого века с построением крупного социалистического государства, победой в войне с фашизмом и с лидерством в мировом коммунистическом движении. В XXI столетии сталинизм интерпретируется как подлинное выражение русской национальной идеи, выражающейся в величии государства и социальной справедливости, т. е. адекватное отражение имманентно присущего народу России

представления о справедливости и гордости за принадлежность к стране, возносящей эту справедливость на пьедестал [9, с. 222].

В свою очередь идеи Троцкого сильно повлияли на евролевых, социалистов Латинской Америки и др. В наши дни последователи троцкизма пришли к идее поддержки различных расовых, гендерных и прочих меньшинств. Большинство троцкистских организаций склоны к революционному, бунтарскому романтизму. Это обосновывается тем фактом, что зачастую троцкистские партии и движения являются активными участниками оранжевых протестов во многих странах мира, начиная с «Красного мая» 1968 г. во Франции [6, с. 78] и заканчивая Евромайdanом 2014 г. на Украине. Наивно будет полагать, что участие троцкистов в протестном движении не используется бенефициарами оранжевых революций в своих интересах. Вследствие этого, а также негативного отношения общества к фигуре Л. Д. Троцкого в целом не позволяют леваческому движению набирать популярность в России.

Таким образом, сталинизм и троцкизм фактически поделили современное российское левое движение на 2 антагонистических полюса – государственническое и глобалистское. Конечно, осуществляются попытки помирить сталинистов и троцкистов со стороны той же ОКП, но пока что эти попытки тщетны, поскольку полярность «сталинизм/троцкизм» стала ценностным индикатором. И общество, у которого популярность И. В. Сталина остаётся на высоком уровне², вряд ли захочет менять отношение к данной личности в ближайшей перспективе.

Дата поступления в редакцию 07.07.2023

¹ Программа РСД [Электронный ресурс]. URL: <https://anticapitalist.ru/programm/> (дата обращения: 20.06.2023).

² Багдасарян В.Э. Сталин в соцопросах // Завтра.ру: [сайт]. URL: https://zavtra.ru/blogs/stalin_vs_sotcoprosah (дата обращения: 21.06.2023).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вершинин А. Французские ультралевые на рубеже веков // Современная Европа. 2016. № 3. С. 66–78.
2. Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929 гг. М.: Центрполиграф, 2006. 495 с.
3. Носаненко Г. Ю. К вопросу об истоках сталинизма // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 1. С. 26–28.
4. Работяжев Н. В. Феномен “право-левой” коалиции в России: фронт национального спасения // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 80–92.
5. Сергеев С. А., Кузнецова А. В. Осколки разбитого вдребезги: неотроцкисты и неосталинисты в современной России // ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18. № 2. С. 169–182.
6. Филиппов А. А. Левые радикалы во Франции: зарождение, развитие, перспективы // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 4. С. 76–79.
7. Хессе К. Сталинский социализм. Практическое исследование / пер. с нем. А. Ли. М.: Алгоритм, 2020. 288 с.
8. Худoley К. К. Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (эпоха Коминтерна и социализма в одной стране) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 2. С. 145–165.
9. Чемшит А. А. Россия перед историческим вызовом: десталинизация или ресталинизация // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 217–226.
10. Юзефович Н. Г., Игнатъева И. Г. “Кремль и народ” Дюранти в контексте двух эпох // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 260–267.

REFERENCES

1. Vershinin A. [French far leftists at the turn of the century]. In: *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2016, no. 3. С. 66–78.
2. Deutscher I. *Trotsky. The Unarmed Prophet. 1921–1929*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006. 495 с.
3. Nosenko G. Yu. [To the Question of the Origins of Stalinism]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration], 2020, vol. 9, no. 1, pp. 26–28.
4. Rabotyazhev N. V. [Phenomenon of “Right-Left” Coalition in Russia: National Salvation Front]. In: *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2004, no. 4, pp. 80–92.
5. Sergeev S. A., Kuznetsova A. V. [Fragments of shattered world: neo-Stalinists and Neo-Trotskyists in modern Russia]. In: *POLITEKS* [POLITEX], 2022, vol. 18, no. 2, pp. 169–182.
6. Filippov A. A. [French extreme left: incipience, evolution, perspectives]. In: *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel State University], 2016, no. 4, pp. 76–79.
7. Hesse K. *Stalins Sozialismus. Praktische Forschung* (Rus. ed.: Li A., transl. *Stalinskiy sotsializm. Prakticheskoye issledovaniye*). Moscow, Algorithm Publ., 2020. 288 p.)
8. Khudoley K. K. [The Evolution of the Idea of World Revolution in Soviet Politics (The Epoch of the Comintern and Socialism in One Country)]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Politika. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Vestnik of SPbSU. Political Science. International Relations], 2017, vol. 10, iss. 2, pp. 145–165.
9. Chemshit A. A. [Russia is facing a historic choice: restalinization or destalinization]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies], 2017, vol. 22, pp. 217–226.
10. Iuzefovich N. G., Ignat'eva I. G. "The Kremlin and the People" through the Lens of Two Epochs. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2015, no. 3, pp. 260–267.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Александрович Шефер – аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: alex@shefer-97.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Schaefer – Postgraduate Student, Faculty of Political Science, Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: alex@shefer-97.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шефер А. А. Троцкизм и сталинизм в идеологии современных российских левых // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 87–95.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-87-95

FOR CITATION

Shefer A. A. Trotskyism and Stalinism in the ideology of the contemporary Russian left-wingers. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 87–95.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-87-95

УДК 27, 93, 94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-96-122

ХРОНОЛОГИЯ ОТКРЫТИЯ И ОСВОЕНИЯ ФЛОРИДЫ В XVI ВЕКЕ. ЧАСТЬ 5. НАЧАЛО ФРАНЦУЗСКИХ ПРИТЯЗАНИЙ НА НОВЫЙ СВЕТ И ПРОДОЛЖЕНИЕ ОСВОЕНИЯ ФЛОРИДЫ 1523–1525

Ашрафьян К. Э.

Независимый исследователь,

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Статья является продолжением публикации полной хронологии открытия и освоения Испанской Флориды в XVI в. В данной части представлен период 1523–1525 гг.

Процедура и методы. В статье используются архивные документы, карты и материалы научных исследований, доступные на 2022 г. Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и системности: принцип объективности был необходим, чтобы избежать субъективизма французских и испанских авторов, абсолютно по-разному освещающих факты и события; принцип историзма использован для понимания разницы во взглядах между настоящим и прошлым принятием образа жизни, а системный подход позволил объединить разрозненные события в Старом и Новом Свете в логическую взаимосвязь.

Результаты. Изучены связанные события в истории Старого и Нового Света, влияющие на освоение Испанской Флориды. Выявление связи между зарождением Габсбургской Империи и наступлением «серебряного века пиратства» в Атлантике и Новом Свете. Представлен авторский перевод на русский язык «Селлерского кодекса» для выявления связей между экспедицией Д. Верразано в 1524 г. и разрушением миропорядка. Изучены причинно-следственные связи между организацией экспедиций и внутренней борьбой между местными элитами в Вест-Индии. Определена точка отсчета «ломки» сложившегося в 1494 г. миропорядка, повлиявшего на будущее развитие мировой истории.

Теоретическая и/или практическая значимость. В российской исторической науке и на постсоветском пространстве впервые так подробно представлена хронология связанных событий по открытию и освоению юго-восточной части Северной Америки с 1523 г. по 1525 г., идущее через понимание причинно-следственных связей событий, происходивших в разных частях мира и описание момента возникновения «серебряного века пиратства», чему способствовала публикация полного авторского перевода текста «Селлерского кодекса» на русском языке. Практическая значимость данной работы видится в возможности составления и организации спецкурса по открытию и освоению восточной части Северной Америки и/или развитию пиратства в XVI в. при изучении всемирной истории в вузах и старших классах школы.

Ключевые слова: Флорида, Испанская Флорида, племена Флориды, Верразано, Селлерский кодекс, серебряный век пиратства, Итальянские войны, Мыс Страха, Северная Америка, мыс Бретон, Новая Галлия, Кейп-Фир

© СС ВУ Ашрафьян К. Э., 2024.

CHRONOLOGY OF THE DISCOVERY AND DEVELOPMENT OF FLORIDA IN THE 16TH CENTURY. PART 5. THE BEGINNING OF THE FRENCH CLAIMS TO THE NEW WORLD AND THE CONTINUATION OF THE EXPLORATION OF FLORIDA 1520–1522

K. Ashrafyan

Independent Researcher

Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. To continue writing the chronology of the discovery and development of Spanish Florida by the European states in the 16th century. This article examines the period between 1523 and 1525.

Methodology. The article uses archival documents, maps and materials of scientific research available for 2022. The methodological basis of the research is the principles of historicism, objectivity and consistency; the principle of objectivity was necessary to avoid the subjectivity of French and Spanish authors covering facts and events in completely different ways; the principle of historicism was used to understand the difference in views between the present and the past adoption of a life-style, and a systematic approach made it possible to combine disparate events in the Old and New Worlds into a logical correlation.

Results. Related events in the history of the Old and New Worlds that affect the development of Spanish Florida have been studied. Revealing the connection between the birth of the Habsburg Empire and the onset of the “silver age of piracy” in the Atlantic and the New World. The author’s translation into Russian of the “Celler Codex” is presented to identify links between the expedition of D. Verrazano in 1524 and the destruction of the world order. The causal relationships between the organization of expeditions and the internal struggle between the local elites in the West Indies have been studied. The starting point of the “breaking” of the world order that was settled in 1494, which influenced the future development of world history, was determined.

Research implications. In Russian historical science and in the post-Soviet space, for the first time, the chronology of related events on the discovery and development of the southeastern part of North America from 1523 to 1525 is presented in such detail, going through understanding of the causal relationships of events that took place in different parts of the world and a description of the emergence of the “silver age of piracy”, which was facilitated by the publication of the full author’s translation of the text of the “Celler Codex” in Russian. The practical significance of this work is seen in the possibility of drawing up and organizing a special course on the opening and development of the eastern part of North America and/or the development of piracy in the 16th century when studying world history in universities and high schools.

Keywords: Florida, Spanish Florida, tribes of Florida, Verrazano, Cellere codex, silver age of piracy, Italian Wars, Cape Fear, North America, Cape Breton, Nova Gallia

Введение

Данная часть продолжает хронологию открытия и освоения огромной территории, названной Испанской Флоридой, и посвящена событиям, происходившим в разных частях света между 1523 и 1525 гг.

С помощью «Селлерского Кодекса». Д. Веразано будут рассмотрены малоизученные аспекты экспедиций евро-

пейцев, посвящённых исследованию восточного побережья Северной Америки. Работы профессора Кофмана, Д. Копелева, Ю. Ивонина, Джонса, Д. Пека, Р. Саласа и других учёных помогут нам в осмыслении геополитических и социальных механизмов, лежащих в основе эпохи Великих географических открытий, включая пиратство и колониальную

экспансию через изучение документов и манускриптов. Доктринальные основы колонизации рассмотрим через буллы Александра VI, Тордесильяский договор 1494 г. и большой объём документов из судебных тяжб Колумба против Испанской Короны – т. н. «иски Колумбов» (*Pleitos Colombinos*). Дополнительный интерес представляют труды по истории Испании Х. Томаса, Х. Лалагуна, В. Пискорского, В. Ведюшкина, Ю. Ивонина, а также работы о действиях пиратов, нелегальной торговле и географических открытиях М. Ганнона, Д. Бавереля, П. Гаффарела, Г. Гравье, П. Гутаньи, С. Моррисона, Л. Врота, В. К. Губарева, Д. Н. Копелева, Д. В. Михеева, которые дают представление о механизме зарождения международных конфликтов и их последствий в Новом Свете.

Ситуация в Европе к 1523 г. и её влияние на Новый Свет

В 1518 г. Максимилиан I Габсбург, император Священной Римской империи, написал тайное завещание в пользу наследования короны Священной Римской империи своему внуку Карлу Гентсткому¹, который в 16 лет стал королем Арагона под именем Карл I². После смерти императора Максимилиана в 1519 г. в возрасте 19 лет Карл Гентский [2], уже под именем Карла V, возглавил огромную империю³, объединив территории, полученные в наследство от своих родственников: внезапно умершего в 1506 г. отца – Филиппа I Красивого⁴; от матери – королевы Хуаны I Кастильской (Безумной), отдавшей ему ещё при жизни своё

управление испанскими королевствами⁵; от скончавшегося в 1516 г. деда по материнской линии – короля Фердинанда II Арагонского⁶; от умершего в 1519 г. деда по отцовской линии – Императора Священной Римской Империи⁷ – Максимилиана I Габсбургского (рис. 1)⁸.

Границы этой огромной империи стали самыми большими в Мировой Истории [2], и ни у кого из императоров ни до, ни после Карла V не было столько титулов⁹.

Однако избрание Карла императором Священной Римской Империи до предела обострило личные отношения между французским королём Франциском I и Карлом V [2]. Дело в том, что Франциск был уверен, что именно его изберут императором Священной Римской Империи, а не слишком молодого, не имеющего политического опыта управления, «уродливого» Карла (рис. 2). Избрание Карла перечеркнуло все военные победы Франции в предыдущих Итальянских войнах¹⁰.

Данные события привели к тому, что Империя Габсбургов выступила с притязанием на Милан и Бургундию¹¹.

¹ Карл Генсткий – сын французского герцога Филиппа I Красивого и испанской королевы Хуаны I Кастильской (Безумной)

² Лалагуна Х. Испания: История страны. М.: Эксмо, 2009. 352 с.

³ Пискорский, В. К. История Испании и Португалии : от падения Римской империи до начала XX века. М.: URSS. 2011. (Академия фундаментальных исследований : АФИ : история).

⁴ Люксембург, Королевство Бургундия

⁵ Королевство Кастилия и Леон, принадлежащая Кастилии Вест-Индии, Андалусия, Канарские острова,

⁶ Королевство Арагон, Княжество Каталония, Валенсия, Руссильон, Неаполь, Сицилия, Сардиния, Балеарские острова

⁷ Kann R.A. A history of the Habsburg Empire, 1526–1918. Los Angeles: University of California Press, 1980. 664p.

⁸ Эрцгерцогство Австрии, Тироль, Бургонь

⁹ Карл V был одновременно: король Кастилии и Леона, король Арагона, король Обеих Сицилий, король Иерусалима, король Наварры, король Гранады, Толедо, Валенсии, Галиции, Майорки, Севильи, Сардиния, Кордовы, Корсеги, Мурсии, Хаэн, Алгарви, Альхесираса, Гибралтара, Канарских острова, острова Вест-Индии и материковая часть Океана, графы Барселоны, лорды Бискайи и де Молина, герцоги Афины и Неопатрия, графы Руисельон и Серданья, маркизы Ористан и Гочиано, эрцгерцоги Австрии, герцоги Бургундии и Бранбурга, графы Фландрии, Тироля и т. д.

¹⁰ Томас Х. Реки Золота. М.: Изд. АСТ, 2016. 720 с.; Томас Х. Золотой век Испанской империи. М.: Изд. АСТ, 2010. 736 с.

¹¹ Лалагуна Х. Испания: История страны. М.: Эксмо, 2009. 352 с.

Рис. 1 / Fig. 1. Медаль г. Нюрнберга с изображением будущего Карла V в окружении гербов территории Священной Римской Империи / Medal of the city of Nuremberg depicting the future Charles V surrounded by the emblems of the territory of the Holy Roman Empire

Источник: Museo Arqueologico Nacional: [сайт]. <http://www.man.es/man/fr/coleccion/catalogo-cronologico/numismatica/medalla.html> (дата обращения: 01.03.2024)

Чтобы утвердить свои военные достижения, в 1521 г. французский король Франциск I развязал войну в Пиренеях¹.

Папа Римский Лев X² выказал благосклонность Карлу V, т. к. положительно оценил старания молодого императора по борьбе с начавшимся протестантизмом, охватившим Германию. Почувствовав поддержку, в 1521 г. имперско-испанская армия атаковала Ломбардию и захватила Милан, разбив французские войска в битве при Бикокке, а в 1522 г. испанская армия вошла в Геную. Французы ушли из Италии. А в 1524 г. испанский

Рис. 2 / Fig. 2. Бернхард Штригель «Император Максимилиан I со своей семьей» (Максимилиан I – слева и юный Карл Генсткий (Карл I Арагонский) – в центре). Художник запечатлел «наследство Габсбургов»: выдвинутую вперед челюсть, которая была причиной трудности общения Габсбургов с окружающими, что являлось источником насмешек у врагов) / Bernhard Strigel «Emperor Maximilian I with His Family» (Emperor Maximilian I (left) and young Karl Genstky (Charles I of Aragon) (center). The artist captured the "Habsburg inheritance" - the jaw pushed forward, which was the reason for the difficulty of communication between the Habsburgs and others, which was a source of ridicule from enemies)

Источник: Викимедиа: [сайт]. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bernhard_Strigel_-_Emperor_Maximilian_I_with_His_Family_-_Google_Art_Project.jpg (дата обращения: 01.11.2024)

флот Габсбургов осадил французский порт Марсель³.

Молодой Император Карл V Габсбург нуждался в деньгах, чтобы покрыть большие расходы на коронации и на войну в Европе. И деньги эти шли из Нового Света – в виде потока золота и серебра.

¹ Guizot, F. P. A Popular History of France from the earliest times by Francois Pierre Guillaume Guizot [Электронный ресурс] / F. P. Guizot. Изд. Ebook-e. New York: John B. Alden, Publisher, 1885. Т. IV. 448 с. The Project Gutenberg EBook [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/11954/11954-h/11954-h.htm#link2HCH4^> (дата обращения: 01.03.2024).

² Лев X (епископ Джованни Медичи) был Римским Папой с 1513 г. по 1521 гг.

³ Томас Х. Золотой век Испанской империи. М.: АСТ, 2010. 736 с.; Томас Х. Реки Золота. М.: АСТ, 2016. 720 с.

Французский король Франциск, его притязания на Священную Римскую Империю и его война на морях и океанах

Король Франциск I также нуждался в больших деньгах, а против Карла и его империи Габсбургов ему необходим был второй фронт. Франциск решил открыть второй фронт... на море [1], чему способствовала начавшаяся еще в начале 1500-х пиратская активность, которая вылилась в огромный «серебряный век пиратства» [5]. В этом становлении пиратства – как противостояния европейских держав в мире – особая роль принадлежала торговому флоту нормандца Жана Анго [3] состоящему из 70 кораблей. Ж. Арно сдавал свои корабли вместе с командами в аренду Португалии и Испании. И перевоза грузы под флагами этих стран, капитаны изучали карты и маршруты в Новый Свет¹. И уже к 1521 г. французские суда² повсеместно нападали и топили торговые корабли испанцев и португальцев, захватывая жемчуга, сахар, золото, серебро и другие товары, которые ввозились из Нового Света³.

1522 г. стал переломным годом в истории мирового пиратства, породив невиданное доселе распространение флибустьерства в Атлантическом океане.

В 1522 г. конкистадор Эрнандо Кортес отправил из завоёванной Империи Ацтеков (совр. Мексики) сокровища короля Монтесумы⁴ в Испанию⁵. Француз Ж. Флери⁶, капитану торгового флота Ж. Анго, удалось захватить 2 из 3 кораблей, перевозивших эти сокровища [3;

10; 11]. Вскоре часть сокровищ через Ж. Анго попала в казну Франциска I⁷. Французский король понял, что не торгуя с Испанией с её огромными официальными поборами, а пиратство должно стать тем неожиданным ударом по Испании, которое лишит её золота из Нового Света и даст ему необходимые средства. Теперь Франция официально сделала из Дьеппа и других прибрежных портов базы для пиратов [11], укрывая их под защитой своей армии, а они делились своей добычей.

В 1523–1524 гг. капитаны Ж. Флери, Бельвиль и С. Биллс [11] собрали большой пиратский флот⁸ [3], целью которого были португальские и испанские корабли, шедшие из Бразилии и Вест-Индии. Это была настоящая война против Испании и Португалии на море: корабли французских пиратов атакывали суда на всём пути от Средиземного моря до территории современной Америки. Они убивали всех гражданских и военных, топили корабли, если кто-то сопротивлялся [5; 10].

Король Франциск I даже давал Ж. Анго свои собственные корабли для участия в нападениях на судна Англии, Португалии и Испании⁹.

Пока Франциск I вёл успешные войны в Европе, сами французы, пытавшиеся ещё с 1504 г. обосноваться в Бразилии, были изгнаны оттуда португальцами: сначала в 1504 г., а в 1516 г. окончательно. Теперь же Франциск решил вновь попытаться проникнуть в Новый Свет, где торговля с местным населением сулила неисчерпаемые богатства¹⁰.

¹ Graveir, Gabriel. Jean Ango Viconte de Dieppe / Gabriel Gravier. Rouen: Impr. de L. Gy, 1903. 38 p.

² Губарев, В. Тортуга. История старейшей пиратской базы Карибского моря (1492—1694 гг.). М.: "Издательские решения", 1997, 540 с

³ Gaffarel P. Le Corsaire Jean Fleury. Leon: Imprimerie E. Cagniard, 1902. 26 p.

⁴ Монтесума (Moctezuma Xcoyotzin), по-другому Моктецума Хокойотцин, Монтекасума, Моктесума, Мотекусуми (1466–1520 гг.)

⁵ Gaffarel P. Le Corsaire Jean Fleury. Leon: Imprimerie E. Cagniard, 1902. 26 p.

⁶ Там же. Р. 19.

⁷ Там же. Р. 18.

⁸ Pennell C.R. Bandits at Sea. New York: New York University Press, 2001. 400 p.; Graveir, Gabriel. Jean Ango Viconte de Dieppe / Gabriel Gravier. Rouen: Impr. de L. Gy, 1903. 38 p

⁹ Томас Х. Золотой век Испанской империи. М.: Изд. АСТ, 2010. 736 с.; Томас Х. Реки Золота. М.: Изд. АСТ, 2016. 720 с.

¹⁰ В 1504 г. французы основали поселения и пытались освоиться в колонии в португальской Бразилии, но были изгнаны португальцами сначала в 1504 г., а окончательно - в 1516 г. В этом участвовали так-

События в Вест-Индии и их влияние на освоение Флориды

В Вест-Индии тем временем шла война элит. Местные аристократы Эспаньолы и Кубы, которые были выпестованы семьёй Колумбов (Христофором и затем его сыном Диего), поддерживаемые знатью Кастилии, боролись с королевской властью любыми способами: внедрялись в судебную, финансовую, административную и военную системы Вест-Индии¹. Не желавшая делиться с испанской короной доходами и лояльная Д. Колумбу высшая прослойка администрации в Вест-Индии, в свою очередь, способствовала развитию нелегальной торговли и пиратства, покупая у французских пиратов чёрных рабов и товары из Европы по низким ценам. Безнаказанность этих действий была объяснима тем, что чиновники имели тесные родственные связи с губернаторами, судьями и главами поселений во всей Вест-Индии² и их связывала «круговая порука».

Если посмотреть на проблему в целом, то становится понятно, что противостояние в Испании и Новом Свете между «Домом Колумбов» и Коронай привело к развитию нелегальной торговли чёрными невольниками из Африки и товарами из Европы со стороны французов, грабивших и уничтожавших испанские и португальские суда на всём пути из Нового Света в Европу и обратно. Баснословные доходы от пиратства показали всем, что официальная торговля с её лицензиями, официальными документами, уплатой и соблюдением всех налоговых сборов

была крайне невыгодным делом по сравнению с безнаказанным грабежом.

Гружённые золотом суда следовали в Испанию через пролив между полуостровом Флорида и Багамскими островами. Все эти обстоятельства подталкивали испанцев к освоению Флориды как плацдарма, который стал бы стратегически важным пунктом на путях торговли между Европой и Америкой [4; 5; 7]. Была острая необходимость организовать военное поселение с промежуточными портами для отдыха и пополнения запасов воды и еды, а также для противодействия французским пиратам³.

Согласно Тордесильяскому договору от 7 июня 1494 г. [6], который разделил весь мир пополам между Португалией и Испанией, что подтверждалось буллой Папы Римского Александра VI, после открытия испанцами в 1513 г. новой земли «Паскуа де Флорида» должна была бы занимать огромную территорию от современного Нью-Мексико до Атлантического океана и от современного Мексиканского залива до Северного Ледовитого океана. Открытая новая земля нуждалась в освоении её огромных пространств и христианизации населения, на ней живущего.

Французы у берегов Испанской Флориды

В 1523 г. французский король Франциск I искал повод закрепиться на землях в Новом Свете и юридически обосновать французские поселения через открытие новых земель.

Его желание совпало с экономическими запросами шёлковых предприятий Франции. Флорентийский капитал в Лионе контролировал шёлковое производство всей Франции.

В своей экономической войне с Португалией купцы-флорентийцы желали найти короткую дорогу в Китай, через

же корабли французского торгового флота, только это были суда отца Жана Анго – Жана (Иоганна) Анго-отца, который передал своё дело сыну в 1510 г. [Gaffarel, P. Le corsaire... p. 13]

¹ Herrera y Tordesillas A. Historia general de los hechos de los castellanos en las Islas y Tierra Firme del mar Océano que llaman Indias Occidentales // En Madrid : en la imprenta Real, 1601, 377 p.

² Martyr de Angleria, P. Décadas del Nuevo Mundo (Crónicas y Memorias). Изд. Spanish Edición-e. Madrid: Ediciones Polifemo, 1989. 610 p.

³ Gannon M. The History of Florida. Gainesville, 2018. 568 p.

уже открытый Новый Свет, но это было возможно сделать только через территорию, которая ещё не была освоена испанцами и португальцами – предполагаемый пролив из Атлантического в Тихий океан. Такой проход из Европы в Китай через Американский континент многократно увеличил бы прибыльную торговлю синдиката с Китаем. Свои услуги флорентийцы предложили королю Франциску через Джованни Верразано, который был готов открыть новые земли Америки для Франции¹.

Франциск отправил Верразано за кораблями для экспедиции к Ж. Анго, что полностью снимало с него любые обвинения в официальной поддержке экспедиции и неуважении к Булле Папы Римского о разделе мира между Португалией и Кастильским Королевством 1493 г.² и договором 1494 г.³

Торговая флотилия нормандца Ж. Анго уже достаточно хорошо знала все маршруты испанцев и португальцев и готова была выделить корабли для экспедиции [3; 5; 10].

Пришедший к власти Римский Папа Климент VII (из флорентийского клана Джулиано Медичи) был заинтересован в снижении влияния Карла V Габсбургского в Европе и готов был пересмотреть политику разделения всего мира на Португальское и Испанское влияние, которое существовало ещё с 1494 г.⁴.

Таким образом, совпали интересы французского короля, торгового синдиката флорентийцев в Лионе, пиратствующего флота Ж. Анго и интересы Папы Римского.

1524 г. Экспедиция Д. Верразано

17 января 1524 г. экспедиция Д. Верразано (*Giovanni da Verrazano*)⁵ на 2 кораблях под французским флагом (рис. 3) тайно вышла с о. Порту-Санту (*Porto Santo Island*)⁶, расположенного в 43 км на северо-восток о. Мадейра, в Новый Свет, но уже 24 января корабль «Нормандия» был вынужден вернуться назад во Францию. Единственный корабль «Дофин» с экипажем в 50 человек и запасом продовольствия и снаряжения на 8 месяцев пошёл на запад вдоль 32 параллели⁷ [5; 10].

1 марта 1524 г. корабль обогнул Мыс Страха (*Cape Fear*) в Испанской Флориде (совр. штат Северная Каролина), повернул на юг вдоль побережья, прошёл ещё 160 миль (260 км) и вернулся к Мысу Страха (Приложение 1).

Костры, которые видели люди из экспедиции Верразано, когда шли на юг от Мыса Страха, очевидно, принадлежали индейцам гуале⁸. А вот местные жители

тока и Запада. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Spain/XV/1480-1500/Ferdi_Isabel/dogovor_tordesiljas_07_06_1494.htm (дата обращения: 11.03.2023)

¹ Murphy H. C. The Voyage of Verrazano. A Chapter in the Early History of Maritime Discovery in America. New York: Press of Munsell, 1875. 198 p.

² Bulla del Papa Alexandro VI dada el año 1493, en que concede a los Reyes Cathólicos y sus sucesores todo lo que ganaren y conquistaren en las Indias no estando ocupado por otros, 1493-05-04, Roma // Archivo General de Indias: [сайт]. URL: <http://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/17163#> (дата обращения: 21.11.2021).

³ Colección de Bulas, Breves Y Otros Documentos Relativos a La Iglesia de America Y Filipinas. American Theological Library Association, 1879. 989 p. (Historical Monographs Collection).

⁴ Тордесильясский договор между королями Испании и Португалии о разделе мира 7 июня 1494 г. Текст : электронный // Восточная Литература. Средневековые исторические источники Вос-

⁵ Джованни да Верразано также встречается интерпретация имени как Джованни да Веррацано Джовани Веррацано, Жанус Веразанус (Janus Verrazanus), Хуан Верразано, (Jean Verrazano), Жан Веррассенне (Jehan Verrassenne), Джовани да Верразано (Geovanni da Verrazano), или Верразано (Verrazzano), или Жан ле Флонетино (Jean le Florentino), или Жан ле Флорентин (Jean le Florentin), или Жан Флорин (Jean Florin). Часто открывателя итальянца Джованни Верразано путают с французом-пиратом Жаном Флери.

⁶ Lipinsky L.S. Verrazzano G. da Hall EH Museum of the City of New York Italian Cultural Institute (New York N.Y. 2 Edition. 1964. New York: URL. <http://books.google.com/books?id=bL11AAAAMAAJ> (дата обращения: 08.08.2023).

⁷ Копелев, Д. Н. Раздел океана в XVI–XVIII вв.: истоки и эволюция пиратства. СПб, 2013. 736 с.

⁸ Ашрафьян К. Э. Земли индейцев Флориды в середине XVI в.: карта вождей Флориды по вос-

Мыса Страха (совр. Кейп-Фир)¹, которые были описаны Верразано, похоже, были из племени ваккамо.

После короткой остановки Верразано продолжил идти вдоль берега на север мимо Северной Каролины и Джорджии. Эту местность Верраццано назвал Лавровый лес и Кедровое поле (*Selva di Lauri and Campo di Cedri, or the Forest of Laurels and Field of Cedars*) (Приложение 1). Вскоре экспедиция добралась до побережья современного штата Северная Каролина и лагуны Памлико Саунд (*Pamlico Sound*), которую Верразано принял за перешеек между Атлантическим и Тихим Океанами. Далее корабль вошёл в устье р. Делавэр (*Delaware River*), которую путешественники называли «Вандома» («*Vandoma*») (Приложение 1).

В Нью-Йоркском заливе, который Верразано принял за озеро, у входа в р. Гудзон, французы сошли на берег. Это была земля племени ленапе (*Lenape*) (англ. *Delaware Indians*). Вскоре путешественники встретили индейцев-вампа-ноагов (*Wampanoag tribe*), настроенных дружелюбно, с которыми экспедиция провела 15 дней, прежде чем продолжить плавание на север (Приложение 1).

Открытую новую землю Верразано назвал Новой Галлией (*Nova Gallia*), что по-латыни означает «Новая Франция»² (совр. Нью-Йорк).

5 мая Верраццано покинул эту гавань и поплыл дальше на север. Через несколь-

ко дней он попытался высадиться у Мыса Код (*Cape Cod*), (рис. 3–4) в заливе Каско (*Casco Bay*), штат Мэн. Верраццано писал, что туземцы были с плохими манерами и выставляли напоказ задницы (Приложение 1). Наконец, французы достигли земель о. Ньюфаундленд и высадились на Мысе Бретон (*Cape Breton*), которую Верразано назвал «*Bacalaia*» (Приложение 1), для пополнения запасов пресной воды. Подняться ещё севернее они уже не могли, т. к. подошли к концу съестные припасы.

Итак, в 1524 г. Д. Верразано [8] из Флоренции под флагом Франции и по приказу французского короля Франциска I пересёк Атлантику (др. Западный Океан) и обследовал огромную область на севере «де-юре» Испанской Флориды: от Мыса Страха (*Cape Fear*) до Мыса Бретон (*Cape Breton*), что позволяло французам заявить свои права на открытые земли (Приложение 1) при поддержке Папы Римского Климента VII [5; 10].

Верразано первым исследовал участок восточного североамериканского берега, расположенный между 34° и 46° с. ш., открыл устье Гудзона, заливы Мэн, Памлике и Наррангасетт (рис. 3). Он также первым увидел гавань Нью-Йорк. Правда, итальянский мореплаватель так толком и не понял, что он видел и что открыл. Огромные по площади внутренние воды континента он принимал за открытое море, примыкающее к берегу. Он даже окрестил это «море» в свою честь, и долго ещё на картах Америки оно значилось «море Верразано». А вот р. Гудзон не слишком заинтересовала Джованни – он описал её, но названия не удостоил, уступив честь первооткрывателю Генри Гудзону.

Верразано писал в своём письме Франциску I, что нашёл большой вход, который он считал началом Восточного (Тихого) океана, из которого можно напрямую выйти к побережью Китая. Он писал, что перешеек был шириной около мили. Эта информация привела к неправильной картографической традиции,

поминациям Эрнандо де Эскаланте Фонтанеда. Современные научные исследования // Актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей. Пенза, 2021. С. 107–111; Ашрафьян К. Э. Исчезнувшие племена Флориды как актуальный вопрос современной науки и образования: необходимость выхода из забвения знаний об истории американских народов «досеминольской эпохи». // Актуальные вопросы современной науки и образования: монография / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза, 2021. С. 128–140.

¹ Индейцы Мыса Страха, которых встретил Верразано, были индейцами большого района, называемого испанцами Чикора.

² На греч. кельты обозначают те же племена, что и на лат. галлы.

Рис. 3 / Fig. 3. Исследование побережья Америки экспедицией Д. Верразано на современной карте / Exploration of the American coast by the expedition of D. Verrazano on a modern map

Источник: составлено автором

которая продолжалась до XVIII в., начиная с работ В. Маджоло 1527 г. (рис. 4.) и с карт Джироламо Верразано (брата Д. Верразано) 1529 г., участников экспедиции 1524 г., когда североамериканский континент был разделён на 2 части, соединённый очень маленьким перешейком на атлантическом побережье [10].

8 июля 1524 г. экспедиция вернулась в Дьепп (Франция) (рис. 5).

Итак, итогами экспедиции Д. Верразано стали:

1) карта атлантического побережья Америки, хотя и достаточно искажённая, но которой долгое время пользовались капитаны судов;

2) начало претензий Франции на территории открытой испанцами Флориды [1];

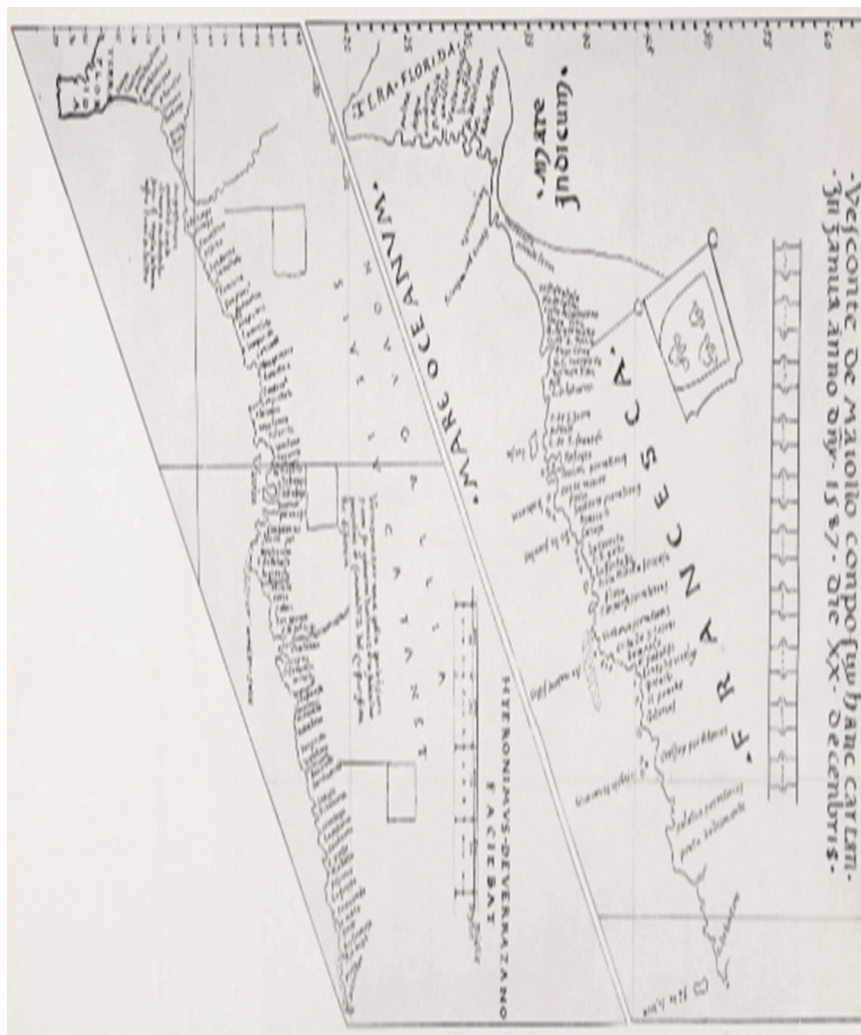
3) расцвет «серебряного века пиратства» [5], поощряемого престолом Франции;

4) игнорирование Королевством Франция договора о разделении христианского мира между Португалией и Кастильским королевством 1494 г.¹;

¹ Тордесильяский договор между королями Испании и Португалии о разделе мира 7 июня 1494 г. // Восточная Литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада: [сайт]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Spain/XV/1480-1500/Ferdi_Isabel/dogovor_tordesiljas_07_06_1494.htm (дата обращения: 02.12.2023).

Карта Джероме Верразано, 1529 г. / Map by Jerome Verrazano, 1529

Карта В. Маджоло, 1527 г.

Рис. 4 / Fig. 4. Карты открытий Д. Веразано, составленные очевидцами / Eyewitness maps of D. Verrazano's discoveries

Источники: Vatican Museum's, Borg. carte naut. 1 (Inv. No. 64444); Vatican City с. 1529 Girolamo Verrazano [1]; Baverel, D., Gouragny P., Measson, P. Les cartographes & les nouveaux mondes : Une représentation normande des grandes découvertes. Editions Point de vues, 2011. 256 p.

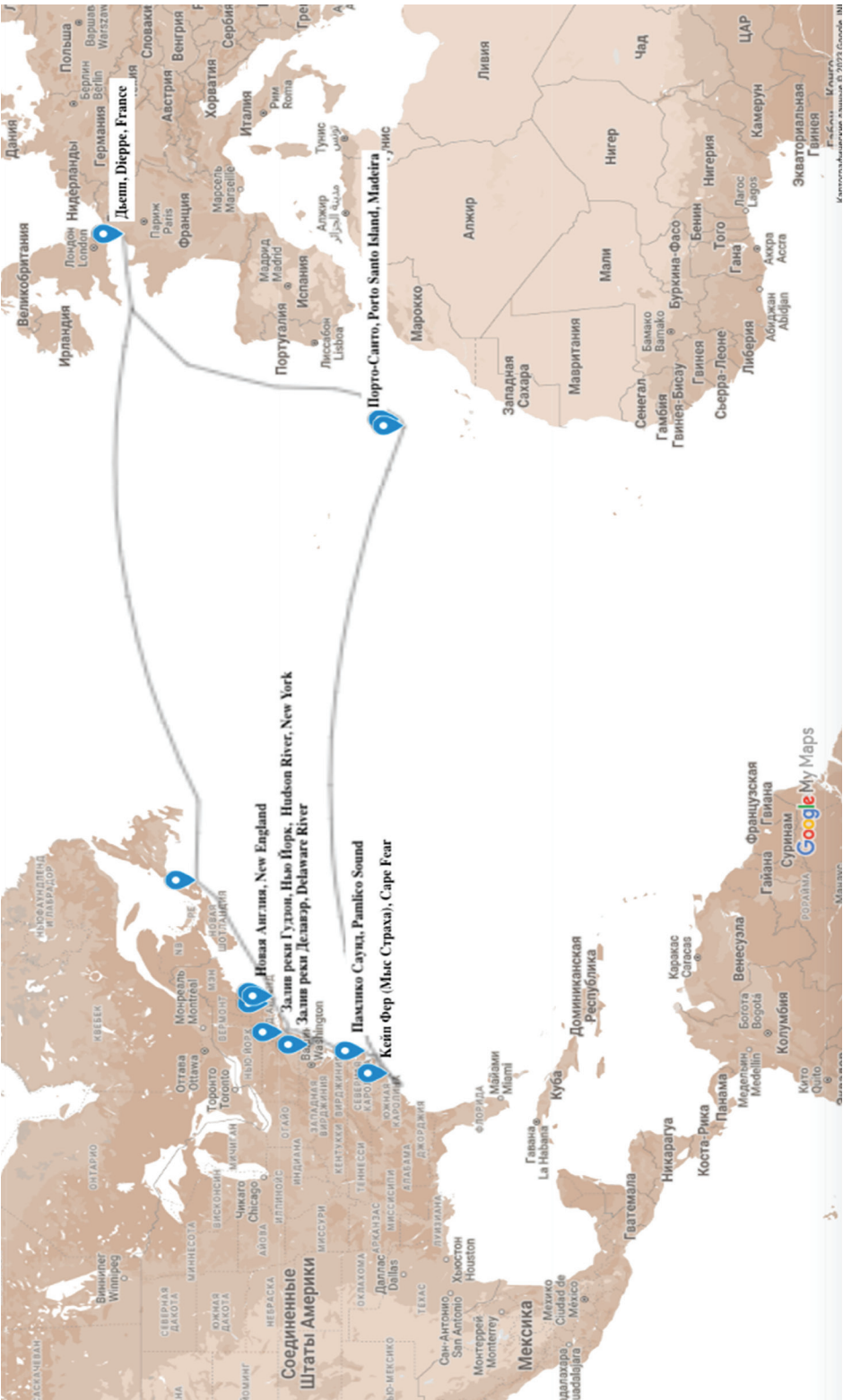

Рис. 5 / Fig. 5. Путь экспедиции Джованни Верразано на современной карте / Giovanni Verrazano's expedition path on the modern map

Источник: составлено автором

5) расчёты показали, что открытый Новый Свет по размерам больше, чем Европа или Африка. Верраццано сообщил, что Новый Свет соединён воедино, а не примыкает к Азии или Африке, чем опроверг «древних», которые учили, что Атлантика соприкасается как с Европой, так и с Азией и между ними ничего нет. Он предположил, что Новый Свет соединяется в определённом месте с Россией(!) [8; 14] (Приложение 1);

6) у французов было несколько контактов с разными племенами аборигенов, различающихся по уровню развития и отношению к мореплавателям, которое он описал в Селлерском Кодексе [8] (Приложение 1).

Путешествие Д. Верраццано, несмотря на все описательные и картографические ошибки, имело важное значение и заполнило лакуну между тем, что испанцы обнаружили на юге, и тем, что англичане и португальцы пытались освоить возле Ньюфаундленда в Канаде [7; 8; 9].

1525 г. Экспедиция Педро де Кэхо

Получив должность аделантадо Флориды ещё 12 июня 1523 г. и разрешение на организацию экспедиции, Васкес де Айльон был задержан из-за судебных тяжб, затеянных с ним другим судьей, корабль которого участвовал в открытии р. Ст. Джона, а также в набеге и захвате индейцев там (см. экспедиции Франциско Гордильо и Педро де Кэхо в 1521 г.).

Это дело было связано с продолжающимся судебным процессом между «Домом Колумбов» и испанской Коронай за право владения Вест-Индией и Новой Испанией [1; 12].

И чтобы не упускать время, Лукас Васкес де Айльон послал на разведку экспедицию из 2 кораблей во главе с капитаном Педро де Кэхо (*Pedro de Quejo*) для исследования региона для последующей высадки [4].

Итак, в апреле 1525 г. Педро де Кэхо [1; 4; 10; 13] с Эспаньолы (совр. о. Гаити)

отправился в свою вторую экспедицию к берегам Америки.

Педро де Кэхо с командой из 60 человек прошли 700 миль по маршруту: Эспаньола (совр. о. Гаити) – совр. устье реки Саванна – совр. Залив Винья (Уинья Бэй), Южная Каролина (Winyah Bay, South Carolina) – Мыс Страха совр. Кейп-Фир – совр. Сейнт Саймонс Саунд, Джорджия – о. Амелия (Амелия Айленд, Флорида) – Чесапикский Залив – Багамы – Эспаньола¹ (рис. 6).

В конце июля 1525 г. корабли вернулись на Эспаньолу.

Таким образом, территория земли Флорида теперь была исследована выше Мыса Страха (*Cape Fear*) до Чесапикского залива уже испанцами, которые имели на неё все права «де-юре».

Получается, что исследование произошло на год позже тайной экспедиции Д. Верразано в 1524 г. [14] от Мыса Страха на север до Мыса Бретон.

В местах высадки для легитимизации своих исследований и закрепления статуса принадлежности этой части земли империи Карла V члены экспедиции установили каменные кресты с именем императора².

Во время своей экспедиции испанцы, высаживаясь на берег, также контактировали с местными жителями, которым раздавали подарки, включая одежду и семена испанских деревьев (и даже инструкции, как их культивировать)³.

Заключение

Исследование истории Старого и Нового Света, особенно связанных событий, влияющих на освоение Испанской Флориды, позволило выявить следующие важные связи и закономерности.

После экспедиции флорентийца Верразано в 1524 г. и открытия новых земель,

¹ Milanich J.T. Florida Indians... P. 112.

² Shea J.G. The Catholic Church in the colonial days. Book II. 1521-1763. New York: John G. Shea, 1886. 604 p. (P.106)

³ Milanich J.T. Florida Indians... P. 112.

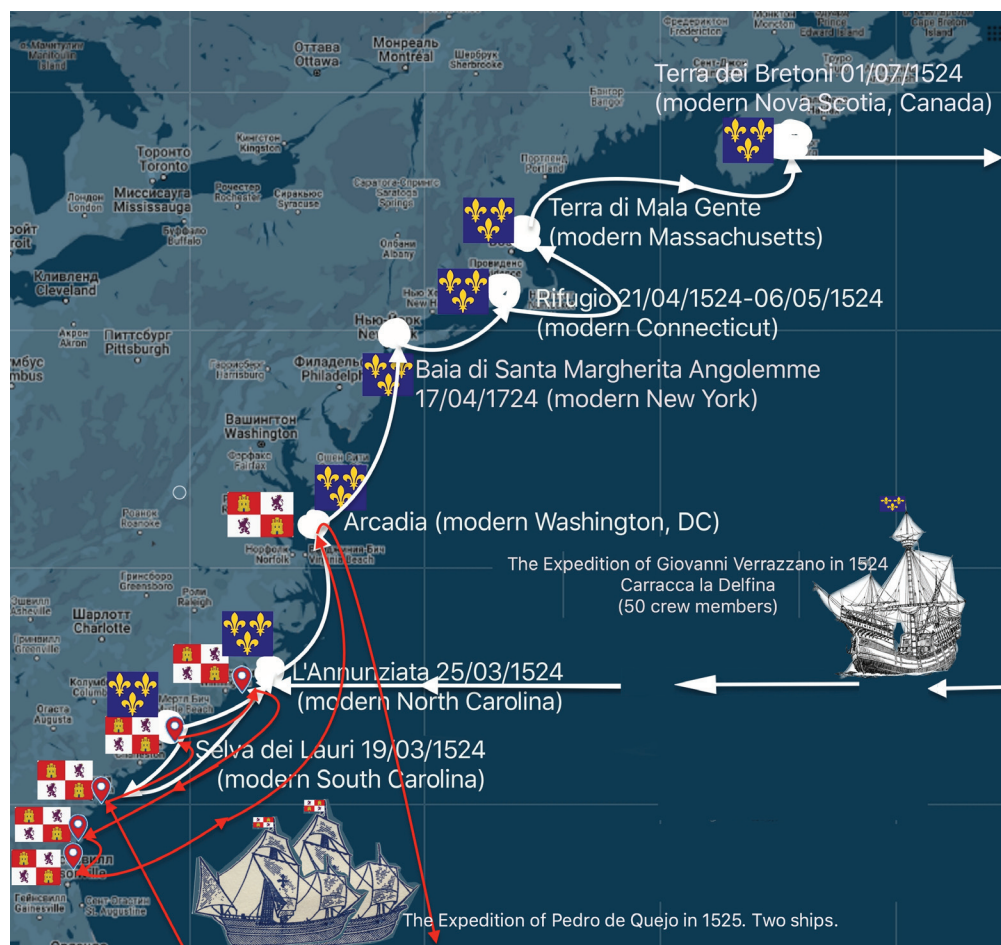

Рис. 6 / Fig. 6. Сравнение путей экспедиции Джованни Верразано под французским флагом 1524 г. и экспедиции испанца Педро де Кахо в 1525 г. / Comparison of the paths of the expedition of Giovanni Verrazano under the French flag of 1524 and the expedition of the Spaniard Pedro de Caho in 1525

Источник: составлено автором

ещё не освоенных испанцами, была создана карта новых территорий к северу от 32° с. ш., которые были объявлены собственностью Франции, а также описаны новые племена, населявшие территорию. Это плавание дало прецедент правовой претензии Франции к пересмотру границ территории, известной как Испанская Флорида и принадлежащей Кастильскому Королевству, что стало возможным при поддержке Папы Римского Климента VII, флорентийца по происхождению, боящегося усиления Габсбургской Империи в Европе и Новом Свете. Хотя испанцы до

и после 1524 г. уже исследовали часть Испанской Флориды от южного полуострова до мыса Страха и далее на север.

Французский торговый флот, сдававший в аренду торговые суда и своих капитанов с командами под флаги Испании (и Португалии), разведал пути навигации испанского флота из Старого в Новый Свет и обратно. Это позволило начать французам пиратские действия – нападать и захватывать корабли Испании (и Португалии), причём тут же нелегально продавая захваченный товар в колониях Нового Света дешевле местной админи-

страции. Это стало началом «серебряного века пиратства» [5].

В «Селлерском Кодексе» (Приложение 1) дано описание береговой линии Северной Америки от Флоридского полуострова до территории современной Канады со стороны Атлантического океана, которая была объявлена «Новой Галлией, ...принадлежащей Франции». Также в кодексе указано, что площадь Южной и Северной Америк превышает площади Африки, Европы или Азии, что и позволило в дальнейшем королю Франциску I претендовать на земли Нового Света.

Политика противостояния между испанской местной администрацией, лояльной Дому Колумба в Вест-Индии, и испанскими «роялистами» привела к саботированию экспедиций для освоения стратегически важной Испанской Флориды и к хаосу, что способствовало быстрому росту нелегальной торговли и пиратства в Новом Свете, где корсары действовали безнаказанно, грабя и топя суда, убивая людей, захватывая и перепродавая грузы и рабов, а также нападая на целые города и сжигая их.

Дата поступления в редакцию 24.12.2023

Приложение № 1

Селлерский Кодекс (Cèllere codex)¹

Из поездки флорентийского дворянина Верраццано на службе Франциска I, Короля Франции, совершённой в 1524 году в Северную Америку.

Посмотри историю итальянской литературы от Ziraboseho стр. 206. Junio J. Parte L.²

После того, как удача оставила нас на северных берегах, Ваше Величество, я не писал Вам о том, что произошло с четырьмя кораблями, которые были отправлены через океан для открытия новых земель. Мощные силы ветров заставили нас с судами «**Нормандия**» и «**Дофин**» в тяжелых условиях вернуться в Бретань, где после восстановления, Ваше Величество должны знать об том, мы совершали военные экспедиции в испанских водах³. Затем после-

¹ Перевод на русский язык Селлерского (Кельерского) кодекса (Cèllere codex) об экспедиции Джованни Верразано (Janus Verazanus) выполнен К. Э. Ашрафьяном в мае 2023 г. В тексте сохранены сноски и примечания Адамса-Младшего (Frederick B. Adams, Jr.).

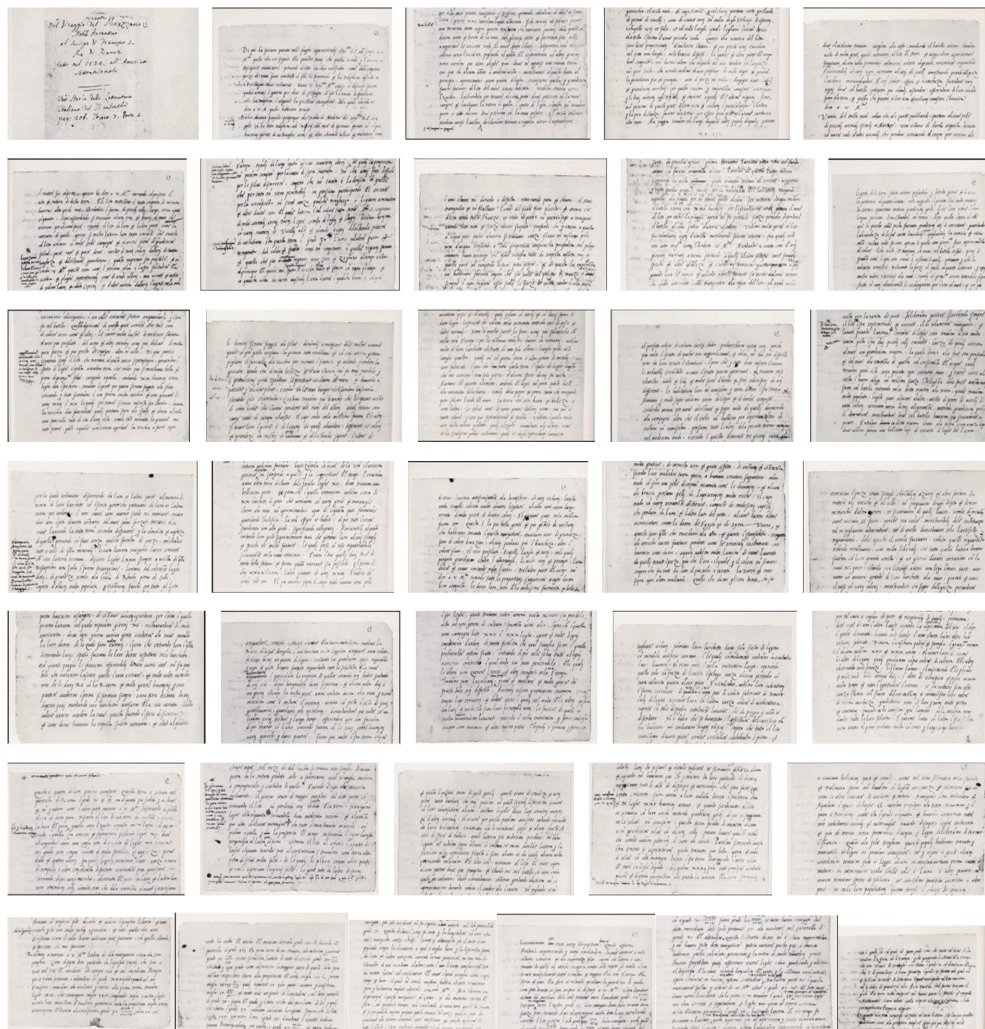
В Селлерском Кодексе описана экспедиция, которую лично написал Джованни Верразано в 1524 г. на итальянском языке. Рукопись обнаружена в 1908 г. в библиотеке графа Гвидо Макки, жившего в г. Селлер, находящегося в регионе Лацио, в 90 км от Рима. Рукопись является очень ценным документом очевидца событий и легла в основу карты мира, которую брат Д. Верразано – Джироламо Верразано – опубликовал в 1529 г. и которую использовали в качестве основы для глобуса 1530 г. Рукопись, насколько известно автору, никогда полностью не переводилась на русский язык.

² Vedi storia della Letteratura italiana del Ziraboseho pag. 206. Junio J. Parte L.

Интерпретация сокращений и непонятных слов:

- Ziraboseho – возможно, это имя или название места или события, связанного с историей итальянской литературы.
- pag. – сокращение от «pagina», что означает «страница».
- Junio J. – вероятно, имя автора или человека, связанного с текстом или историей.
- Parte L – «Parte» означает «часть», а "L" обозначает римскую цифру "50", возможно, указывает на 50-ю часть работы.

³ Четыре корабля были даны судовладельцем-нормандцем Жаном Анго по просьбе короля Франциска I для экспедиции Джованни Верразано, однако с условием, что он захватит корабли испанцев и приведёт их в Дьепп, где базировался торговый флот нормандца Анго. Два корабля во время бури были потеряны, но Верразано напал на испанцев, захватил корабли и привёл их в Дьепп. У него остались два корабля – «**Нормандия**» и «**Дофин**», однако, еще не дойдя до Мадейры, Верразано вынужден был отослать «Нормандию» обратно во Францию и продолжил плавание только на одном корабле «Дофин»

Источник: Wroth L. C. Verrazzano G. da Pierpont Morgan. *The voyages of giovanni da verrazzano 1524-1528*. Published for the Pierpont Morgan Library by Yale University Press, 1970, 394 p.

довала новая решимость продолжать путь только с «**Дофином**», чтобы следовать прежнему маршруту, о чём я сообщу Вам, когда вернемся.

Мы отправились из пустынного утёса, близ острова Мадейра¹ на «**Дофине**» на **17² день января** прошлого года (т. е. **17 января 1523 г.** – К.А.), с **пятьюдесятью моряками**,

снабжёнными продовольствием, оружием, другими боевыми инструментами и морскими припасами на **восемь месяцев**. Мы отправились при Зефире (западный ветер – К.А.), когда дуновение с юго-востока, мягкое и приятное. В течение **25 дней** мы преодолели **800 морских миль**. Но в **24 день февраля**³ мы пережили бурю, какую никогда не переживал ни один моряк. Благодаря божьей помощи и благосклонности судна, именуемого «**Дофин**», благословенного и удачливого,

¹ Начиная с 1524 года. [Примечание: первоначально было записано 1523 год. Последняя цифра позже была изменена на 4, согласно французскому стилю календаря на итальянский.]

² Исправлено с XXVII на XVII (с 27 на 17)

³ Буря длилась 16 часов.

мы, отбросив оковы величественных морских волн, продолжали наше путешествие на запад, немного отклоняясь на север.

В другие дни мы продолжали свой путь **ещё 25 дней**, проплыв **около 400** морских миль, и вот явилась новая земля, никогда ранее не виданная ни древними, ни современниками. Сначала она показалась несколько низкой (*неясно – имеется ли в виду невысокой или небольшой – прим. К.А.*); приблизившись на четверть мили, мы поняли, что она, как указывали огромные огни на берегу моря, была населена. Она тянулась на юг. Мы обошли её в поисках какой-нибудь гавани, где бы мы могли укрыться с кораблём и изучить природу этой земли, но в течение 50 миль не нашли такой гавани и ни одного места, где бы мы могли пристать с кораблем. Увидев, что берег продолжает идти на юг, мы решили вернуться¹ и обойти его с севера, что и сделали. Мы высадились на берег.

Мы увидели множество людей, которые подходили к берегу моря, но, замечая нас, быстро убегали. Иногда останавливаясь, они поворачивались и с великим удивлением разглядывали нас. Мы пытались их привлечь различными знаками, и некоторые из них, выражая большую радость при виде нас, приглашали нас подойти ближе на лодке-бателе, предлагая нам свою пищу. Мы пришвартовались к берегу, и то, что мы смогли узнать об их жизни и обычаях, я кратко изложу Вашему Величеству.

Они ходят совершенно голыми, кроме тех мест, которые прикрывают маленькие кожаные части, похожие на куницу. Но на талии у них узкий пояс, сделанный из травы и переплетённый из хвостов других животных, который окружает тело до колен. Остальное тело обнажено, и их внешность схожа. Некоторые из них носят крошечные «гривки» из перьев птиц. Они черного цвета, не слишком отличаются от эфиопов. У них чёрные и густые волосы, но не очень длинные, они связывают их сзади в виде небольшого хвостика.

Что касается внешности этих людей, они пропорциональны, среднего роста, чуть

выше нас. В груди они широки, руки слегка разведены, ноги и другие части тела хорошо сложены. Имеют некоторую особенность в ширине лица (т. е. широкое лицо – К.А.): однако не все, так как у многих мы видели узкое лицо. Черные и большие глаза, взгляд прямой и быстрый. Они не очень сильны, но имеют острый ум, ловки и великолепные бегуны. По нашему опыту мы можем сказать, что они сходны с восточными народами, особенно с жителями последних регионов Синая. Мы не могли подробно узнать о жизни и обычаях этих людей, т. к. мы находились недалеко от берега, и наш корабль стоял в открытом море. На берегу, недалеко от них, мы обнаружили другие народы, у которых, по-видимому, образ жизни сходен с данным народом.

Сейчас же, Вашему Величеству, я опишу местоположение и природу этой земли. Побережье полностью покрыто мелким песком, возвышающимся на 15 футов и простирающимся в форме небольших холмов, шириной около 50 шагов. После подъёма видны некоторые реки и морские заливы, проникающие в небольшие фьорды, омывая берег с обеих сторон и текущие по его склонам. Затем показывается земля, возвышающаяся настолько, что превосходит песчаное побережье, со множеством прекрасных полей и равнин, залитых гигантскими лесами, то разреженными, то густыми, одетыми в такое множество оттенков деревьев, такую изысканную и приятную красоту, какую возможно передать.

Пусть Ваше Величество не думает, что эти земли подобны Герцинскому лесу или суровой пустыне Скифии и северным краям, полным грубых деревьев, наоборот, они украшены и одеты в пальмы, лавры², кипарисы и другие виды деревьев, неизвестные в нашей Европе. Их ароматы доносятся на большие расстояния³, их свойств мы не можем узнать из-за вышеизложенной причины, также нам затруднительно пройти по лесам, потому что они не так густо заросли, чтобы быть совершенно непроходимыми. Мы считаем,

¹ Чтобы не попасть к испанцам.

² Исправлено с *habili* на *agili*.

³ *Et d'altri* зачеркнуто перед *eipressi*.

что, пройдя через всю окружность Востока, нам, наверняка, встретятся какие-то пряности или ароматические напитки и другие богатства: золото, от которого земля принимает такой цвет¹.

Богата (земля – *К.А.*) множеством животных: оленями, ланями, зайцами; также много озёр и прудов с живой водой, где обитает разнообразное количество птиц, пригодных и удобных для всех удовольствий охоты. Эта земля расположена под широтой 34°^{2, 8}. Воздух здесь здоровый, чистый, умеренный – с теплом и холодом; в этих краях дуют не сильные ветра³, а ветры Коро и Зефир, особенно летом⁴, в начале которого мы прибыли⁵; небо ясное и безоблачное, с редкими дождями⁶, и если иногда ветры с юга приносят некоторый туман или дымку, в один момент исчезает, становясь чистой и ясной; море тихое и неизменное; его волны спокойны. И хотя берег простирается всюду вниз и лишён гаваней, однако он не опасен для мореплавателей, так как весь он чист и без каких-либо скал. Глубина рядом с берегом здесь достигает 4 или 5 шагов, без приливов и отливов, и на расстоянии 20 футов от берега глубина увеличивается до равной величины на открытом море. Здесь также хорошее дно, и какое бы ни было судно, оказавшееся в бурной буре в тех местах, никогда не разорвёт своих верёвок⁷ и не погибнет. Мы лично испытали это, ибо часто в начале марта, как обычно в каждом регионе, силы ветров возрастают, и когда мы находились на открытом море, подвергаясь буре, мы сразу обнаружи-

вали, что разорвана якорная цепь, прежде чем корабль задел бы дно или совершил бы какое-либо движение.

Мы покинули это место и продолжили обследование побережья⁸, которое поворачивает к востоку. Заметив вдоль всего этого берега огромные костры, свидетельствующие о множестве жителей, мы подошли к берегу, но поскольку здесь не было подходящей гавани, что обеспечивала бы необходимой глубиной воды, мы отправили шлюпку с 25 людьми на берег. Огромные волны, бросавшиеся к берегу, делали невозможным безопасный подход к суше, был большой риск потерять шлюпку. Мы увидели много людей на берегу, проявляющих различные знаки дружбы, предполагая, что мы прибудем на их землю.

Молодой моряк был послан на берег с некоторыми подарками (колокольчики, зеркала и другие мелочи), и когда он приблизился к ним на расстояние в четыре сажени, он кинул им эти подарки, собираясь вернуться назад, но был отброшен волной так сильно, что почти полумертвый был выброшен на берег. Увидев это, местные жители, схватили его за голову, ноги и руки и отнесли немного подальше. Увидев, как его так неожиданно уносят, юноша испугался и начал издавать громкие крики. Они, в свою очередь, повторяли те же звуки на своём языке, показывая, что он не должен бояться. Затем, положив его на солнце на небольшом холме, они выражали восторг, рассматривая белизну его кожи и прощупывая ее поверхность. Сняв с него рубашку и одежду, оставив его голым, они устроили вокруг него большой костер, приближая его к теплу. Увидев это, моряки, которые остались на лодке и были напуганы, как это обычно бывает в таких новых ситуациях, подумали, что эти местные жители хотят приготовить его в пищу. Отдохнув и набрав силы, он оставался с ними некоторое время, и показал желание вернуться на свой корабль. Они, постоянно держа его крепко и с любовью, провожали его до самого берега моря. Чтобы убедиться, что с ним всё в

¹ Чувствовали запах на расстоянии ста и более лиг, когда горели кедры, и ветры дули с суши

² Мы окрестили эту землю **Лавровым лесом**, а немного ниже, около прекрасных кедров, дали ей имя **Поляна кедров**.

³ Как **Карфаген** и **Дамаск**.

⁴ Это очень важный момент обмана, когда земля Флориды в силу ее химического состава, является во многих местах желтой, как и вода в реках, что стало очень важным обманом, который привел к тому, что многие испанские конкистадоры считали Флориду такой же богатой золотом как и Мексику.

⁵ Исправлено с *o tutto* на *continuo*.

⁶ Исправлено с *raro* на *chiaro*

⁷ Ранее в качестве современного якоря употреблялись веревки с камнями на конце – *К.А.*

⁸ Исправлено с *continovo* на *costa*

порядке, они поднялись на высокий холм и стояли, смотря на него до тех пор, пока он не вернулся на лодку. Юноша понял, что таковы эти люди: они темнокожие, как и остальные, их тела блестят, они среднего роста, их лица более профильные, их тело и другие части тела более изящны, но силы у них невелики, зато ум у них быстрый.

Отсюда мы отправились¹, всегда следуя вдоль берега, который немного поворачивал к северу, и проплыли около 50 морских миль к другой земле, которая казалась нам гораздо красивее и полна огромных лесов. Прибыв на эту землю и пройдя с 20 людьми примерно 2 морские мили вглубь, мы обнаружили, что местные жители из-за страха убежали в леса. Вскоре мы наткнулись на очень старую женщину и девушку возрастом около 18 или 20 лет, которые спрятались среди травы от страха. У старой женщины было 2 маленькие девочки, которых она держала на плечах, а на шее – мальчик около 8 лет. У молодой женщины было также много детей, но все они были девочками. Когда мы приблизились к ним, они начали кричать. Старая женщина показала, что мужчины убежали в лес.

Мы предложили им попробовать наши продукты, и старая женщина с удовольствием согласилась их принять. Однако девушка отказалась и с гневом бросила еду на землю. Мы решили взять мальчика с собой, чтобы отвезти его во Францию, и попытались также взять девушку, которая была очень красива и высокого роста. Но из-за её сильных кри-

ков, мы не смогли увести её на корабль. Эти люди были более бледными, чем те, с кем мы сталкивались ранее. Они были одеты в ткани, развешанные на ветвях деревьев, которые ткали из различной дикой конопли. Головы у них были непокрыты, как и у других².

Их общее питание — это овощи, которых у них много разных видов по цвету и размеру, имеющие отличный и приятный вкус, также они занимаются ловлей рыбы и охотой на птиц, которых ловят с помощью луков и силков. Они делают стрелы из твердой древесины и сердцевины, вставляя на конец кости рыб и других животных. В тех местах, где мы находились, дикие звери намного спокойнее, чем в нашей Европе, из-за постоянного преследования охотниками. Мы увидели множество лодочек, сделанных из одного деревянного ствола, длиной 20 футов и шириной 4, которые не изготавливаются с помощью камня, железа или других видов металлов. В той местности, где мы проехали 200 морских миль, мы увидели всего один камень какого-то вида. Они пользуются четвёртым элементом, сжигая древесину так, чтобы огонь занимал только объём лодки: сзади и спереди выжжено таким образом, чтобы судно могло плавать по морским волнам.

Местность, природа и красота этой земли подобны предыдущей; леса разрежены, полны разнообразных деревьев, но не так ароматны, потому что климат более северный и холодный. Мы видели там много созданий, произошедших от природы, которые поднимаются и обвиваются вокруг деревьев, как это привычно бывает в Цизальпинской Галлии³. Если бы их обрабатывали фермеры с идеальным уходом, без сомнения, они произвели бы отличные вина, потому что несколько раз их плоды, зрея на них, становятся мягкими и сладкими, не такими, как у нас. Мы нашли дикие розы, фиалки и лилии, а также множество видов ароматных трав и цветов, отличающихся от наших.

¹ Мы обозначили Прибытие (*Annunciatam*) в честь дня Прибытия, что находится на узком перешейке протяженностью около одной мили и протяженностью примерно 200 миль [вставка продолжается на оборотной стороне последнего листа рукописи], на котором с корабля можно было видеть море, лежащее между западом [изменено с l'oriente] и севером. Это, без сомнения, то место, которое окружает края Индии, Китая и Каята. Мы продолжали плавать вдоль этого перешейка, надеясь обнаружить какой-нибудь пролив [слово «конец» перечёркнуто после «пролив», или же мыс, на котором заканчивается земля на севере, чтобы проникнуть в те счастливые берега Каята. Этому перешейку дал имя изобретатель **Верразанно**: таким образом, **вся открытая земля** была названа в честь нашего короля **Франциска**.

² Имеется в виду «Испанский Мох»

³ Цизальпинская Галлия – территория между рекой Рубикон, Альпами и Апенниннами (совр. территория Франции и Италии)

Жилища аборигенов мы не изучили, так как они находятся далеко от побережья. По многочисленным признакам, которые мы видим, они, вероятно, сделаны из дерева и травы; по различным предположениям и знакам, многие из них спят на открытом воздухе, не имеют ничего в качестве покрывала, кроме неба. Ничего ещё о них мы не знаем. Мы предполагаем, что все остальные живут на земле таким же образом, как жители предыдущей земли.

После 3 дней пребывания в этом месте мы отчалили, решив идти вдоль побережья, на северо-северо-восток¹, плавая только днём и становясь на якорь ночью².

На расстоянии 100 миль мы обнаружили очень привлекательное место, расположенное между двумя выступающими холмами, между которыми протекала к морю большая река, которая у устья была глубокой, а от моря до вершины – с увеличением уровня воды, мы обнаружили 8 футов, где каждый грузовой корабль мог бы пройти. Чтобы пришвартоваться у берега в безопасном месте, мы не хотели рисковать без предварительного исследования устья. Мы подошли на лодке к суше, которая оказалась очень населённой. Люди почти такие же, как и другие, одеты в перья разноцветных птиц, радостно приходили к нам, выкрикивая громкие

восклицания удивления и указывая, где мы могли бы безопасно причалить с лодкой. Мы вошли в эту реку, примерно в полумиле внутрь земли, где увидели прекрасное озеро протяженностью около 3 миль.

В то время как мы плыли, множество их лодок, примерно 30, начали приближаться с обеих сторон, их было бесчисленное множество людей, переправляющихся с одной земли на другую, чтобы увидеть нас. Внезапно, как это часто бывает при плавании, поднялся встречный ветер с моря, и нам пришлось вернуться к кораблю, покидая ту землю с большим сожалением из-за её удобства и привлекательности, надеясь, что она, возможно, содержит ценные минералы³. Почти сразу после поднятия якоря мы направились обратно на восток, так как земля склонялась в том направлении, и мы продолжали плавание на расстоянии 80 морских миль рядом с ней. Мы обнаружили остров в форме треугольника, отдалённый от континента на 10 морских миль, размером с о. Родос⁴, полный холмов, покрытых лесами и очень населённых, везде на берегу мы видели много костров. Мы назвали его в честь вашей прославленной матери, не заходя туда из-за неблагоприятных погодных условий⁵, не высказываясь на него из-за плохой погоды⁶.

Мы достигли другой земли, удалённой от острова на 15 морских миль. Там мы обнаружили прекрасный порт, и прежде чем мы вошли в него, увидели около 20 лодок с людьми, которые подходили к нашему кораблю с разными возгласами и удивлением. Они не приближались ближе, чем на 50 шагов, остановившись, чтобы рассмотреть наш корабль, наши лица и нашу одежду; затем все вместе издали подняли громкий крик, означающий радость. Мы успокоили их и начали имитировать их жесты, после чего они приблизились настолько, что мы могли под-

¹ Мы назвали это место Аркадией из-за красоты деревьев. В Аркадии мы встретили мужчину, который подходил к берегу, чтобы увидеть, кто мы такие, и был напуган. Когда он смотрел на нас, он не давал нам подойти ближе. Он был красив, обнажён, с завязанными узлом волосами, оливкового цвета кожи. Мы были примерно в 20 милях от берега, и, приманив его, мы подошли на 2 фута ближе, и он показал нам горящее дерево, как будто предлагая нам огонь. Мы сделали огонь из порошка и фитиля, и он сильно испугался, и мы выстрелили пистолетом. Он остался как ошеломленный и, кажется, молил как монах, указывая на небо, корабль и море, как будто благословляя нас.

² [Заметки на обороте последнего листа манускрипта.] Мы продолжаем идти по очень зелёному берегу с лесами, но без портов, с несколькими приятными мысами и мелкими реками. Мы назвали этот берег Лоренна (Лотарингия?) по имени Кардинала; первый мыс – Ланцоне, второй – Бониветто, самую большую реку – Вандома, и небольшой холм, который возвышается над морем – Сан-Поло, в честь графа.

³ Названо Ангулемом от княжества, которое ты (король Франциск – К.А.) получил раньше, которая делает эту землю святой Маргаритой от имени твоей сестры, которая превосходит другие матроны своей целомудрием и умом.

⁴ Площадь острова Родос 1401,5 км

⁵ Алоизия (Aloysia).

⁶ *Drento* вычеркнуто после *Entrammo*.

кинуть им несколько звенящих колокольчиков, зеркал и различных украшений, которые они с улыбками взяли и безопасно вошли на корабль. Среди них было 2 короля, прекрасной фигуры и телосложения, описать которых трудно. Первый был примерно 40 лет, второй молод, около 24 лет, и их одежда была такова: старший носил на голом теле кожу диких оленей, красиво обработанную по манере дамасской ткани с различными узорами; голова была обнажена, волосы сзади завязаны различными повязками, на шее – широкая цепь, украшенная разноцветными камнями. Молодой был почти в том же одеянии.

Это наиболее красивый и благородный народ, которого мы встретили во время нашего путешествия. Они превосходят нас в росте, их кожа бронзового цвета, у некоторых более светлая, у других – светло-желтая. У них вытянутое лицо, длинные черные волосы, которыми они очень гордятся, их глаза чёрные и живые, их манеры мягкие и приятные, очень напоминающие древних. Что касается остальной части тела, я не буду утомлять Ваше Величество, оставляя все пропорции, которые присущи хорошо сложенному человеку. Их женщины обладают тем же очарованием и красотой; очень изящны, с милостивым взглядом и привлекательной внешностью, поведение и целомудрие в соответствии с женским обычаем, насколько это прилично человеческому существу; ходят обнажёнными, имея лишь кожу оленя, вышитую так же, как у мужчин, а некоторые на руках носят множество богатых шкур волков, оленей; голова обнажена с разнообразными украшениями из кос, висящими с каждой стороны груди. Некоторые имеют другие причёски, как это делают женщины в Египте и Сирии, и это имеют те, кто превосходит по возрасту и вступает в брак. Они носят разнообразные украшения в ушах, как это принято у восточных народов, как у мужчин, так и у женщин, из которых мы видели много латунных пластинок, которые они ценят выше золота. Цвет (*золота* – К.А.), который они не ценят; среди всех он считается у них самым ничтожным, при этом они ценят синий и красный.

Из наших подарков им особенно понравились колокольчики, голубые хрустальные камни и другие украшения для ушей и шеи. Они не оценили шёлковые и золотые ткани, также никакие другие материалы. Металл, – сталь и железо – вызвал у них удивление или интерес. Они оценивали только искусство, которое мы демонстрировали нашим оружием. То же самое было с зеркалами: они смотрели на них и тут же улыбались возвращали их. Они очень щедры, всё, что у них есть, они дарят.

Мы установили дружеские отношения с ними, и однажды, когда мы вошли в гавань на корабле, в то время как сильные ветры задерживали наш отплыт, они пришли к нашему кораблю в большом количестве на своих лодочках, окрашенные и наряженные разноцветными узорами на лицах, что являлось признаком радости. Они принесли с собой свои продукты и указали нам место, где нам следует остановиться для безопасности корабля в порту. Они сопровождали нас до тех пор, пока мы не бросили якорь.

Мы пробыли там 15 дней, восстанавливаясь от долгого плавания. К нам приходили люди каждый день, приводя своих жен и девушек. Они были очень любопытными, и когда они входили на наш корабль, они оставляли своих жен на лодках и оставались с нами на некоторое время. Несмотря на наши многочисленные просьбы и предложения дарить им различные вещи, они не хотели зайти на корабль. Многократно один из двух королей приходил с королевой и множеством придворных, чтобы посмотреть на корабль. Сначала он всегда останавливался на удалении 200 шагов от нас и отправлял лодку, чтобы известить о своём прибытии, говоря, что хочет прийти посмотреть на корабль, чтобы убедиться в своей безопасности. И как только они получали ответ от нас, они немедленно приходили и оставались некоторое время, чтобы рассмотреть всё внимательно. Однажды, услышав навязчивый гул от моряков, король отослал королеву со своими дамами на лёгкой лодке на островок, удалённый от нас на четверть морской лиги, чтобы отдохнуть. Он сам оставался на долгое

время, общаясь жестами и различными выражениями лица, изучая все предметы на корабле, особенно интересуясь¹ их свойствами, подражая нашим обычаям, пробуя нашу пищу. Затем, добродушно прощаясь с нами, он уходил.

Иногда, когда наш народ останавливался на острове рядом с кораблем на 2 или 3 дня по различным причинам, как это принято у моряков, он приходил со своими 8 придворными, наблюдая за нашими действиями и несколько раз спрашивая, не хотим ли мы остаться здесь на длительное время, предлагая нам всё, что у него есть. После этого, стреляя из лука, он устраивал со своими придворными различные игры, чтобы доставить нам удовольствие. Мы прошли через земли на расстоянии 5 или 6 лье, которые оказались такими же приятными, как можно описать, обильные во всех видах культуры: пшеница, вино, оливковое масло. Там простораются просторные равнины на 35 на 30 лье, открытые и лишённые препятствий в виде деревьев, настолько плодородные, что любое семя принесло бы в них отличные плоды.

Затем мы вошли в леса, которые являются непроходимыми для всех численных армий, их деревьями являются дубы, кипарисы и другие, неизвестные в нашей Европе. Мы нашли лукулловы яблоки², сливы и фундук, а также много разных фруктов, незнакомых нам. Там обитает огромное количество животных: олени, лань, косули и другие виды, которых они ловят с помощью петель и луков, являющихся их основным оружием. Стрелы у них очень превосходно сделаны³, с кончиками из различных режущих камней, таких, как сердолик, яшма, твердый мрамор и другие острые камни.

Они используют эти стрелы для рубки деревьев и создания своих лодок из одного ствола дерева, умело вырезанных внутри, в

которых могут удобно помещаться 14 или 15 человек. Весло у них короткое, расширенное на конце, и с его помощью они легко маневрируют на открытом море безо всякого опасения, с достаточной скоростью, сколько им нужно.

Продвигаясь дальше, мы увидели их жилища в форме круга, в диаметре от 14 до 15 шагов, построенные из деревянных полукругов, расположенных без какого-либо строительного порядка, покрытых тонко сделанными соломенными матами, чтобы защититься от дождя и ветра. Не сомневаюсь, что если бы у них был наш уровень мастерства, они строили бы величественные сооружения, ведь вся прибрежная линия моря усеяна различными камнями: лазури-тами, хрусталем и алебастром, и поэтому богата заливами и гаванями для кораблей. Они перемещают свои дома в другое место в зависимости от богатства местности и времени проживания в них. Подняв только крышу, они быстро строят другие жилища. Проживают они в каждой семье и роде в большом количестве, и в некоторых мы видели 25 и 30 человек. Их образ жизни подобен другим: они употребляют бобовые, которые выращивают в более упорядоченном порядке, следуя влиянию лунных фаз, восходу Плеяд и многим методам, переданным от древних, а также охотятся и занимаются рыбной ловлей. Они живут долго и редко подвергаются болезням; если их ранят, они сами лечат раны с помощью огня без применения лекарств. Их конец наступает с приходом старости. Мы считаем, что они близки друг другу, сострадательны и милосердны, проявляя во время несчастий большое сожаление, вспоминая о своем прежнем счастье. И когда родственники покидают этот мир, они используют сицилийский плач⁴, смешанный с песнями, который продолжается долгое время.

¹ Замена с *riguardando* to *domandando*.

² Похоже, что это вишня.

³ В данном контексте «*sollecitudine*» и «*pulchritudine*» – это, вероятно, латинские слова, а переведены они как «тревожность» и «красота» соответственно.

⁴ Сицилийский плач – это плач плакальщиц на Страстной неделе; полифонические песни Страстной недели – традиционное музыкальное наследие Сицилии.

Это то, что мы смогли узнать о них. Эта земля находится на параллели с Римом¹, в **40°2/3''**, но немного холоднее.

Побережье этой земли простирается с запада на восток. Вход в порт³ обращён на юг и составляет полмили, затем расширяется на восток и север на 12 миль, образуя просторный залив длиной примерно 20 миль. В нем находятся **5 островков**, очень плодородных и привлекательных, с высокими и большими деревьями, среди которых любые многочисленные флотилии могут спокойно укрыться без страха и от бурь, и от других неприятностей судьбы. Возвращаясь ко входу в порт на юге, по обеим сторонам находятся очаровательные холмы с множеством ручьёв, из которых прозрачная вода течёт с высоты к морю. В середине входа в бухту есть скала из натурального камня, сотворённая природой, подходящая для строительства любых механизмов или укреплений для охраны этого места⁴. После того как мы восстановились и пополнили все необходимое, **6 мая** мы отправились из указанной гавани, продолжая плыть вдоль берега, никогда не теряя его из виду. Проплыли 150 морских лье⁵ и обнаружили землю с той же природой, но немного более высокую, с некоторыми горами⁶, которые, казалось, состоят из минералов. Мы не останавливались там из-за благоприятной погоды и необходимости двигаться вдоль берега. Предполагаем, что и другая часть берега подобна. Берег протягивался на восток. Проплыв около 50 лье, держась ближе к северу, мы обнаружили высокую землю, по-

крытую густыми лесами, в которых деревья состоят из елей, пихт и других пород, характерных для холодных регионов.

Местные жители сильно отличались от всех предыдущих наших знакомцев: грубы и полны пороков, столь дики, что никакого общения с ними мы не смогли установить, несмотря на все призывы и жесты. Они одевались в шкуры медведя, морского волка и других животных. По тому, что мы могли узнать, исходя из наших многократных посещений их жилищ, мы предполагаем, что их пропитание состоит из охоты, рыбной ловли и некоторых корнеплодов, которые земля производит сама по себе. У них нет бобовых, и мы не видели никаких признаков сельского хозяйства, и даже если бы земля и была плодородной, она не была бы способна производить плодов или семян. Если мы когда-либо и обменивались с ними какими-либо предметами, то они приходили к берегу моря на специальные камни, где оно разбивалось сильнее, и стоя у нашей лодки, прикрепляли к ней веревку, чтобы передать нам свои вещи, постоянно крича нам не приближаться к берегу, и, сразу же производили обмен, они получали только ножи, крючки для рыбалки и острые металлические предметы. Они не ценили никакой благовоспитанности, и когда у них больше не оставалось ничего для обмена, они уходили, исполняя все действия по показу презрения и неприязни, которые только может сделать уродливое создание⁷.

Мы (25 вооружённых мужчин) заходили против их воли примерно на 2-3 мили вглубь материка, а когда мы спускались к берегу, то они стреляли в нас из своих луков, издавая громкие крики, а затем бежали в лес. В этой земле мы не обнаружили никаких признаков жизни, за исключением огромных лесов и некоторых холмов, возможно, содержащих какие-то металлы, так как мы видели у них в ушах кресты из меди. Мы продолжили двигаться вдоль берега между востоком и севером, где нашли более красивую, открытую и безлесистую местность с высокими горами

¹ Рим находится на 40,895 с. ш. и 12,48 в.д.

² Координаты 40,67 с.ш. и 73°з.д. – это Лонг Айленд (Long Island, NY)

³ Рефугио (Refugio).

⁴ Живой Камень (La Petra Viva); справа от этой морской гавани есть мыс – мыс Юпитера (promontorio Jovium).

⁵ Во время плавания мы обнаружили мелководье, которое простиралось от материка в море на расстояние 50 морских миль. Над ним было всего лишь 3 фута воды, что представляло большую опасность для плавания. Мы с трудом преодолели это и назвали его 'Меловыми Банками'. Проходя с трудом, мы окрестили его имя «Армеллини» (Armellini).

⁶ С выдающимся мысом, который мы называем «Паллавизино» (Pallavisino)

⁷ Один показывал свою задницу, а другие остальные смеялись.

внутри земли, уменьшающимися к берегу моря. На расстоянии 50 лье обнаружили **32** острова¹, все близко к континенту, маленькие и с приятным видом, с высокими и склоняющимися к морю формами, среди которых образовались красивые порты и каналы, подобные тем, что есть в Адриатическом море у Иллирии и Далмации.

Мы не имели никакого общения с местными жителями и предполагаем, что они, как и другие, отличаются своими обычаями и природой. Плавая между югом и севером на протяжении 150 морских миль, мы приблизились к земле, которую они называют **Британией, расположенной на 50-м градусе**². Используя все запасы нашего корабля и припасы, а также открыв более 600 морских миль новой земли и пополнив запасы водой и дровами, мы решили вернуться во Францию.

Что касается веры этих народов, мы не смогли понять из-за языкового барьера и отсутствия знаков или жестов. Мы не обнаружили у них веры в какого-либо бога или первопричину, они не поклонялись небу, звездам, солнцу, луне или другим планетам, не было у них также признаков идолопоклонства или жертвоприношений. Мы также не заметили у них храмов или церквей для молитвы в их поселениях. Мы полагаем, что у них нет никакой веры и они живут в своей собственной свободе, и всё происходит из-за невежества. Они очень легко убеждаются и повторяют всё, что видят у нас, христиан, касательно богослужения, с такой же рвением и страстностью, как у нас.

Позвольте мне рассказать Вам о порядке данного путешествия с точки зрения космографии. Как я уже упоминал, отправившись от вышеупомянутых скал, которые находятся в крайнем западе, известном древним и описанном как **Острова Удачи**³ на меридиане,

который проходит через это место, на высоте 32 (северной широты – К.А.) от экватора в нашем полушарии⁴, мы плыли на запад до тех пор, пока не обнаружили первую землю⁵. Мы прошли 1100 морских миль, что равняется 4800 милям, вычисляя 4 мили на 1 морскую милю, как принято среди моряков. Геометрически соблюдалась пропорция в 3 раза больше диаметра к окружности, равной 92 ^{54164/472733} градуса.

Согласно тому, что длина дуги максимальной окружности составляет 114 ^{6/11}, градусов, длина дуги параллели, где мы обнаружили первую землю, при той же пропорции составляет **95** ^{233/450} **градусов**, тогда общая длина окружности составит 300 ^{713/1575} градусов. Принимая за каждый градус расстояние в 62 ^{1/2} морской мили, получаем 18759 ^{31/126} морских миль, которые разделены на 360 частей, что составит 52 ^{989/9072} морских миль на каждый градус. Таким образом, один градус долготы на параллели 34 градуса (северной широты – К.А.) составляет такую же длину, которую мы вычислили прямой линией от меридиана указанных скал, находящихся на 32 градусе (северной широты – К.А.). Из-за этого мы обнаружили расстояние в 1200 морских миль прямой линии на 34° от запада к востоку, что составляет **92** ^{54164/472773} **градуса**.

Мы плавали так далеко на запад, как неизвестно было древним на данной параллели 34°. Это расстояние до нас было известно нам по долготе с помощью различных навигационных инструментов⁶, проводя наблюдения без лунных затмений или других аспектов, всегда фиксируя высоту солнца в любое вре-

¹ Среди которых три основных мы назвали III-я Дочь Наварры (Le III Figlie di Navarra).

² На 50° с. ш. и 56,7° з. д. расположен о. Ньюфаундленд (Island Newfoundland, Canada) – К.А.

³ Острова Удачи – Канарские острова, которые во времена Римской Империи назывались *Fortunatae Insulae* (лат.), но они расположены на 28° с.д., а не на 32° с.д. – К.А.

⁴ 32° с.ш. 16° з.д. – это архипелаг Мадейра (Madeira, Portugal).

⁵ Это был Мыс Страха (Cape Fear, North Carolina, USA), расположенный на 33,8° с.ш. и 77,96° з.д. – К.А.

⁶ Clipsis – это выражение, которое, кажется, описывает практику древней транскрипции, когда «clipsi» (или «clipsis») использовались для заполнения пробела, оставленного писцом для неразборчивого слова. Другими словами, когда писец сталкивался со словом, которое не мог разобрать или прочесть, он оставлял пробел и позднее добавлял символ или сокращение, известное как «clipsis», чтобы указать, что слово было неясным или неразборчивым.

мя по разнице между двумя горизонтами, по которым движется судно. Геометрически был известен интервал между одним меридианом и другим, как я подробно указал в своей книге, вместе с изменением уровня моря в любом климате в любое время и в любое время суток, что, по нашему мнению, будет полезным для мореплавателей.

Надеюсь, что в теории смогу это улучшить с Вашим Величеством. Моей целью было достичь в этом путешествии Китая и крайнего востока Азии, не предполагая обнаружить такое препятствие в виде новой земли, какое я обнаружил; и если я и думал обнаружить что-то подобное, то полагал, что будет какой-то пролив, чтобы проникнуть в Восточный Океан. Это мнение было распространено у всех древних, которые, несомненно, считали, что наш Западный Океан и Восточный Океан Индии являются одним, без каких-либо препятствий в виде земли между ними.

Аристотель утверждал, используя различные аналогии, что **земля, которая неизвестна древним** и представляет собой другой мир по сравнению с тем, который был им известен, явно **оказывается больше нашей Европы, Африки и почти Азии**, если мы верно рассматриваем ее величину; о чем я немного поговорю с Вашим Величеством. За экватором, на расстоянии от меридиана **Островов Удачи** на запад градусы **20°^{32060/4781}** (северной широты – К.А.), **испанцы**¹ плавали **на юг до 54°** (южной широты – К.А.)², где они обнаружили бескрайнюю землю (Южная Америка – К.А.). Потом, возвращаясь на север по этому меридиану, они (испанцы – К.А.) плыли вдоль берега до восьми градусов. Они продолжали плавание на **градусах 89°^{2970/46781}**, и когда достигли **градусов 20°^{32060/467813}**, общее расстояние составило градусы **110°^{44830/46783}**. И они плыли от меридиана **Островов Удачи** на запад, **вдоль параллели 21°** (с. ш. – К.А.). Это расстояние нами не было опробовано,

так как мы не осуществляли такого путешествия; оно может незначительно измениться в большую или меньшую сторону. Мы геометрически рассчитали его по сведениям многих опытных моряков, которые часто совершали это путешествие и утверждают, что оно составляет **1600 миль**, исходя из расчетов по скорости корабля и постоянству ветра во время постоянного плавания. Надеюсь, что вскоре мы получим определенность⁴ с наилучшей уверенностью⁵. С другой стороны, в этом путешествии, осуществленном по приказу Вашего Величества, **за 92°** (западной долготы – К.А.) и т.д. **от указанного меридиана на запад** мы обнаружили **первую землю на широте 34°** (северной широты – К.А.)⁶ и продолжали плавание на 300 миль между востоком и севером и почти на 400 миль в сторону востока, приближаясь к берегам земли на **широте 54°**⁷ (северной широты – К.А.), оставляя ту землю, которую более давно обнаружили **лузитанцы** (т.е. португальцы – К.А.), которые двигались на север до Арктического круга, оставив конечный пункт неизвестным. Таким образом, объединив северную и южную широты – в данном случае 54° и 66°, – получим 120°, что больше, чем широта Африки и Европы. Когда мы соединим край Европы, который находится на **71° с.ш.**, с крайней точкой Африки, это мыс Доброй Надежды, который находится на **35° ю.ш.**, мы получим только 106°. Если учесть, что местоположение земли на этом участке суши соответствует прибрежным водам, то без сомнения можно сказать, что площадь Азии превышает эту величину. Таким образом, мы приходим к выводу, что земной шар намного больше, чем предполагали древние, и этот вывод противоречит мнению математиков, которые считали его минимальным в отношении воды. Это опровергается опытом, который мы наблюдаем.

И что касается пространства тела, мы считаем, что земля, так же, как и вода, обладает этим пространством, и я надеюсь, что в настоящее время смогу показать Вашему Вели-

¹ Это касается Магеланна (Magalane).

² 54° – Архипелаг Огненной Земли (*Tierra del Fuego*) у Южной оконечности Южной Америки – стык между Атлантическим океаном и Тихим океаном – К.А.

³ 20° с.ш. и 89° з.д. – полуостров Юкатан (*Yucatán*) около г. Кампече (Campeche, Mexico).

⁴ Не другие.

⁵ С благословением мест.

⁶ Земля рядом с Темиститаном (Temistitan).

⁷ На 54° с.ш. находится о. Ньюфаундленд, Канада – К.А.

честву это более чётко и на более обоснованных и проверенных аргументах.

Вся эта земля, или Новый Мир, о котором мы рассказали выше, не примыкает ни к Азии, ни к Африке, что мы знаем с уверенностью. Она могла бы примыкать к Европе с Норвегией и Россией, что было бы ложью согласно древним, которые утверждали, что от **Кимврского мыса** (Ютландия, Дания – К.А.¹) практически вся северная часть земли была покрыта путешествиями на восток, окружая и дойдя до Каспийского моря. Значит, она была бы закрыта двумя морями – Восточным

и Западным², и одно из них – море России, накрывает другое. Потому что за широтой 54° (северной широты – К.А.) от экватора на юг идёт на восток долгий путь, а от севера, пройдя **широту 66°**, она движется восточнее и достигает **широты 70°** (северной широты – К.А.).

Надеюсь, при помощи Вашего Величества, мы получим более точные сведения, которые Всемогущий Бог поможет сделать известными на протяжении долгих лет, чтобы завершить эту нашу космографию и чтобы исполнилось святое слово Евангелия "Вся земля наполнилась их проповедью".

На корабле "Дофин" 8 июля 1524 г.
Смиранный слуга Джованни Верразано
Для купцов в Лионе – Леонардо Тедадьди или Томазо Сартини.
Передайте это Бонакорсо Русцеллаю

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашрафьян К. Э. Испанская колонизация Флориды в первой четверти XVI века: методы, особенности, причины неудачи: дис. ... канд. исторических наук. Мытищи, 2022. 341 с.
2. Ивонин Ю. Е. Карл V Габсбург // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 46–65.
3. Копелев Д. Н. Раздел Океана в XVI–XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2013. 736 с.
4. Кофман А. Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб.: Крига, 2017. 1032 с.
5. Ashrafyan K. E. "Silver Age of Piracy": French pirates in Atlantic in first third XVI century // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 4. P. 232–239.
6. Achaeva M. S., Koroleva N. E., Pospelova N. V. Interrupted game of England and French Huguenots on the chessboard // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25. № Extra 10. P. 242–252.
7. Butzer K. W. The Americas before and after 1492: An Introduction to Current Geographical Research // Annals of the Association of American Geographers. 1992. Vol. 82. № 3. P. 345–368.
8. Codignola L. Another Look at Verrazzano's Voyage, 1524 // Acadensis. 1999. № 29. P. 29–42.
9. Jones E. T. Alwyn Ruddock: John Cabot and the Discovery of America // Historical Research. 2007. № 81. P. 224–254.
10. Milanich J. T. Florida Indians and the Invasion from Europe. Gainesville: University Press of Florida, 1995. 290 p.
11. Salas R. S. Los piratas franceses en América: la respuesta española en el siglo XVI // Credencial Historia. 1997. № 89. P. 1–10.
12. Peck D. T. Lucas Vázquez de Ayllón's Doomed Colony of San Miguel de Gualdape // The Georgia Historical Quarterly. 2001. № 85. P. 183–198.
13. Worth J. E. Discovering Florida: First-Contact Narratives from Spanish Expeditions along the Lower Gulf Coast. Gainesville: University Press of Florida, 2016. 344 p.
14. Wroth L. C. Verrazzano G. da Pierpont Morgan. The Voyages of Giovanni da Verrazzano 1524–1528. Published for the Pierpont Morgan Library by Yale University Press, 1970. 394 p.

¹ Кимврским мысом до XX века называли полуостров Ютландию – К.А.

² Под Восточным и Западным морями, очевидно, Д. Верразано подразумевает Тихий и Атлантический океаны – К.А.

REFERENCES

1. Ashrafyan K. E. *Ispanskaya kolonizatsiya Floridy v pervoy chetverti XVI veka: metody, osobennosti, osibki neudachi: dis. ... kand. istoricheskoye nauki* [Spanish colonization of Florida in the first quarter of the 16th century: methods, features, reasons for failure: Cand. Sci thesis in Historical sciences]. Mytishchi, 2022. 341 p.
2. Ivonin Yu. E. [Charles V Habsburg]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 2007, no. 10, pp. 46–65.
3. Kopelev D. N. *Razdel Okeana v XVI–XVIII vekakh: Istoki i evolyutsiya piratstva* [Division of the Ocean in the 16th–18th centuries: Origins and evolution of piracy]. St. Petersburg, Kruga Publ., 2013. 736 p.
4. Kofman A. F. *Pod pokrovitelstvom Santyago. Ispanskoye zavoyevaniye Ameriki i sud'ba znamenitikh konkistadorov* [Under the auspices of Santiago. The Spanish conquest of America and the fate of the famous conquistadors]. St. Petersburg, Kruga Publ., 2017. 1032 p.
5. Ashrafyan K. E. "Silver Age of Piracy": French pirates in Atlantic in first third XVI century. In: *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2020, vol. 9, no. 4, pp. 232–239.
6. Achaeva M. S., Koroleva N. E., Pospelova N. V. Interrupted game of England and French Huguenots on the chessboard. In: *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 2020, vol. 25, no. Extra 10, pp. 242–252.
7. Butzer K. W. The Americas before and after 1492: An Introduction to Current Geographical Research. In: *Annals of the Association of American Geographers*, 1992, vol. 82, no. 3, pp. 345–368.
8. Codignola L. Another Look at Verrazzano's Voyage, 1524. In: *Acadiensis*, 1999, no. 29, pp. 29–42.
9. Jones E. T. Alwyn Ruddock: John Cabot and the Discovery of America. In: *Historical Research*, 2007, no. 81, pp. 224–254.
10. Milanich J. T. *Florida Indians and the Invasion from Europe*. Gainesville, University Press of Florida, 1995. 290 p.
11. Salas R. S. Los piratas franceses en América: la respuesta española en el siglo XVI. In: *Credencial Historia*, 1997, no. 89, pp. 1–10.
12. Peck D. T. Lucas Vásquez de Ayllón's Doomed Colony of San Miguel de Gualdape. In: *The Georgia Historical Quarterly*, 2001, no. 85, pp. 183–198.
13. Worth J. E. *Discovering Florida: First-Contact Narratives from Spanish Expeditions along the Lower Gulf Coast*. Gainesville, University Press of Florida, 2016. 344 p.
14. Wroth L. C. Verrazzano G. da Pierpont Morgan. *The Voyages of Giovanni da Verrazzano 1524–1528*. Published for the Pierpont Morgan Library by Yale University Press, 1970. 394 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ашрафьян Константин Эдуардович – кандидат исторических наук, независимый исследователь;
e-mail: kea6465@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin E. Ashrafyan – Cand. Sci. (History), Independent researcher;
e-mail: kea6465@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XVI веке. Часть 5. Начало французских притязаний на Новый Свет и продолжение освоения Флориды 1523–1525 гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 96–122.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-96-122

FOR CITATION

Ashrafyan K. E. Chronology of the discovery and development of Florida in the 16th century. Part 5. The beginning of the French claims to the New World and the continuation of the exploration of Florida 1520–1522. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 96–122.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-96-122

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-123-132

ПОЛИТИКА СИРИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х – 1991 ГГ.

Хазанов А. М.¹, Гасратян С. М.², Иерусалимская С. Ю.¹

¹ Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова
150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация

² Институт Востоковедения Российской академии наук
107031, г. Москва ул. Рождественка, д. 12/1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследование внешней политики Сирии во второй половине 1980-х – 1991 гг.

Процедура и методы. В работе применялись принципы объективности, научности и историзма. Были использованы проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы исследования.

Результаты. В результате исследования были сделаны выводы, что политика Сирии на рубеже 1980-х – 1990-х гг. претерпела серьёзные изменения по сравнению с предыдущими десятилетиями. В обозначенный временной период Сирия столкнулась с рядом проблем: изменение внешней политики СССР после прихода к власти М.С. Горбачёва, ослабление советской помощи Дамаску, изоляция правительства Х. Асада в арабском мире. Всё это повлекло за собой заметное ослабление позиций Сирии на Ближнем и Среднем Востоке.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в высших учебных заведениях при чтении общих курсов по новейшей истории стран Азии и Африки и истории международных отношений, проведении спецкурсов и спецсеминаров по истории внешней политики на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Сирия, внешняя политика, Лига арабских государств, распад СССР

SYRIA'S POLICY IN THE INTERNATIONAL ARENA IN THE SECOND HALF OF THE 1980S – 1991

A. Khazanov¹, S. Gasratyan², S. Ierusalimskaya¹

¹ P.G. Demidov Yaroslavl State University
ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl 150000, Russian Federation

² Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
ul. Rozhdestvenka 12/1, Moscow 107031, Russian Federation

Abstract

Aim. To study Syria's foreign policy in the second half of the 1980s – 1991.

Methodology. When working on the article, the principles of objectivity, scientificity and historicism were applied. To reveal the topic of the article, problem-chronological and comparative-historical research methods were used.

Results. As a result of the study, it was concluded that the policy of Syria at the turn of the 1980s – 1990s underwent major changes compared to the previous decades. During the designated time

period, Syria faced a number of problems: changes in the foreign policy of the USSR after M.S. Gorbachev came to power, the weakening of Soviet aid to Damascus, the isolation of the Assad government in the Arab world. All this entailed a noticeable weakening of Syria's position in the Near and Middle East.

Research implications. The results of the study can be used in higher educational institutions when teaching general courses on the modern history of Asian and African countries and the history of international relations, conducting special courses and special seminars on the history of foreign policy in the Middle East.

Keywords: Syria, foreign policy, League of Arab States, collapse of the USSR

Введение

Международная политика Сирии в 1980-е – начале 1990-х гг. была проанализирована с различной степенью детализации в ряде исследований отечественных [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8] и зарубежных [9; 10; 11; 12; 13] авторов. Они рассматривали проблемы, связанные с ослаблением роли Сирии в ближневосточном регионе, вопросы сирийско-советских, сирийско-израильских и сирийско-американских отношений, взаимодействие Дамаска с Лигой арабских государств и Организацией освобождения Палестины. Однако внешняя политика Сирии в указанные хронологические рамки ещё не была предметом комплексного изучения. Раскрыть данную тему поможет широкий круг исторических источников: международные договоры и соглашения, протоколы встреч на высшем уровне и другие дипломатические документы, выступления государственных деятелей, периодическая печать, воспоминания современников и участников событий¹.

Отношения Сирии и СССР в середине 1990-х гг.

В середине 1980-х гг. на международной арене Сирийская арабская республика (САР), как и в 1970 – начале 1980-х гг., продолжала ориентироваться на союз с СССР. С избранием 11 марта 1985 г. на пост генерального секретаря

ЦК КПСС М. С. Горбачёва наступает постепенное, на первых порах почти незаметное, охлаждение сирийско-советских отношений и одновременно усиливается зависимость Сирии от советской экономической и военно-политической поддержки.

В апреле 1987 г. состоялся официальный визит президента Сирии Х. Асада в Советский Союз. В совместном советско-сирийском заявлении отмечался плодотворный характер экономического, торгового и научно-технического сотрудничества между обеими странами. Подчёркивалась важная роль военного сотрудничества между ними и содействие СССР в укреплении обороноспособности Сирии. Во время встречи президента Сирии Х. Асада с М. С. Горбачёвым руководители обеих стран отметили необходимость политического урегулирования ближневосточного конфликта, «которое только и может привести к действительно справедливому и всестороннему преодолению кризиса» [2, с. 210–211].

Следует, однако, отметить, что, ориентируясь в этот период в целом на Советский Союз, Сирия рассматривала этот курс и как средство встречного нажима на США с целью добиться от них учёта роли и интересов Дамаска в регионе. В то же время руководство САР стремилось сохранить определённую дистанцию от советской позиции в подходе к ряду региональных проблем, таких, как отношение к Организации Освобождения Палестины (ООП) и развитие ливанского конфликта [6, с. 291].

¹ Foreign broadcast information service. Near East / South Asia. May 17, 1990; Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. М.: Политиздат, 1988. 576 с.; Яковлев А. Н. О мут памяти. М.: Вагриус, 2000. 604 с.; и др.

Сирия и Египет

В конце 1980-х гг. внешняя политика Сирии на Ближнем и Среднем Востоке столкнулась с рядом проблем. Остракизм, которому был подвергнут Египет в арабском мире и который Х. Асад старался усилить, не мог быть длительным ввиду политической и военной мощи, культурного влияния и демографической значимости Египта. В Каир один за другим и каждый по своим причинам стали наведываться лидеры палестинцев, Иордании, Ирака и Саудовской Аравии. В ноябре 1987 г. Лига арабских государств (ЛАГ) приняла резолюцию, разрешающую государствам – членам ЛАГ восстанавливать дипотношения с Египтом [9, р. 278].

Фактически Египту простили сепаратный мир с Израилем, и Сирия снова оказалась в меньшинстве. Попытки Сирии перетянуть ООП, Ливан, Иорданию на свою сторону были не более успешными, чем кампания по изоляции Египта. Иордания заключила прочный союз с Ираком – главным арабским врагом Сирии. Ливан вопреки планам Сирии всё больше погружался в хаос, палестинцы упорно сопротивлялись усилиям Сирии контролировать их.

Сирия и ирано-иракская война 1980–1988 гг.

В ирано-иракской войне 1980–1988 гг. Ирак поддерживали большинство арабских стран. Закономерно, что сирийская поддержка Ирана вызвала крайнее недовольство Саудовской Аравии и других государств Персидского залива, которые резко сократили финансовую помощь, которую они обязались предоставлять Сирии как прифронтовому государству после подписания египетско-израильского мирного договора в 1979 г. Когда в 1988 г. истёк срок действия соглашения о помощи Сирии, страны-доноры не возобновили его. Ирано-иракская война имела и другие негативные последствия для Си-

рии. Условия, на которых она была прекращена, позволяли Ираку претендовать на звание победителя. До этого в течение почти 10 лет, когда продолжались ирано-иракские военные действия, лидер Ирака Саддам Хусейн, в определённой мере оппонент Хафеза Асада, был всецело занят войной и не представлял никакой угрозы для влияния Сирии в регионе [11].

Теперь С. Хусейн появился на ближневосточной сцене как герой всего арабского мира. Имея огромные нефтяные ресурсы, относительно развитые технологические и человеческие ресурсы, сильную армию, Ирак в то время представлялся большинству арабских стран в роли основного противника Израиля и главного борца за дело арабов. Разумеется, это нанесло сильный удар по престижу Сирии, которая сама претендовала на эту роль. Более того, для того, чтобы наказать Х. Асада за поддержку Ирана во время ирано-иракской войны, С. Хусейн вмешался во внутренние дела Ливана, который Х. Асад считал своей сферой влияния. Иракский руководитель во многом в пику Асаду предложил помощь М. Ауны – лидеру маронитов, открыто выступавшему против сирийского присутствия. 14 марта 1989 г. генерал Аун публично провозгласил «Войну за освобождение» против сирийского присутствия в Ливане, но дело, по сути, свелось только к взаимным артиллерийским обстрелам, батареейной и контрбатареейной борьбе.

Сформировалась ось Египет – Иордания – Ирак – Северный Йемен. В результате Сирия оказалась в определённой изоляции среди арабского мира. Сирию, которую в силу её географического положения, называли «бьющимся сердцем арабизма», оказалась отрезанной от Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАПЗ), созданного в 1981 г., и Союза арабского Магриба (САМ) – двух арабских региональных блоков. Фактически единственными реальными союзниками Сирии в регионе оставались Иран и Ливия.

Усиление влияния Ирака в регионе и резкое понижение роли Сирии ярко высветил саммит Лиги арабских государств в Багдаде в мае 1990 г., на котором Х. Асад, единственный из лидеров арабского мира, отказался присутствовать [9, р. 279]. С Сирией стали сворачивать отношения ряд арабских стран. Длительная ориентация Сирии на СССР сделала её «парией» и изгоем в глазах НАТО.

Новое внешнеполитическое мышление М. С. Горбачёва, распад Варшавского блока и Сирия

Однако самым сильным ударом по позициям Сирии в регионе явились коренное изменение на рубеже 1980-х – 1990-х гг. внешнеполитического курса СССР и последующий распад Советского Союза, а также крах Варшавского блока. Всё это подорвало позиции Сирии на Ближнем и Среднем Востоке сильнее, чем какие-либо другие события в предшествующие десятилетия.

Сирия больше, чем какая-либо другая страна на Ближнем и Среднем Востоке, пострадала от распада СССР и перехода стран Восточной Европы в капиталистический лагерь. Предчувствуя катастрофические последствия этих перемен для Сирии, Х. Асад в речи в мае 1990 г. предупредил, что «то, что грядёт, видимо, будет очень опасным и очень деструктивным. А те, кто не готовятся противостоять приближающимся смертельно опасным монстрам, будут уничтожены этими монстрами... В мире возникло нечто новое, что мы не должны игнорировать или не замечать»¹.

Фундаментальные изменения в советской глобальной и региональной политике на международной арене, произошедшие при М. С. Горбачёве, серьёзно подорвали позиции Сирии как регионального центра силы. Хотя Москва и Дамаск утверждали, что их дружба имеет прочную основу, Советский Союз

недвусмысленно давал понять, что отношения фундаментально изменились и что его поддержка Сирии будет сильно ограничена.

Вот как характеризует внешнеполитическую деятельность Горбачёва близко его знавший «идеолог перестройки» А. Н. Яковлев: «Если во внутренних делах ощущалась какая-то неуверенность и определённая зашоренность, то в международной деятельности Горбачёв был убедителен, раскован и смел. Надо отдать ему должное, он сумел, в отличие от некоторых политиков Запада, быстро задушить в себе накопившиеся усилиями обеих сторон предрассудки и, не оглядываясь, пошёл к намеченной цели – покончить с ядерной конфронтацией и холодной войной.

Могу засвидетельствовать, что переговоры, которые он вёл на моих глазах, отличались высоким профессионализмом и политической ответственностью. Единственное, на мой взгляд, в чём можно упрекнуть всех нас, так это в неумении торговаться в экономических делах, точно просчитывать, что чего стоит, в некоторой торопливости и излишней доверчивости»².

Во время визита Х. Асада в Москву в апреле 1987 г. генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв заметил президенту Сирии, что не поддерживает абсолютно нереалистическое стремление Сирии достичь стратегического паритета с Израилем. Он также открыто потребовал от Х. Асада «искать политическое решение конфликта с Израилем», заметив при этом, что «ставка на военную силу в решении арабо-израильского конфликта полностью себя дискредитировала» [10, р. 92].

В своей речи на обеде в Кремле в честь Х. Асада М. С. Горбачёв отметил: «В последнее время много говорят об отношениях между Советским Союзом и Израилем, причём нагромождается

¹ Foreign broadcast information service. Near East / South Asia. May 17, 1990. P. 27–28.

² Яковлев А. Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2000. С. 474.

масса небылиц. Скажу прямо: нельзя считать нормальным отсутствие таких отношений»¹. Эта позиция Москвы многократно подтверждалась на уровне Министерства иностранных дел СССР. В феврале 1989 г. советский министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, выступая в Каире, упрекал стороны, вовлечённые в ближневосточный конфликт, за их утопические идеи и гипертрофированные эмоции. Заметив, что «Ближний Восток – это музей потерянных цивилизаций», он предупредил, что если не будет найдено мирное решение конфликта и не прекратится гонка вооружений в регионе, «будущие археологи найдут здесь лишь ещё один слой похороненной цивилизации». В то время как весь остальной мир быстро меняется, подчеркнул Э. А. Шеварднадзе, на Ближнем Востоке «многие думают, как и прежде, что всё можно решать с помощью оружия»².

В 1980-е гг. Сирия во многом зависела от поставок вооружения Советским Союзом. С 1982 по 1989 гг. она получила советской военной помощи на 14 млрд долл. Её репутация как сильной региональной державы основывалась прежде всего на поставках вооружения из СССР и определяющей роли стран Варшавского договора в развитии сирийского ВПК. В связи с этим предупреждение Москвы, что она может ограничить поставки вооружения или потребовать полного немедленного финансового возмещения его стоимости, вызвало глубокую тревогу в Дамаске.

В сентябре 1989 г. советский посол в Дамаске заявил на пресс-конференции, что просьбы Сирии о военной помощи на следующие 5 лет будут «критически рассмотрены» и что «изменения будут в пользу сокращения, так как возможности оплаты у сирийского правительства ограничены». Он также указал, что в про-

шлом Сирия платила за это оружие «возможно, не в полном объёме»³.

Таким образом, Москва ясно дала понять, что она не поддержит стремление Сирии достичь стратегического военного паритета с Израилем. В то же время СССР поддержал доктрину «разумной оборонительной достаточности», Советский Союз, несмотря на некоторое уменьшение военной помощи, продолжил снабжать Сирию таким количеством вооружения, которое было необходимо, чтобы удержать Израиль от прямого нападения на территорию, контролируемую Дамаском. Москва также дала понять, что не поддержит попытку Сирии вернуть Голанские высоты с помощью военной акции. Таким образом, на рубеже 1980-х – 1990-х гг. военная помощь Сирии со стороны Советского Союза сократилась.

Большое беспокойство в Дамаске вызывало также то обстоятельство, что правительство М. С. Горбачёва постепенно улучшало отношения с Израилем. Президент СССР утверждал, что Ближний Восток больше не будет зоной конфронтации сверхдержав и что Советский Союз может получить больше влияния в мире, если будет выступать как миротворец. Улучшение отношений с Израилем, по мнению М. С. Горбачёва, было необходимо как показатель новой внешнеполитической концепции СССР.

Вследствие указанной позиции Москвы произошли многочисленные контакты на высоком уровне между Советским Союзом и Израилем. В феврале 1989 г. в Каире встретились министр иностранных дел Советского Союза Э. А. Шеварднадзе и израильский министр иностранных дел М. Аренс. В сентябре 1990 г. состоялась аудиенция президента СССР М. С. Горбачёва с израильскими министрами финансов и науки в Москве. В декабре 1990 г. Шеварднадзе встречался в Вашингтоне с премьер-министром Израиля И. Шамиром. В сентя-

¹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. М.: Политиздат, 1988. С. 42.

² FBIS: NESA. 1989. February 24. P. 12–19.

³ Boston Globe. 1989. September 19.

бре 1990 г. Москва согласилась восстановить консульские связи. В октябре 1991 г. были восстановлены полные дипломатические отношения между Москвой и Тель-Авивом, прерванные в июне 1967 г. в связи с началом Израилем Шестидневной войны против арабских государств.

Неприятным сюрпризом для режима Х. Асада было также снятие Москвой ограничений на эмиграцию советских граждан, результатом чего стал массовый приток советских евреев в Израиль. В 1988 г. в Израиль прибыли 2 300 евреев из СССР, в 1990 г. – 181 000 и в последующие 3 года – приблизительно 400 000 [9, р. 281].

Крах социалистического блока в Восточной Европе также имел далеко идущие последствия для Сирии. Начиная с середины 1950-х гг., восточноевропейские социалистические государства оказывали поддержку арабскому делу, предоставляя арабам вооружение, дипломатическую, военную, экономическую и техническую помощь. Образование многопартийных «демократий» в Восточной Европе сопровождалось требованиями Запада и многочисленных прозападных активистов в бывших странах социалистического лагеря отказаться от дружбы этих государств с прежними союзниками на Ближнем Востоке.

Все восточноевропейские государства восстановили дипотношения с Израилем, прерванные вместе с СССР в 1967 г. Х. Асад в своей речи в марте 1990 г., посвящённой очередной годовщине баасистской революции, отметил, что «из всех государств мира Израиль больше всех выиграл от изменений, произошедших в международной обстановке». «Сионисты, – подчеркнул он, – активны всюду». Если бы кто-нибудь 10 лет назад предсказал, что Израиль достигнет такого успеха в странах социалистического блока, «мы бы очень удивились и категорически отвергли бы такую возможность. Как отличается сегодняшняя ситуация от

вчерашней»¹, – с сожалением констатировал Х. Асад.

Изменение политики Х. Асада

В конце 1980-х гг. почти полная изоляция Сирии в арабском мире и сомнения в надёжности советской поддержки заставили Х. Асада пересмотреть свою политику. Первым важным результатом этого пересмотра политики стало восстановление в конце 1989 г. дипломатических связей с Египтом. Х. Асад укрепил улучшение сирийско-египетских отношений, посетив в июле 1990 г. Каир впервые за 14 лет. Сближение Сирии и Египта означало восстановление старого геополитического блока 1960-х гг. внутри арабского мира. Тот факт, что это произошло в основном на условиях Египта, имел огромное значение и мог расцениваться в определенной мере как поражение внешней политики Х. Асада. Вместе с тем, сирийский президент показал готовность к поиску новых подходов к разрешению глобального противостояния с Израилем. Х. Асад рассчитывал, что сближение с Египтом усилит его позицию в мирном процессе и откроет возможность для улучшения отношений с США. Он также надеялся, что союз с Египтом уравновесит растущее влияние Ирака после окончания ирано-иракской войны.

24 ноября 1989 г. президентом Ливана был избран просирийский христианин Э. Храуи. В 1990 г. гражданская война в Ливане закончилась победой просирийских сил. 13 октября войска Сирии вошли в Восточный Бейрут. Сирийцы оказали Ливану большую помощь в деле стабилизации обстановки в стране после гражданской войны, став гарантами мира. Благодаря присутствию сирийских войск в Ливане была преодолена анархия и наведён порядок. Однако все сильнее проявляли себя негативные моменты.

Руководитель сирийских спецслужб в Ливане в 1982–2002 гг. генерал Г. Канаан

¹ FBIS: NESA. 09.03.1990. P. 34.

вмешивался в ливанские внутренние дела. Обладая большой силой воли, используя агентурные данные, умело воздействуя на финансовые интересы ряда депутатов ливанского парламента, сочетая дипломатические приёмы и военную мощь сирийской армии, он сумел добиться принятия выгодных для Дамаска решений.

Один из авторов этой статьи побывал в июле-августе 1995 г. в Ливане. Личные впечатления от Бейрута описаны в книге «В плену романтики Востока»: «С 1975 по начало 1991 г. в Ливане бушевала кровопролитная гражданская война, и в Бейруте шли уличные бои... Видел знаменитое место в районе Айн-Руммана, где 13 апреля 1975 г. фалангисты напали на автобус, в котором находились палестинцы и ливанцы. 27 пассажиров было убито. Именно это преступление явилось сигналом к началу гражданской войны в Ливане... Сейчас Западный Бейрут местами напоминает Сталинград после Сталинградского сражения. Его центр превращён в развалины. Множество зданий разрушено до основания, от других остались лишь каркасы или часть стены с зияющими оконными проёмами. Многие здания, словно оспой, изъедены пулевыми отверстиями. Жители некоторых домов замазали эти пробоины глиной. Бои шли, главным образом, в Западном Бейруте. Восточный (христианский) Бейрут пострадал меньше. Сейчас Бейрут зализывает раны... Скорее всего, так называемый триумф демократии в развивающемся мире вызовет социально-политические катаклизмы, после которых эти страны превратятся в некие гибриды авторитарных и демократических режимов с головой ангела и телом волка (так называемая либеральная автократия)» [7, с. 131–133].

Во время войны возглавляемой США коалиции против Ирака в 1991 г. Сирия выступила на стороне США. В результате этой акции отношения Сирии с США и с Западной Европой значительно улучшились. Одновременно Сирия сумела

преодолеть изоляцию в арабском мире и снова стать влиятельным игроком в регионе. После распада СССР и падения социалистических правительств в Восточной Европе, которые выступали главными спонсорами Сирии, у Х. Асада не осталось другой возможности, кроме как двигаться в сторону Запада.

Участие Сирии в антииракской коалиции в 1991 г. принесло определённые дивиденды. Во-первых, Х. Асад смог разгромить войска своего главного врага в Ливане – генерала М. Ауна и укрепить сирийское влияние в этой стране. Во-вторых, Сирия получила помощь от Союза арабских государств Персидского залива (САГПЗ) на 2 млрд долл. [9, р. 283]. В-третьих, не только Великобритания согласилась восстановить дипотношения с Сирией, но и Европейский Союз отменил экономические санкции, направленные против неё.

Президент США Дж. Буш-старший встретился с Х. Асадом в Женеве в ноябре 1990 г. Это была его первая встреча с президентом США за 13 лет. Госсекретарь США Бейкер стал частым визитёром в Дамаск, где он старался склонить Х. Асада к мирным переговорам с Израилем. 1 июня 1991 г. Буш направил письма в Сирию и в другие страны – участникам конфликта с предложением созвать мирную конференцию по Ближнему Востоку. 14 июня 1991 г., после 6 недель обсуждений и консультаций с Египтом, Саудовской Аравией, Иорданией и палестинцами, Асад охарактеризовал предложения США как «позитивные и конструктивные» и согласился на участие Сирии в международной мирной конференции и на прямые двусторонние переговоры с Израилем [9, р. 284].

Согласившись на эти предложения США, Х. Асад обнаружил дипломатическую гибкость и в решении ряда процедурных вопросов. Особенно важно то, что президент Сирии согласился на участие в международной мирной конференции под эгидой Организации Объ-

единённых Наций, хотя раньше он всегда выступал против участия ООН в переговорных мероприятиях по Ближнему Востоку. Фактически Х. Асад согласился на сепаратные и прямые двусторонние переговоры с Израилем под международной эгидой. Он сделал это главным образом потому, что считал, что США после войны с Ираком хотят добиться урегулирования многих проблем, включая проблему Голанских высот. Дж. Буш-старший заявил, выступая в Конгрессе США 6 марта 1991 г., что решение должно быть принято на основе Резолюций ООН №№ 242 и 338 [9, р. 284].

Асад пришёл к заключению, что после окончания холодной войны и распада Советского Союза все козырные карты оказались в руках Вашингтона. Он считал, что, не имея шансов вернуть Сирии Голанские высоты при помощи военной акции, он теперь получил возможность добиться этого при помощи дипломатии. В то же время он осознавал, что его отказ участвовать в мирной конференции не найдёт понимания у руководства США, Советского Союза, ЕС, Египта, стран ССАГПЗ и лишит Сирию тех бонусов, которые были приобретены в результате войны против Ирака 1991 г. В результате Х. Асад вступил в переговоры с Израилем, но они, как и следовало ожидать, оказались разговором «глухого с немым».

Заключение

Таким образом, приход к власти в СССР в 1985 г. М. С. Горбачёва, потепление в отношениях между СССР и Западом и начавшийся в Советском Союзе социально-экономический и общественно-политический кризис привели к постепенному свёртыванию сирийско-советских связей во всех сферах и уровнях. В результате произошло ускорение переориентации Сирии на союз с Ираном. Этот союз, а также острый конфликт с Ираком, в основе которого лежали межпартийные разногласия между сирийской и иракской частями партии БААС, отражавшие межконфессиональные противоречия (в Ираке власть принадлежала суннитскому меньшинству, составлявшему примерно 40% населения страны, а в Сирии лидер страны принадлежал к алавитам) привели к тому, что в 1991 г. сирийская армия выступила на стороне антииракской коалиции и приняла символическое участие в операции «Буря в пустыне» под эгидой США. Это, однако, не вылилось в радикальное изменение отношений с Западом, в т. ч. потому, что Сирия не смирилась с потерей Голанских высот и оставалась одним из основных региональных противников Израиля.

Дата поступления в редакцию 19.02.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов С. М., Акулов С. А. Сирийско-израильский конфликт: непройденный маршрут // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 3. С. 79–94.
2. Ахмедов В. М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М., 2010. 234 с.
3. Зверев К. А. Сирийская Арабская Республика в новейший период. История гражданских войн и правления семейства Асад // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 9-2. С. 110–114.
4. Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В. Государство Израиль = The State of Israel. М.: ИВ РАН, 2005. 559 с.
5. Кириченко В. П. Иран и Сирия: факторы сближения и сотрудничества // Россия и мусульманский мир. 2020. № 4. С. 75–84.
6. Пир-Будагова Э. П. История Сирии. XX век. М., 2015. 392 с.
7. Хазанов А. М. В плену романтики Востока. М.: Истоки, 2011. 215 с.
8. Хазанов А. М., Олимпиев А. Ю. Арабо-израильское противоборство. Взгляд историков. М.: Закон и право, 2020. 230 с.
9. Freedman R. The Middle East after Iraq's invasion of Kuwait. University Press of Florida, 1993. 394 p.

10. Karsh E. *The Soviet Union and Syria. The Assad years*. New York: Routledge, 1988. 125 p.
11. Kienle E. *Ba'th versus Ba'th. The conflict between Syria and Iraq. 1968–1989*. London, IB, Tauris, 1990. 238 p.
12. Maoz M. *Asad: The Sphinx of Damascus. A Political Biography*. New York: Grove Pr, 1990. 240 p.
13. Seale P. *Asad: The Struggle for the Middle East*. University of California Press, 1990. 572 p.

REFERENCES

1. Abramov S. M., Akulov S. A. [Syrian-Israeli conflict: route not traveled]. In: *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and social-educational idea], 2021, vol. 13, no. 3, pp. 79–94.
2. Akhmedov V. M. *Sovremennaya Siriya. Istoriya. Politika. Ekonomika* [Modern Syria. Story. Policy. Economy]. Moscow, 2010. 234 p.
3. Zverev K. A. [Syrian Arab Republic in the newest period. History of civil wars and the board of the Asad family]. In: *Aktualnyye nauchnyye issledovaniya v sovremennoy mire* [Current scientific research in the modern world], 2020, no. 9-2, pp. 110–114.
4. Zvyagelskaya I. D., Karasova T. A., Fedorchenko A. V. *Gosudarstvo Izrail* [The State of Israel]. Moscow, IV RAS Publ., 2005. 559 p.
5. Kirichenko V. P. [Iran and Syria: factors of rapprochement and cooperation]. In: *Rossiia i musul'manskiy mir* [Russia and the Moslem world], 2020, no. 4, pp. 75–84.
6. Pir-Budagova E. P. *Istoriya proizoshla. XX vek* [History of Syria. 20th century]. Moscow, 2015. 392 p.
7. Khazanov A. M. [Captured by the romance of the East]. Moscow, Istoki Publ., 2011. 215 p.
8. Khazanov A. M., Olimpiev A. Yu. *Arabo-izraelskoye protivoborstvo. Vzgl'yad istorikov* [Arab-Israeli confrontation. The view of historians]. Moscow, Zakon i pravo Publ., 2020. 230 p.
9. Freedman R. *The Middle East after Iraq's invasion of Kuwait*. University Press of Florida, 1993. 394 p.
10. Karsh E. *The Soviet Union and Syria. The Assad years*. New York, Routledge, 1988. 125 p.
11. Kienle E. *Ba'th versus Ba'th. The conflict between Syria and Iraq. 1968–1989*. London, IB, Tauris, 1990. 238 p.
12. Maoz M. *Asad: The Sphinx of Damascus. A Political Biography*. New York, Grove Pr, 1990. 240 p.
13. Seale P. *Asad: The Struggle for the Middle East*. University of California Press, 1990. 572 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хазанов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, ведущий научный сотрудник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;
e-mail: khazanov@wisc.edu

Гасратян Светлана Манвеловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук;
e-mail: gasratyan_svetlana@mail.ru

Иерусалимская Светлана Юрьевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatolny M. Khazanov – Dr. Sci. (History), Prof., Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, leading researcher, P.G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: khazanov@wisc.edu

Svetlana M. Gasratyan – Cand. Sci. (History), Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences;
e-mail: gasratyan_svetlana@mail.ru

Svetlana Yu. Ierusalimskaya – Dr. Sci. (History), Senior Researcher, P.G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: khazanov@wisc.edu

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хазанов А. М., Гасратян С. М., Иерусалимская С. Ю. Политика Сирии на международной арене во второй половине 1980-х – 1991 гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 123-132.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-123-132

FOR CITATION

Khazanov A. M., Gasratyan S. M., Ierusalimskaya S. Yu. Syria's policy in the international arena in the second half of the 1980s – 1991. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 123-132.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-123-132

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-133-141

«СПОНТАННЫЕ ПОРЯДКИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Ф. ХАЙЕКА

Рудь А. А.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. В статье анализируется концепция «спонтанных порядков» в обосновании индивидуалистической свободы австро-британским философом Фридрихом Августом фон Хайеком (1899–1992). На материале его ключевых политических и правовых сочинениях «Дорога к рабству», «Конституция свободы», «Право, законодательство и свобода» и нескольких статей был дан анализ причин использования философом индивидуализма в качестве методологической установки исследования социальных процессов.

Процедура и методы. Анализ концепции «спонтанных порядков» был выполнен в рамках контент-анализа и историко-системного метода.

Результаты. Показано, что в политическом дискурсе, которому дают общий ярлык «неолиберализм», существуют разные представления о либерализме. Главной особенностью варианта либеральной идеологии, предложенной Хайеком, являлось отрицание универсальных способов реформирования государственного аппарата. Также в его анализе присутствует отказ от сращивания законодательной и исполнительной власти в одной административной властной структуре. В этом тезисе показано, что никакой орган власти не может иметь абсолютную власть, т. к. он не способен владеть всей совокупностью знаний, которые находятся в обществе. В статье демонстрируется зависимость абстрактных общих прав и законов от восприятий в виде привычек индивидов, основанных на прошлом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлена ключевая особенность концепции «спонтанных порядков» Ф. А. Хайека в отличие от других представителей «неолиберального дискурса».

Ключевые слова: спонтанные порядки, политическая философия, интеллектуальная история, индивидуализм, либерализм, общее право

«SPONTANEOUS ORDER» IN THE POLITICAL PHILOSOPHY OF F. HAYEK

A. Rud*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishichi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the concept of “spontaneous orders” in substantiation of individualistic freedom by Austro-British philosopher Friedrich August von Hayek (1899–1992). Based on the material of his key political and legal writings “The Road to Serfdom”, “Constitution of Freedom”, “Law, Legislation and Freedom” and several articles, an analysis of the reasons for the philosopher’s use of individualism as a methodological setting for the study of social processes was given.

Methodology. The analysis of the concept of “spontaneous order” was carried out within the framework of content analysis and historical-system method.

Results. It is shown that there are different ideas about liberalism in political discourse, which is given the common label “neoliberalism”. The main feature of Hayek’s version of liberal ideology was the denial of universal ways of reforming the state apparatus. His analysis also contains the refusal to merge the legislative and executive powers in one administrative body of power. This thesis shows that no authority can have absolute power, as it is incapable of possessing the totality of knowledge that is in society. The article demonstrates the dependence of abstract general rights and laws on perceptions in the form of habits of individuals based on the past.

Research implications. A key feature of the concept of “spontaneous order” by F. A. Hayek in contrast to other representatives of “neoliberal discourse” has been revealed.

Keywords: spontaneous order, political philosophy, intellectual history, individualism, liberalism, general right

Введение

В российской науке образ Фридриха Хайека как мыслителя неолиберала, защищающего *lassiez faire*, до сих пор является одной из часто встречающихся заблуждений [4, с. 16]. Зачастую неолибералы XX в. рассматриваются как единый идейно-теоретический клуб под вывеской «Mont Pelerin» [8, р. 20–21]. Касательно общества «Mont Pelerin» можно утверждать, что группа учёных и философов была собрана как реакция на падение популярности либеральной идеи в мире. Их цель заключалась в выработке новых принципов либеральной политики и политического дискурса, начатых ещё с коллоквиума Липпмана. Однако единой философско-теоретической базы добиться не удалось, т. к. в силу различного опыта и политических представлений было разработано несколько различных идей, которые только на первый взгляд не отличаются друг от друга.

Л. Мизес, один из наставников Хайека, в книге «Либерализм» (1927 г.) изложил своё понимание идеальной политической системы как демократического механизма, основа которого ориентирована на защиту собственности. К. Поппер в книге «Открытое общество и его враги» (1945 г.) излагает идею открытого, демократического и плюралистического общества, где многочисленные интеллектуально-политические группы конкурируют друг с другом, тем самым не давая никому из них одержать власть над всеми. М. Поланьи в «Логике свободы»

(1951 г.) предложил идею «спонтанных порядков», в которых общество должно быть свободно от идеологических основ для беспрепятственного роста знаний, и, в первую очередь, научных. Любая идеологическая система, в т. ч. и научно-философская парадигма, способна уничтожить унаследованные знания при отсутствии конкуренции¹.

Хайек в течение второй половины своей творческой и научной жизни смог сформулировать оригинальный подход исследования общества как общества «рассеянного знания», сформировавшегося «спонтанным эволюционным путём». Концепция Хайека близка к концепции «спонтанного порядка» М. Поланьи. Первый сам признался, что они «отвечали по-разному, шли параллельно, но проблемы одинаковы»². Поланьи в своей книге, которую писал пару десятилетий, использовал «спонтанные порядки» в качестве аналогии для объяснения онтологической природы развития знаний и научных открытий. Хайек использовал его аналогию в качестве концепции, объясняющую эпистемологические корни эволюционного развития социальных явлений, идущих от правовых норм.

¹ Polanyi M. The logic of liberty / Abingdon: Routledge, 2002. P. 38

² UCLA a TEI Project. Interview of Friedrich von Hayek 1.16. Tape: Buchanan II. Side one. [Электронный ресурс]. URL: https://static.library.ucla.edu/oralhistory/text/masters/21198-zz0008zd21-4-master.html?_ga=2.100031710.1338262338.1695755480-683935518.1695755480#SessionBuchanan2a (дата обращения: 26.09.2023).

Таким образом, в обществе «Mont Pelerin» в результате многочисленных дискуссий актуализировались несколько способов обоснования «либеральной» свободы: суверенитет и демократия собственников; плюрализм с прямой демократической гласностью; эволюционно-правовой, опирающийся на идеи преемственности законов и прав, меняющиеся в процессе изменения общества. Разница между ними проявляется в различиях политических, научных, философских представлений каждого из названных выше авторов данных концепций. Поэтому «неолиберальный дискурс» является собирательным понятием, нежели конкретным термином, обозначающим единое направление в общественной мысли.

В своём дебютном политическом эссе «Дорога к рабству» Ф. Хайек делится с читателями опасениями о потенциальной возможности постепенной инфляции свободы человека в обществе. Отличительной чертой дискурса той эпохи являлось размытие границы между научными дискуссиями об абстрактных теориях с политическими дебатами [1, с. 58]. К политическому диалогу подключалось больше людей различных социальных классов и профессиональных ролей. В тот момент в Европе на фоне развёртывания в СССР социально-экономических экспериментов многие политики и интеллектуалы изучали возможности внедрения подобного опыта, но под углом разных политических предпочтений. Поэтому, когда Хайек в своём эссе отмечал сходство интеллектуальных тенденций в различных частях Европы¹, он имел в виду распространение идей чрезмерного усиления роли государства в регулировании не только экономической, но и общественной жизни. С подобными идеями он сталкивался из уст младоконсерватора О. Шпанна в Австрии и К. Поланьи в Великобритании. Дж. М. Кейнс, будучи

неоднократным гостем в СССР, оставил ряд комментариев о советском опыте модернизации. Несмотря на все противоречия и издержки идеологии большевизма, он отмечает, что большевизм несёт в себе идею путём огосударствления всех социальных сфер избавить человека от нужды в погоне за денежным достатком².

В российской науке традиционно считается, что философия Хайека стремится оправдать невмешательство государства в экономику и в общество. Однако можно смело констатировать факт, что философия Хайека не совсем является «либеральной», и к концепциям «спонтанного порядка» и «рассеянного знания» при изучении подходит весьма поверхностно [2, с. 67]. Хайек не говорил о невмешательстве государства в дела общества, а лишь задавался этической проблемой пределов правительственных мер. В этой связи важным компонентом его философии служит концепция «рассеянного знания» как эпистемологически-правовой аргумент. Другим его не менее важным аргументом за свободу выступает эволюционный «спонтанный» характер развития общества через изменения законов и прав.

Как показывает анализ сочинений Хайека, обоснование человеческой свободы может идти не через уравнивание всех по социальному статусу или через отказ от авторитетов: сочетание индивидуалистской свободы с нормативно-правовой трактовкой преемственности законов и традиций в качестве носителей знаний об обществе, когда индивидуализм трактуется не в духе негативной свободы от всех, т. е. в эгоистическом духе, а как состояние владения уникальными знаниями каждым индивидом, в то же время связанных друг с другом привычными правилами поведения. Общество трактовалось Хайеком как эволю-

¹ Хайек Ф. А. Дорога к рабству / пер. с англ. М. Гнездовский; М.: Новое издательство, 2005. 31 с.

² Keynes J. M. A short view of Russia [Электронный ресурс] URL: https://www.economicsnetwork.ac.uk/archive/keynes_persuasion/A_Short_View_of_Russia.htm (дата обращения: 03.09.2023).

ционно развивающееся, не зависимое от человеческого замысла явление. Данная концепция предусматривает несколько кейсов изменений, при которых то или иное изменение приводит к различным последствиям для всего эволюционного общественного развития.

Интерпретация Хайеком «спонтанных порядков»

Главной концептуальной особенностью размышлений Хайека является обоснование индивидуалистской свободы через нормативно-правовую связь законов. Понятия «право» и «закон» он толкует очень широко, приводя сюда не только нормативно-правовые акты, но и систему общественной морали, традиции, этикет и т. д.

Можно с определённой долей уверенности подтвердить, что политическая и экономическая философия австрийской школы начинаются с исследований о развитии человеческого общества взаимодействия, а конкретно с вопроса основателя «австрийской мысли» К. Менгера: «Как могут институты, которые служат общему благосостоянию и чрезвычайно важны для его развития, появляться без общей воли, создающих их?».

Хайек попытался ответить на этот вопрос, объяснив феномен появления общественных законов, правил этикета, символических языков, систем оценивания и прочие способы взаимодействия людей с помощью соотношения «рассеянных» знаний и их психическое восприятие индивидами в качестве социальных феноменов. С точки зрения учёного, любая совокупность знаний, возникающих путём взаимодействия людей в социуме, или, как он выражается, в процессе «спонтанных порядков», образуют особые законы, права или правила. Стоит отметить, что это не значит, что индивид должен знать все правила, он может приобрести их либо опытным путём, либо через обучение. Хайек, как отметила Мади, сходится в этом вопросе с позити-

вистской теорией фаллибизма, которое признаёт ограниченный характер всех имеющихся знаний во времени [9, р. 72].

Его понимание права отличается от классических доктрин, естественно-правовой и договорной доктрин. В его политико-правовой философии произошёл синтез кантианских идеалистических правовых представлений, нейропсихологических теорий (например, Хайек проходил стажировку под руководством К. фон Монакова) и идеи древних законов как особый набор наследственных нормативных представлений, изложенные Э. Бёрком. Известно, что он является противником нормативистской школы права, как и её ответвлений исторической школы права, которые утверждают примат ценности права как явления, независимые от экономических и политических реальностей. Их эпистемологическую основу активно использовали интеллектуалы для оправдания абсолютной власти правительства, а затем распространяли среди первых массовых партий в XX в.

Эпистемология дискурса подобных идеологий, согласно Хайеку, лежит в представлениях о человеческом разуме, как о том, в чём только можно быть уверенным. Идеи непогрешимости человеческого разума в вопросах переустройства и создания общественных отношений, с его точки зрения, способны привести к непоправимым последствиям, к разрушению сложившихся общественных отношений.

Для определения законов в качестве основы индивидуалистической свободы мыслитель обратился к истории развития законов, а также к представителям либеральной и консервативной философии. Единственный источник свободы он видит в законах и правах, созданных независимо от человеческого замысла. Те законы, мораль, традиции, которые достались нам по наследству не создавались государством, а были «открыты» им в ходе эволюции общества. Б. Колдвелл, биограф идей Хайека, указывает

на отсутствие телеологического толкования спонтанных порядков [7, р. 295]. Хайек намеренно в своей рефлексии избегал использование тех методологических приёмов философии истории, которые подводят под заданную цель в будущем. Поэтому Хайек считал, что вмешательство в эволюционные процессы общественного развития со стороны государственных органов являются рискованным актом. Таким образом, современное общество представляет собой особую цивилизацию, в которой существует преемственная матрица общественных отношений. С точки зрения мыслителя, человеческое общество не может существовать без законов, пускай даже его участники не догадываются об их существовании. Законы создавались для упрощения взаимодействия и коммуникации между индивидами в ходе «спонтанной эволюции». Любая цивилизация невозможна без существования особых законов и правил поведения.

Хайек, основываясь на шотландской философии, отрицал возможность эффективного внедрения новых волюнтаристских законов. Допущение, говорящее о возможности построения идеального социального механизма, было положено в период эпохи просвещения во Франции. Методы естествознания и социогуманитарных наук не смогли отделить друг от друга методологические основы, в результате чего в социогуманитарных науках учёные предпринимали попытки поиска универсальных законов общечеловеческого бытия. Никогда гордость за достижения естествознания и уверенность во всемогуществе его методов не были столь оправданы как на рубеже XVIII–XIX столетий, особенно в Париже, ибо именно в этом городе в те времена жили и работали лучшие естествоиспытатели эпохи¹.

¹ Хайек Ф. А. Контрреволюция науки: этюды о злоупотреблениях разумом / пер. с англ. Е. Николаенко. М.: ОГИ, 2003. С. 137.

Такие идеи, как правовой позитивизм, социализм, фашизм и т. д., с точки зрения Хайека, исходят из общего онтологического допущения, которое признаёт идею конкретных законов социального развития. Справедливо было подчеркнута, что эволюционистские представления мыслителя настроены критически против всех форм телеологических или финалистских философских систем, в которых предполагается достижение конкретной цели. Попытки истолкования онтологических законов приводят к неблагоприятным и половинчатым последствиям. Появление в прошлом запретительных законов и их сохранение в том или ином виде во времени, как в нормативной форме, так и в ментальной памяти, является свидетельством их не изжившей пользы сохранения стабильного порядка и не скатыванию к хаосу [3, с. 148–150].

Отвергая возможность центральных государственных органов в создании общественных законов, Хайек не отрицал важность государства как гаранта сохранения порядка. Как и многие его интеллектуальные предшественники в лице Д. Юма, Э. Бёрка, А. де Токвиля, К. Менгера и т. д. он отдавал государству функцию охраны порядка. Это близко к концепции «государства ночного сторожа», однако он пошёл дальше. Согласно мыслителю, законодательный орган должен находить новые законы в обществе с помощью ежегодной ротации законодателей. Парламент как исполнительный орган лишь внедряет положение законодательного органа, а не заключает в своих руках законодательную и исполнительную власть².

Абстрактность законов в спонтанном порядке

В содержании концепции «спонтанных порядков» Хайека присутствует ней-

² Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарёва, под ред. А. Куряева. М., Челябинск: Социум, 2020. С. 440–444

ропсихологическая концепция ментальных предрасположенностей, называемых им «абстракциями». Они реагируют на определённые категории действий, вызванные результатом совмещения большого количества паттернов в одном индивиде и устанавливающие каузальные связи побудительных мотивов и действий¹, или путём «интуитивной проверки» [10, р. 14]. «Абстракции» учёного напоминают идеалистическое учение Канта о феноменах «вещи в себе». Представления о ценностях и общественных институтах определяются не только прошлыми событиями, а «бессознательно» формируются за счёт непредвиденных событий и случайных обстоятельств человеческой деятельности [6, с. 9]

В обосновании этой абстрактной природы человеческих поступков мыслитель доказывал, что суть всех социальных явлений заключается в индивидуальном человеческом восприятии бытия: «Каковы же в таком случае характерные особенности индивидуализма? В первую очередь, это теория общества, попытка понять силы, определяющие общественную жизнь человека, и только во вторую – ряд политических максим, выведенных из подобного представления об обществе. Этого достаточно, чтобы опровергнуть наиболее нелепое из распространённых недоразумений – убеждение, что индивидуализм постулирует существование обособленных и самодостаточных индивидов... вместо того, чтобы начинать с людей, чья природа и характер целиком обусловлены их бытием в обществе»². Индивидуализм для Хайека является более объективным методом изучения социальных явлений, нежели методологический коллективизм. Он не отрицает,

что существуют общественные законы, которые определяют развитие общества, однако он решительно отвергает возможность их создания, т. к. социальная природа общества определяется многочисленными её участниками. В противном случае при попытке создания законов существование общества и государства будет нестабильно, как если бы законы создавались из башни из слоновой кости.

Хайек также не отрицает, что некоторые индивиды общества неспособны существовать и преумножать своё богатство самостоятельно. Однако в данной проблеме он мало дал рекомендаций, т. к. это своего рода порочный круг, если использовать государственные средства. Социальная политика, направленная на предоставление и улучшение жилища или образовательных услуг, нередко используется политиками в корыстных целях, и на стадии реализации не отличает реально нуждающихся индивидов в поддержке. «Совершенно иррациональное неприятие «проверки нуждаемости» в услугах, которые должны предоставляться только нуждающимся, вновь и вновь ведёт к абсурдному требованию помогать всем независимо от нужды, чтобы те, кто действительно нуждается в помощи, не почувствовал себя неполноценным. Оно породило ситуацию, когда по сути дела предпринимается попытка помочь нуждающимся и в то же время дать им почувствовать, что получаемое ими есть плод их собственных стараний или заслуг»³. Подобная практика государственной политики порождает культуру зависимости индивидов от государства, что оборачивается потерей доли активного участия индивидов в развитии общества. Единственным выходом из порочного круга он считает предотвращение использования социальных догм, а также предоставление возможности экспериментированию: «мы наблюдаем чрезвычайно быстрое спонтанное развитие новых методов, над

¹ Хайек Ф. А. Примат абстрактного // Хайек Ф. Собрание сочинений: в 19 т. Т. 15: Рынок и другие порядки / пер. с англ. под ред. А. В. Куряева. М.; Челябинск: Социум, 2020. С. 419–420.

² Хайек Ф. А. Индивидуализм: истинный и ложный // Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О. А. Дмитриевой под ред. Р. И. Капелюшниковой. Челябинск: Социум. 2011. С. 7.

³ Хайек Ф. А. Конституция свободы / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018. С. 391.

которым государство ещё не установило полного контроля, самых разнообразных экспериментов, которые наверняка дадут новые ответы на текущие нужды»¹.

Процесс, связанный с государственным правлением, очень тонкий и сложный, поэтому Хайек очень пессимистично относился к будущему, понимая, что любая государственная политика будет принудительной. Используя аргументы Бёрка о необходимости следования правовых норм «древней конституции», мыслитель не приветствовал идеи к их воссозданию, т. к. знания об этих правовых нормах остались в прошлом, в то время как обществу достались лишь их приблизительные восприятия, если вообще остались. Поэтому Хайек предлагает для системы общего права *концепцию абстрактности*, основанную на психологических ощущениях индивидов, или в более точном юридическом определении общего права «норму права как не всегда чётко осознаваемую поведенческую установку, проявляющуюся в виде «склонности» индивида в тех или иных случаях демонстрировать тот или иной поведенческий паттерн» [5, с. 102].

Мыслитель в попытке разработать конкретный идеал общего права исходит из этической формулировки, в которой справедливость для всех в равном доступе к свободной деятельности при рассеянных и ограниченных знаниях: «Свобода и справедливость – это ценности, которые могут преобладать среди людей, обладающих ограниченными знаниями, и они не имеют никакого смысла в обществе всеведущих»². Невозможно раз и навсегда определить конкретные принципы государственного управления и внедрить конкретную идеологию, которые могли бы без изменений определять ход эволюции к обществу. Их ограниченность во

времени существования и в аксиологических принципах связана не столько с содержанием, сколько со стремлением к конкретным историческим целям. Именно поэтому любой законодательный орган не должен идти на поводу временных проблем, если мы хотим избежать серьёзных социальных катастроф³. В связи с этим законодательный орган не должен смешивать абстрактные общеправовые установки с частными проблемами. От него необходимо взять те установления, которые связаны с развитием того общества, в котором оно охраняет справедливый порядок, время от времени совершая ревизию после обновления участников законодательного собрания. Только в некоторых ситуациях необходимо пренебрегать нуждами отдельных индивидов. «Совершенно очевидно, что человек соглашается пренебречь собственными нуждами лишь при условии, что в своём поведении он связан некоторыми общими правилами», – уверял нас Хайек⁴. Таким образом, существование общих абстрактных принципов определяемых как справедливые для всех индивидов, которые несут в себе лишь общие, а не отвечающие конкретным частносоциальным или идеологическим конструктам, могли бы создать условия стабильности и справедливости в обществе в рамках его «спонтанного развития».

Заключение

Одной из главных характерных черт подхода Хайека к законодательству является полное отрицание возможности создания новых законов, основанных только на человеческом разуме и несвязанных с обществом. С точки зрения мыслителя, в силу «спонтанности» развития человеческого общества, «рассеянности» знаний в нём, связанных с этой ограниченности в наборе систем знаний и представлений в каждом индивиде отсутствует возможность проведения безболезненных ре-

¹ Хайек Ф. А. Конституция свободы / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018. С. 378.

² Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарёва под ред. А. Куряева. М., Челябинск: Социум, 2020. С. 293.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же. С. 341.

форм. В политико-правовой доктрине Хайека, чтобы попытаться избежать социальных потрясений и потери свободы, общество и государственная власть должны основываться на общих принципах, ценностью которых будет индивид и его свобода деятельности. Однако если индивид воспринимает окружение и государство с определёнными паттернами, которые основываются на привычках или образах законов из прошлого, то необходимо отталкиваться от соотношения общих правовых ценностей и частных образов справедливости. Между ними, в рамках правовой мысли мыслителя, есть разница и её необходимо соблюдать и не смешивать, а также время от времени при

необходимости изменять законы для сохранения справедливого порядка.

Таким образом, «индивидуализм» и «либерализм» Хайека основываются не просто на наборе «прав человека», а на интерпретации права как процесса развития общества индивидов, в котором есть только одно неравенство – в знаниях. Чтобы не разрушать хрупкую общественную справедливость, общество не должно управляться какой-либо идеологией, которая сужает уровень свободы за счёт следования определённой телеологической цели.

Дата поступления в редакцию 19.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бёргин Э. Великая революция идей: возрождение свободных рынков после Великой депрессии / пер. с англ. А. А. Столярова. М.: Мысль, 2017. 327 с.
2. Заусаева Н. А. Фридрих фон Хайек и его политическая философия: между либерализмом и консерватизмом // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 4. С. 64–67
3. Куббеду Р. Либерализм, тоталитаризм и демократия: политическая философия австрийской школы / пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.; Челябинск: Социум, 2019. 406 с.
4. Пискулов Ю. В. Теория и практика неолиберализма в России. М.: ЛЕНАРД, 2017. 128 с.
5. Рааб Р. С. Эпистемическая юриспруденция Фридриха Хайека: философско-правовое исследование. М.: Проспект, 2023. 144 с.
6. Сысоева Л. С. К. Р. Поппер, Ф. А. Хайек, Дж. Сорос: три взгляда на открытое общество // Вестник ТГПУ. 2004. Вып. 2. С. 8–14.
7. Caldwell B. Hayek's challenge: an intellectual biography of F. A. Hayek. Chicago: The University of Chicago press, 2005. 489 p.
8. Harvey D. The brief history of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2007. 247 p.
9. Madi M. A. A philosophical look at Keynes and Hayek: Semiotic paths to complexity. Cambridge: Cambridge Scholar publishing, 2020. 151 p.
10. Petsoulas C. Hayek's liberalism and its origins: his idea of spontaneous order and the Scottish enlightenment. New York: Routledge, 2001. 201 p.

REFERENCES

1. Burgin A. *The great persuasion* (Rus. ed.: Stolyarov A. A., trans. from Engl. *Velikaya revolyuciya idej: vrozozhdenie svobodnyh rynkov posle Velikoj depressii*. Moscow, Mysl Publ., 2017. 327 p.)
2. Zausaeva N. A. [Friedrich von Hayek and his political philosophy: between liberalism and conservatism]. In: *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University], 2000, no. 4, pp. 64–67
3. Cubeddu R. *The philosophy of the Austrian school* (Rus. ed.: Kuryaeva A., ed. *Liberalizm, totalitarizm i demokratiya: politicheskaya filosofiya avstrijskoj shkoly*. Moscow, Chelyabinsk, Socium Publ., 2019. 406 p.)
4. Piskulov Yu. V. *Teoriya i praktika neoliberalizma v Rossii* [Theory and practice of neoliberalism in Russia]. Moscow, LENARD Publ., 2017. 128 p.
5. Raab R. S. *Epistemicheskaya yurisprudenciya Fridriha Hajeka: filosofsko-pravovoe issledovanie* [Epistemic jurisprudence of Friedrich Hayek: a philosophical and legal study]. Mosco, Prospekt Publ., 2023. 144 p.

6. Sysoyeva L. S. [K. R. Popper, F. A. Hayek, G. Soros: three points of view at the open society]. In: *Vestnik TGPU* [Bulletin of the TSPU], 2004, iss. 2, pp. 8–14.
7. Caldwell B. *Hayek's challenge: an intellectual biography of F. A. Hayek*. Chicago, The University of Chicago press, 2005. 489 p.
8. Harvey D. *The brief history of Neoliberalism*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 247 p.
9. Madi M. A. *A philosophical look at Keynes and Hayek: Semiotic paths to complexity*. Cambridge, Cambridge Scholar publishing, 2020. 151 p.
10. Petsoulas C. *Hayek's liberalism and its origins: his idea of spontaneous order and the Scottish enlightenment*. New York, Routledge, 2001. 201 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рудь Артём Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Государственного университета просвещения;
e-mail: rud_artiom@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artyom A. Rud – Postgraduate Student, Department of World History, Archeology and Methodology of Historical Science, Federal State University of Education;
e-mail: rud_artiom@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рудь А. А. «Спонтанные порядки» в политической философии Ф. Хайека // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 133–141.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-133-141

FOR CITATION

Rud A. A. «Spontaneous Order» in the Political Philosophy of F. Hayek. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 133–141.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-133-141

УДК 94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-142-149

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Чень Сыли*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119192, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучить проблемы дискриминации женщин в современном Китае и найти пути их решения.

Процедура и методы. При проведении исследования использовались методы: критического анализа, сравнения, классификации, систематизации, метод текстового поиска, логического рассуждения и многие другие.

Результаты. Проанализирована дискриминация женщин и перспективы её решения в современном Китае. Выявлены основные причины и проблемы дискриминации женщин. Намечены пути решения выявленных проблем.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в исследовании теоретических положений и вопросов, касающихся проблем дискриминации женщин. Практическая значимость заключается в использовании комплекса методических и методологических положений, приёмов по вопросам изучения проблем дискриминации женщин, а также применения их на практике.

Ключевые слова: проблемы, решение, женщины, дискриминация, современный Китай, условия

ADDRESSING DISCRIMINATION AGAINST WOMEN IN MODERN CHINA

Chen Sili*Lomonosov Moscow State University
Leninsky Gory 1, Moscow 119192, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the problems of discrimination against women in modern China and find a way to solve them.

Methodology. In carrying out the research, such methods as the method of critical analysis, comparison, classification, systematization, the method of text search, logical reasoning and many others were applied.

Results. Discrimination of women and perspectives of its solution in modern China were analyzed. The main reasons and problems of women's discrimination were revealed. The ways of solving the identified problems in modern China were outlined.

Research implications. Theoretical significance lies in the study of theoretical provisions and issues related to the problems of discrimination against women. The practical significance lies in the use of a set of methodological provisions, techniques on the study of women's discrimination problems, as well as their application in practice.

Keywords: problems, solution, women, discrimination, modern China, conditions

Введение

Китай является древней страной с более чем 2000-летней историей феодального авторитаризма. По сравнению с западными странами путь Китая к достижению гендерного равенства в Китае более трудный. Только с наступлением Синьхайской революции в Китае начали зарождаться идеи гендерного равенства.

В первые годы основания Нового Китая женщины начали постепенно освобождаться от экономической зависимости от мужчин. После реформы рыночная экономика создала более благоприятные социальные условия для участия женщин в трудовой деятельности, и женская занятость стала более диверсифицированной. По мере того, как женщины становились более грамотными, улучшалось общее качество их жизни, и они осознавали более глубокий смысл таких понятий, как «равенство между мужчинами и женщинами». Распространение этих идей привело к пробуждению у женщин чувства самостоятельности, что позволило им увидеть свою важную роль в общественном развитии и свой огромный потенциал.

Китай по-прежнему является крупнейшей развивающейся страной, которой необходимо двигаться дальше, чтобы стать развитой страной с высоким уровнем дохода. Китай находится на пути к решению проблемы гендерного неравенства. Для ускорения этого процесса необходимо проводить дальнейшие исследования и разрабатывать политику.

Хотя Китай действительно добился большого прогресса в продвижении участия женщин в общественно-политической жизни, все еще существует множество проблем, которые нельзя игнорировать. На современном этапе общественно-политическое участие женщин в Китае сталкивается с непропорциональным распределением мужских и женских кадров, несбалансированным развитием и низкой автономией, а также другими практическими проблемами и различны-

ми аспектами, которые ограничивают реализацию прав женщин в политике.

В определённой степени это также влияет на формирование гармоничной социальной атмосферы и дальнейшее продвижение социалистической демократии с китайской спецификой. Существуют различные факторы, влияющие на общее качество и эффективность общественно-политического участия женщин в Китае, такие, как экономические условия, институциональная политика, культурная среда.

Китайское правительство работает над реализацией национальной политики равенства мужчин и женщин, а также усовершенствованием институциональных механизмов, способствующих равенству полов и всестороннему развитию женщин.

Вопросы, касающиеся изучения проблем дискриминации женщин в современном Китае и поиском путей их решения рассматривали многие учёные: В. В. Малявин, В. Сидихметов, Я. Сюй, Ц. Тянь и др.

В данной статье предпринята попытка изучения проблем дискриминации женщин в современном Китае и поиска путей их решения.

Правовая система Китая в отношении вопросов гендерного равенства

После обнародования официальной программы коммунистической партии в 1949 г. в Китае появилось множество децентрализованных законодательных актов, касающихся ликвидации дискриминации в отношении женщин. Правовая система Китая по ликвидации дискриминации в отношении женщин переживает процесс трансформации от децентрализованного законодательства к специализированному. Признаком трансформации является принятие «Закона о защите прав и интересов женщин».

После реформ и открытости с 1949 по 1992 гг. государство включило прин-

тип равенства между мужчинами и женщинами в законы и нормативные акты. Например, «Закон о браке», принятый в 1950 г., сыграл ведущую роль в разъяснении принципа равенства между мужчинами и женщинами; «Закон о земельной реформе» (1950) о распределении земли в соответствии с численностью населения косвенно отражает принцип равенства между мужчинами и женщинами; закон о «Правилах страхования труда» (1953 г.) содержит специальные положения о страховании материнства и пенсионных субсидиях для работающих женщин; согласно «Закону о выборах» (1953) гендерное равенство обеспечивает право голосовать и быть избранным; Конституция 1954 г. разъяснила принцип равенства между мужчинами и женщинами. Конституция 1982 г. содержит более конкретные положения о защите законных прав и интересов женщин. В «Законе об организации сельских комитетов» (1987) есть четкое указание, что в деревенском комитете должны присутствовать женщины; «Уголовный закон» (1979) строго наказывает за преступления, ущемляющие права и интересы женщин; «Решение о суровом наказании преступников, которые похищают, продают женщин и детей» (1991) и «Решение о строгом запрете проституции» усилили наказания за преступления, связанные с похищением людей и торговлей женщинами.

Эти законы признают гендерное равенство в Китае. Они «не только фактически принесли пользу большинству женщин, но, что более важно, законодательство также создало социальную и культурную атмосферу гендерного равенства и построило основной дискурс в соответствии с идеологией, которая неосознанно изменила базовую позицию дискриминации и угнетения женщин, и это имеет большое значение для продвижения достижения равенства между мужчинами и женщинами и прогресс в области защиты прав женщин» [1, с. 39].

Таким образом, в период с 1949 по 1992 гг. в Китае было принято множество законов и нормативных актов, направленных на защиту прав и интересов женщин. Но большинство этих положений не образуют целостной законодательной базы в отношении ликвидации дискриминации женщин:

1. существующие законы слишком общие, не конкретные, не дополняют друг друга;
2. не хватает законов, достаточных для регулирования этих актов, что приводит к дублированию или даже противоречивости правовых положений;
3. отсутствуют вспомогательные гарантии и четкие положения о наказании за нарушение прав и интересов женщин.

Кроме того, «китайские женщины, как правило, менее образованы, и когда их права нарушаются, они часто не знают, на какой закон опираться для защиты и через какие каналы их можно защитить» [1, с. 47]. Всё это требует от государства наличия специального закона, направленного на обеспечение прав женщин и поддержание гендерного равенства.

Ликвидация дискриминации женщин

В 1980 г. Китай подписал Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которая требует от государств-участников принять все необходимые меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин и гарантировать им равное осуществление и пользование правами и свободами человека. В этой связи отсутствие специального закона о защите прав и интересов женщин могло нанести ущерб международной репутации Китая. Чтобы адаптироваться к внутренней и международной ситуации, Китаю необходимо было принять специальный закон для защиты прав и интересов женщин.

Первой с этим призывом выступила Всекитайская федерация женщин, кото-

рая в 1985 г. создала группу экспертов-юристов для разработки проекта закона о защите прав и интересов женщин. С 1987 по 1988 гг. представители Всекитайского собрания народных представителей, члены (ВСНП) и представители Женского конгресса неоднократно выдвигали предложения, законопроекты и предложения по разработке специального закона о защите прав и интересов женщин, которые в конечном итоге были приняты. В 1989 г. была создана редакционная группа Закона о защите прав и интересов женщин, в состав которой вошли более 20 экспертов. Спустя 3 года редакционная группа приступила к общенациональному законодательному исследованию Закона о защите прав и интересов женщин и подготовила проект закона на основе ссылки на местный законодательный опыт и экстерриториальные законодательные достижения. 3 апреля 1992 г. проект «Закона о защите прав и интересов женщин» был одобрен Пятой сессией Седьмого Всекитайского собрания народных представителей и официально опубликован.

Новый закон «О защите прав и интересов женщин» имеет комплексный и специфический характер, включает экономические, политические, культурные, личные, имущественные, трудовые, брачные, семейные и другие права и интересы, гарантии женщин, предусмотренных Конституцией, гражданским, уголовным, трудовым, брачным и другими законами.

С исторической точки зрения, это первый в Китае специальный закон о всесторонней защите прав и интересов женщин. С нормативной точки зрения, это основной закон о защите законных прав и интересов женщин и продвижении равенства между мужчинами и женщинами. С точки зрения культуры, это закон, в котором проявляется развитая гендерная культура, которая в основном отражается в гендерном равенстве:

1. закон был принят для продвижения гендерного равенства путём защиты прав и интересов женщин;

2. закон определяет принципы гендерного равенства, особой защиты женщин и недискриминации;

3. закон направлен на защиту равных прав женщин, которыми они пользуются вместе с мужчинами.

Гендерное равенство в Китае

Важно рассмотреть создание и развитие законодательного механизма оценки гендерного равенства. В 2011 г. в провинции Цзянсу был создан первый в Китае механизм консультаций и оценки политики и нормативных актов по вопросам гендерного равенства, а также сформирован первый комитет по консультациям и оценке гендерного равенства на уровне провинции. За 3 года с момента своего создания комитет принял участие в оценке 28 политических и нормативных актов, дав 234 рекомендации, из которых 227 были приняты. Положение о продвижении гендерного равенства в специальной экономической зоне Шэньчжэнь, введённое в 2012 г., впервые предусматривает влияние законодательства на гендерное равенство.

Благодаря примеру Цзянсу и Шэньчжэня большинство регионов Китая активно изучают возможность создания законодательных механизмов оценки гендерного равенства. Провинция Китая создала механизмы оценки гендерного равенства на уровне провинциального законодательства. Важно отметить, что к 2015 г. во всех городах и уездах провинции Чжэцзян был создан законодательный механизм оценки гендерного равенства.

Следует отметить, что оценка гендерного равенства в местных нормативных актах и политике, так и положения Законодательного закона об оценке прежнего законодательства имеют большое значение для реализации гендерного равенства [1, с. 99].

30 октября 2022 г. Постоянный комитет 13-го Всекитайского собрания народных представителей, высшего за-

конодательного органа Китая, принял пересмотренный «Закон о защите прав и интересов женщин» (далее – Закон о защите женщин). Пересмотренный закон содержит около 30 новых положений, направленных на усиление защиты женщин в таких областях, как гендерное равенство при приёме на работу и обсуждении контракта, обязательства работодателя по предотвращению сексуальных домогательств, а также меры по защите женщин в случае ущемления их прав и интересов.

Проект поправок к Закону о защите женщин получил более 700 тыс. комментариев на этапе получения заключений, что делает его самым комментируемым законодательным документом за последние годы. Поправки в закон были внесены в 2005 и 2018 гг., после того, как он был впервые принят в 1992 г.

Учитывая срочность соблюдения компаниями этих поправок и важность разработки официальных процессов для решения вопросов, связанных с гендерной дискриминацией и домогательствами на рабочем месте, обсудим ключевые моменты нового Закона о защите женщин для работодателей.

Несмотря на широко распространённое осуждение сексизма, гендерная дискриминация при приёме на работу в Китае – обычное явление. Новый Закон о защите женщин прилагает больше усилий для устранения гендерной предвзятости при приёме на работу. Документ устанавливает список моделей поведения, которые работодатели не должны использовать в процессе найма, в т. ч.:

- указание, что мужчинам будет отдаваться предпочтение;
- расспрашивать или изучать семейное положение женщин, претендующих на работу;
- требование проведения теста на беременность в качестве пункта входного медосмотра при приёме на работу;
- превращение статуса замужества или материнства в условие для приёма на работу и трудоустройства;

– отказ в приёме на работу женщин по признаку пола или повышение стандартов при приёме женщин на работу любым другим способом.

Кроме того, новый закон включает гендерную дискриминацию на рабочем месте в сферу надзора за безопасностью труда. Если работодатель нарушает положения о гендерном равенстве, органы управления персоналом и социального обеспечения должны обязать его внести исправления. Если работодатель отказывается внести исправления или обстоятельства являются серьёзными, он должен быть оштрафован на сумму не менее 10 тыс. юаней, но не более 50 тыс. юаней. Работодателям предлагается перепроверить, существуют ли вышеуказанные модели поведения в их процессе найма, и если да, то внести соответствующие изменения в соответствии с требованиями нового Закона о защите женщин.

В рамках нового закона «работодатель не имеет права в связи с замужеством, беременностью, отпуском по беременности и родам, грудным вскармливанием и другими обстоятельствами снижать заработную плату и социальные пособия работниц, ограничивать продвижение, оценку и занятость работниц профессиональных и технических званий и должностей, увольнять работниц, расторгать в одностороннем порядке трудовой (служебный) договор или договор об оказании услуг» [2, с. 117]. Версия Закона о защите женщин 2018 г. предусматривала только, что «работодатель не имеет права в связи с замужеством, беременностью, отпуском по беременности и родам, грудным вскармливанием и другими обстоятельствами снижать заработную плату работниц, увольнять работниц, расторгать в одностороннем порядке трудовой (служебный) договор или договор об оказании услуг». По сравнению с этим новый Закон о защите женщин является большим шагом вперед в направлении защиты прав женщин-работниц на рождение ребёнка и решения проблемы ген-

дерного равенства при оценке работы и продвижении по службе [2, с. 114].

Китайское законодательство конкретно запрещает сексуальные домогательства на рабочем месте, а ст. 1010 Гражданского кодекса предусматривает, что работодатели должны принимать разумные меры для предотвращения сексуальных домогательств и предоставлять соответствующие каналы для подачи жалоб. Новый Закон о защите женщин определяет сексуальное домогательство как форму устных замечаний, письменных высказываний, изображений, физического поведения или других действий против воли женщин [3, с. 80]. В частности, женщинам, ставшим жертвами сексуальных домогательств, рекомендуется: сообщить о случившемся в органы общественной безопасности или подать гражданский иск в народный суд с требованием привлечь виновного к гражданской ответственности в соответствии с законом. С другой стороны, в пересмотренном законе указано, что работодатели обязаны принимать меры по предотвращению сексуальных домогательств. Они обязаны:

- разработать правила и положения, запрещающих сексуальные домогательства;
- определить ответственный отдел или персонал;
- проводить образовательные и иные мероприятия по предотвращению и пресечению сексуальных домогательств;
- принимать необходимые меры безопасности и защиты;
- организовать телефон, почтовый ящик и другие каналы для подачи жалоб;
- создать и совершенствовать процедуру расследования и рассмотрения споров, своевременно рассматривать споры, защищать частную жизнь и личную информацию заинтересованных сторон;
- оказывать поддержку и помощь женщинам-жертвам в защите их прав в соответствии с законом и предоставлять им в

случае необходимости психологическую помощь;

- другие разумные меры по предотвращению и пресечению сексуальных домогательств [4, с. 59].

Также новый Закон о защите женщин предусматривает, что работодатель может быть подвергнут уголовному преследованию, если не примет разумных мер для предотвращения и прекращения сексуальных домогательств, а на ответственное лицо и других лиц, несущих прямую ответственность, будут наложены санкции в соответствии с законом [5, с. 345].

Учитывая всё более строгие требования по предотвращению сексуальных домогательств и потенциально огромное и негативное влияние случаев сексуальных домогательств на бизнес, работодателям в Китае предлагается чётко определить, какие типы поведения являются неприемлемыми, и установить строгий кодекс и культуру борьбы с домогательствами для своих предприятий.

Заключение

Согласно данным исследования проведенного на сайте по трудоустройству Zhipin.com, средний доход городских мужчин в материковом Китае в 2019 г. был на 22% выше, чем у женщин, средний доход городских мужчин в континентальном Китае в 2019 г. был на 22,5% выше, чем у женщин [6, с. 70]. Другими словами, в 2019 г. женщины в Китае зарабатывали 78% от того, что зарабатывали мужчины на сопоставимых работах. Барьеры, с которыми сталкиваются женщины в некоторых отраслях, частично объясняют разницу в заработной плате, поскольку китайским женщинам крайне сложно получить доступ к некоторым профессиям. Некоторые отрасли в Китае – военное дело и некоторые науки – все ещё накладывают ограничения на женщин, что может иметь долгосрочные последствия для их карьерного роста. Кроме того, такие профессии, как правило,

имеют более высокую заработную плату [7, с. 31].

Согласно данным ежегодного отчёта MSCI «Женщины в советах директоров» в 2021 г. средняя доля женщин в совете директоров китайских компаний составила 13,8%, по сравнению с 22,6% в мире и 14,5% в развивающихся странах. Однако Китай показал лучшие результаты по сравнению с другими соседними странами – Японией и Южной Кореей, – где женщины составляли в совете директоров 12,6% и 8,7% соответственно. В 2021 г. только 6,4% руководителей компаний были женщины, в то время как женщины – финансовые директора составляли 26,3% (выше среднемирового показателя) [8, с. 531].

В то время как страна борется с демографической проблемой, череда скандалов, связанных с гендерными вопросами, также вызвала общественное возмущение по поводу гендерного неравенства

[9, с. 303]. Поэтому в 2021 г. правительство представило новый десятилетний план «Основные направления развития женщин в Китае (2021–2030 гг.)», в котором особое внимание уделяется правам на занятость. В документе предложено 75 основных целей и 93 вспомогательные меры, охватывающие ключевые области, включая здравоохранение, образование и экономику.

Согласно данным к 2030 г. будет реализована основная национальная политика равенства мужчин и женщин, а также будут внедрены и усовершенствованы институциональные механизмы, способствующие равенству мужчин и женщин и всестороннему развитию женщин, что станет частью масштабных усилий правительства по ликвидации дискриминации и улучшению положения женщин в Китае.

Дата поступления в редакцию 03.07.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Астрель, 2000. 631 с.
2. Мурзина Е. А., Балдаева Р. А. Правовое регулирование труда женщин по законодательству Китая: история и современность // Успехи современной науки и образования. 2017. № 2. С. 114–118.
3. Сидихметов В. Китай: страницы прошлого. Смоленск, 2000. 152 с.
4. Хасьянова Э. Р. «Женщины держат полнеба»: гендерный разрыв в экономической сфере современного Китая // Новизна. Эксперимент. Традиция (Н.Экс.Т). 2022. С. 59–67.
5. Chen L., Zhao N., Fan H., Coyte P. C. Informal Care and Labor Market Outcomes: Evidence From Chinese Married Women // Research on Aging: An International Bimonthly Journal. 2017. № 39. pp. 345–371.
6. Tung S. Introduction to Gender Studies – An Analysis of the Social Mechanism of Gender Inequality. M.: Peking University Press. 2005. 144 p.
7. Xie Y. A Study of Chinese Women's History and Gender Cultural History. Beijing: Gender Perspective. 2018. 244 p.
8. Yao Tang, Scott R. «Glass Ceiling» or «Sticky Floor»: Evidence from the Chinese Labor Market // Advances in Economics and Business. 2017. Vol. 5. № 10. pp. 531–538.
9. Yingxiang C. 100 Women Who Influenced China's History. Renmin Chubanshe. 2000. 475 p.

REFERENCES

1. Malyavin V. V. *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese civilization]. Moscow, Astrel Publ., 2000. 631 p.
2. Murzina E. A., Baldaeva R. A. [Legal regulation of women's labor under Chinese legislation: history and modernity]. In: *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Successes of modern science and education], 2017, vol. 8, no. 2, pp. 114–118.
3. Sidikhmetov V. *Kitay: stranitsa proshlogo* [China: a page of the past]. Smolensk, 2000. 152 p.
4. Khasyanova E. R. ["Women hold half the sky": gender gap in the economic development of modern China]. In: *Novizna. Eksperiment. Traditsiya (N.Eks.T)* [Novelty, Experiment. Traditions], 2022, vol. 8,

- no. 3, pp. 59–67.
5. Chen L., Zhao N., Fan H., Coyte P. C. Informal Care and Labor Market Outcomes: Evidence From Chinese Married Women. In: *Research on Aging: An International Bimonthly Journal*, 2017, no. 39, pp. 345–371.
 6. Tung S. Introduction to Gender Studies – An Analysis of the Social Mechanism of Gender Inequality. Moscow, *Peking University Press*, 2005. 144 p.
 7. Xie Y. A Study of Chinese Women's History and Gender Cultural History. *Beijing, Gender Perspective*, 2018. 244 p.
 8. Yao Tang, Scott R. «Glass Ceiling» or «Sticky Floor»: Evidence from the Chinese Labor Market. In: *Advances in Economics and Business*, 2017, vol. 5, no. 10, pp. 531–538.
 9. Yingxiang C. 100 Women Who Influenced China's History. *Renmin Chubanshe*, 2000. 475 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ О АВТОРЕ

Чень Сыли – аспирант кафедры социологии и управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: chensili275@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chen Sili – Postgraduate Student, Department of Sociology and Management, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: mr.sheludko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чень Сыли. Решение проблем дискриминации женщин в современном Китае // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 142–149.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-142-149

FOR CITATION

Chen Sili. Addressing discrimination against women in modern China. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 142–149.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-142-149

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(4)

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-150-163

ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ СТРАН БАЛТИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ПРИБАЛТИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Зверев К. А.

Костромской государственный университет

156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17/11, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ работ эстонских, латвийских, литовских и отечественных исследователей касательно проблематики политики памяти в Прибалтийских республиках.

Процедура и методы. Методологическую основу статьи составляют принципы историзма, объективности и системности; также использованы специальные исторические методы: хронологический, периодизации, ретроспекции и актуализации.

Результаты. В научный оборот включены исследования эстонских латвийских, литовских авторов, не переведённые на русский язык. Систематизирована отечественная историография по проблематике прибалтийской политике памяти.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материал данной работы может быть использован как в университетском преподавании, так и в практической деятельности государственных органов, ответственных за реализацию политики памяти.

Ключевые слова: политика памяти, Прибалтийские республики, Эстония, Латвия, Литва, историография

PROBLEMS OF THE MEMORY POLICY OF THE BALTIC COUNTRIES IN DOMESTIC AND BALTIC HISTORIOGRAPHY

K. Zverev

Kostroma State University

ul. Dzerzhinskogo, 17/11, Kostroma 156005, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the works of Estonian, Latvian, Lithuanian and domestic researchers regarding the problems of memory policy in the Baltic republics.

© CC BY Зверев К. А., 2024.

Methodology. The methodological basis of the article is the principles of historicism, objectivity and consistency; such special historical methods as chronological method, periodization, retrospection and actualization were also used in the research.

Results. The studies by Estonian, Latvian, Lithuanian authors that have not been translated into Russian have been introduced to the scientific circulation. Domestic historiography on the problems of the Baltic memory policy has been systematized.

Research implications. The material of this work can be used both in university teaching and in the practical activities of state bodies responsible for the implementation of the memory policy.

Keywords: politics of memory, Baltic republics, Estonia, Latvia, Lithuania, historiography

Введение

Политика памяти сегодня признана одной из важных составляющих укрепления государственности. Особенно она важна для тех территорий, которые в силу тех или иных исторических обстоятельств недавно обрели независимость и встали на путь строительства новой государственности. Образовавшиеся после распада СССР Прибалтийские республики – наглядное тому подтверждение. Политика памяти в этих государствах велась весьма интенсивно и, несмотря на относительно короткую историю (30 лет), уже имеет свою историографию. Поскольку речь идёт об «актуальном прошлом», эта историография зачастую представляет собой не столько чисто академические выкладки, сколько альтернативную политику памяти. Идеологическую нагруженность историографии политики памяти усиливает то, что она является продуктом противоборствующих политических лагерей.

Эстонская историография

Научная литература, посвящённая вопросам исторической памяти в странах Балтии, немногочисленна; данное направление исследований ново для стран региона. Так, всплеск интереса к собственнo политике памяти в Эстонии произошёл значительно позднее, нежели у западных соседей – лишь после событий «Бронзовой ночи» апреля 2007 г., когда в результате сноса монумента «Освободителям Таллина» вспыхнули массовые беспорядки с участием местного русскоязычного населения. Стало очевидно, что в республике существует острый конфликт не только на этноязыковой почве, но и по причине различных трактовок прошлого, в особенности событий Второй мировой войны. В этой связи в свет вышла работа исследователей из Тартуского и Таллиннского университетов П. Петерсоо и М. Тамма [30], в которой описываются с эстонской точки зрения конфликты с памятниками в Эстонии, а также события «Бронзовой ночи». Авторы апеллируют к понятию «коллективная память» и приходят к выводу, что государство должно активнее доносить до местного населения (в т. ч. неэстонского) господствующие исторические воззрения всеми доступными способами, используя литературу, музейные экспозиции, монументальное искусство, СМИ и др. Также следует отметить и другую публикацию М. Тамма «Монументальная история»¹, в которой автор приходит к констатации того, что в современной Эстонии общественность ещё не осознала важности роли академического подхода к исторической памяти, и понимание исторической политики не заняло должного места в научных кругах. Например, для изучения памяти созданы специальные учреждения, работающие на иных принципах, чем академические. Другими словами, Тамм пишет, что в республике исследования в области политики памяти крайне немногочисленны, и данная область слабо изучена.

¹ Tamm M. Monumentaalne ajalugu. Loomingu Raamatukogu, nr 28–30. SA Kultuurileht, 2012. 206 lk.

В статье «В поисках утраченного прошлого: политика памяти в Эстонии, 1991–2011 гг.»¹ М. Тамм анализирует эстонскую историческую политику по 4 аспектам: юридическому, институциональному, коммеморативному и монументальному. Он рассматривает лишь внутривластную составляющую политики памяти, не затрагивая её внешнеполитические аспекты. Автор приходит к выводу о стремлении официального Таллина к построению однородной, безальтернативной концепции исторического развития эстонского народа и увязывании национальной идентичности с страданиями прошлого, апеллируя к памяти-травме. Тамм считает, что было бы более уместно поддерживать множественность аргументированных мнений, гарантировать предпосылки для критического обмена мнениями и поддерживать академическое, свободное и политически независимое изучение истории.

Не остались в стороне от обозначенной проблематики и русскоязычные исследователи из Эстонии. Эстонский журналист, доктор философии И. Розенфельд [23] рассматривает социально-политическое развитие Эстонии с момента обретения независимости в 1991 до 2007 гг. и анализирует причины событий апреля 2007 г. Одну из глав монографии Розенфельд посвятил исторической концепции эстонских крайне правых кругов политического истеблишмента, которая и стала господствующей в местной историографии в 1990-е гг. Именно в навязывании обществу данной националистической, антисоветской/антироссийской исторической повестки автор и видит одну из главных причин конфликта апреля 2007 г. вокруг памятника «Освободителям Таллина».

Непосредственно политику памяти и механизм формирования исторической политики в Эстонии рассматривает

в своей статье А. Астров [2]. Он уделяет пристальное внимание внешнеполитическому аспекту эстонского исторического дискурса, а также анализирует высказывания крупных эстонских политических деятелей касательно событий Второй мировой войны и «преступлений» советской власти. Автор отмечает постоянную оглядку эстонских проводников политики памяти на восприятие их действий за рубежом и оказываемое влияние на имидж страны, что в конечном итоге привело к некоторому отмежеванию официального Таллина от крайних националистов и своеобразному «смягчению» исторической политики в области памяти в Эстонии.

Также имеются отдельные статьи, сравнивающие политику памяти в Эстонии и других странах. Так, В. Вихури² сравнивает подход к исторической памяти Эстонии и Польши, констатируя, что обе страны стремятся героизировать собственную историю, воспринимая её как извечную и, в конечном счёте, успешную борьбу за независимость. При этом, по мнению автора, эстонский подход к политике памяти является более плюралистичным и демократичным по сравнению с польским, где у власти находятся националистические круги.

Таким образом, для эстонской историографии политики памяти характерно акцентирование внимания на проблематике событий XX столетия (обращение к более ранним периодам является редкостью), а также обращение к памяти-травме. При этом наблюдаются различные оценки плюрализма местного дискурса памяти. Исследователи-эстонцы оценивают местный дискурс как весьма толерантный, русскоязычные же исследователи, наоборот, отмечают крайне правый уклон и нетерпимость к иным точкам зрения как характерную черту местной

¹ Тамм М. In search of lost time: Memory politics in Estonia, 1991–2011 // Nationalities Papers. 2013. Vol. 41. № 4. P. 651–674.

² Vihuri V. Uuest mälupoliitikast Poolas ja Eestis // Objektiiv: [сайт]. URL: <https://objektiiv.ee/kolumn-uest-malupoliitikast-poolas-ja-eestis/> (дата обращения: 31.07.2023).

политики памяти и, как следствие, её конфликтный характер.

Латвийская историография

Схожих оценок в историографии политики памяти придерживаются и латвийские историки. Однако и здесь исследования, посвящённые проблематике политики памяти, носят единичный характер и изданы они в последние 15 лет. Заслуживает внимания статья латвийского исследователя В. Макарова «“Бои за историю” в Латвии» [13], в которой рассматриваются основные подходы официальной Риги к местной политике памяти и степень её влияния на местное русскоязычное население. Автор акцентирует внимание на государственной символике Латвии, праздничной культуре и их роли в формировании новой политики памяти. Однако Макаров рассматривает лишь ограниченный круг вопросов исторической памяти, не беря во внимание образовательную сферу, законодотворчество.

Работа, подготовленная исследователями Латвийского университета «Память о советских депортациях в Латвии: политика памяти и общественное пространство»¹ прослеживает отношение населения Латвии к жертвам депортаций 1940 и 1949 гг. в советский и постсоветский периоды. Авторы приходят к выводу о необходимости планомерной работы государственных учреждений не только по увековечиванию памяти о данных событиях, но и выработке однозначной оценки депортаций как «преступления советских властей».

Н. Муйжниекс в монографии «Геополитика истории в латвийско-российских отношениях» [31] анализирует российский взгляд на латвийскую историю и сравнивает его с национальной историографией, выявляя диаметрально противоположный взгляд на историю (в особенности XX в.). Он обращает внимание

на прямую связь между исторической политикой и национальной идентичностью. Кроме того, Муйжниекс подробно описывает латвийский исторический нарратив, который сводит к тезису о «советской оккупации» и исторической преемственности нынешней Латвии по отношению к республике межвоенного периода. Автор отмечает, что наряду с позитивными последствиями выбранной линии исторической политики (быстрая евроатлантическая интеграция, возвращение Латвии её зарубежных активов) имеются и серьёзные её издержки в виде углубляющегося раскола между латышами и русскоязычными на почве диаметрально противоположных взглядов на историю.

Д. Эглитис и Л. Ардава в статье «Политика памяти: вспоминая Балтийский путь через 20 лет после 1989» [29] рассматривают изменения в восприятии акции «Балтийский путь» (или «Балтийская цепь») в Латвии, освещение данной акции в СМИ в течение 1990-х – 2000-х гг. В работе вводится понятие «поминального спектакля», «коллективного ритуала», которые представляют из себя акции, не привязанные к «великим историческим нарративам», и ставят борьбу за память в ранг шоу и театрализованных спектаклей с целью популяризации в обществе тех или иных взглядов на прошлое.

Следует обратить внимание на статью «О национальной идентичности и демократической политике памяти»² под авторством латвийского государственного деятеля Э. Левитса (на момент написания упомянутой статьи – судья международного арбитражного суда, с 2019 – президент Латвии). В данном труде, скорее публицистического, нежели научного характера, Левитс излагает суть своих взглядов на латвийскую политику памяти (по его мнению, политика памяти – не-

¹ Kaprāns M., Uzule L., Procevska O., Saulītis A. Padomju deportāciju pieminēšana Latvijā: Atmiņu politika un publiskā telpa. Rīga: Mansards, 2012. 191 p.

² Levits E. Par nacionālo identitāti un demokrātisku atmiņu politiku (О национальной идентичности и политике демократической памяти) // Jurista Vārds. 2012. № 1. С. 61–78.

отъемлемая часть любого независимого государства), которая должна служить целям консолидации общества и повышению национального самосознания латышей. Кроме того, Э. Левитс предлагает свой вариант трактовки событий латвийского исторического прошлого, оценивая, безусловно, положительно борьбу за независимость и, безусловно, отрицательно период вхождения Латвии в состав СССР, очерчивая тем самым своеобразные рамки плюрализма для местной историографии.

Представляют интерес для темы нашего исследования и специальные издания, подготовленные местными учёными совместно с Обществом исследования оккупации Латвии¹. Данные работы раскрывают не только сущность исторических воззрений латвийского истеблишмента, но и их аргументацию в виде апеллирования к пакту Молотова-Риббентропа, советской «оккупации» и «русификации» посредством заселения Латвии советскими «колонистами» и т. п. Отметим, что «общество исследования оккупации» Латвии является некоммерческой организацией, аффилированной с государством и выполняющей функции фактически института национальной памяти.

Из обозначенных выше публикаций мы видим, что превалирующее значение в прибалтийской историографии вопросам политики памяти имеет эксплуатация образа жертвы, навязывание однозначных, как правило, антисоветских, трактовок. При этом имеет место быть декларирование плюрализма, научности, консолидации общества, отсутствующих в реальности.

¹ История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. В. Пуренс, Д. Лиепиня; пер. с латышского. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; Butulis I., Zunda A. History of Latvia. – Riga: Jumava, 2015. 253 р.; Ущерб, нанесённый Советским Союзом странам Балтии: мат-лы международной конференции / под ред. Ю. Прикулиса. Рига: Министерство юстиции Латвийской Республики, Общество исследования оккупации Латвии, 2015. 231 с. и др.

Литовская историография

Ближних взглядов к эстонской и латвийской историографии придерживаются и литовские учёные. В частности, А. Никзентайтис [32; 33] пишет об актуализации в начале 1990-х гг. для Литвы и Польши вопросов истории и памяти, в т. ч. истории принадлежности Виленского края и польско-литовских взаимоотношений периода Второй мировой в связи с юридическим оформлением двусторонних отношений и государственной границы. Никзентайтис подробно разбирает оценки польской и литовской историографии по Виленской проблеме, а также изменения данных трактовок по мере потепления отношений между официальными Вильнюсом и Варшавой в связи с евроатлантической интеграцией. Вместе с тем автор считает, что, будучи активным гражданином, историк неизбежно нарушает профессиональную этику, поскольку говорит о событиях прошлого, оценивая их в категориях настоящего и прогнозируемого будущего, а не в контексте исследуемой эпохи: «Оценивая события в духе историзма, исследователь как бы добровольно отказывается стать активным творцом новой культурной памяти, а вместе с тем, возможно, и более совершенного общества. Эти проблемы менее актуальны для стран с более стабильной демократией, но нам, полякам и литовцам, всё же придётся найти *modus vivendi* [способ существования – К.З.] не столько с противоречивым историческим прошлым, сколько с иной культурной памятью и политикой памяти» [33].

Также следует обратиться и к другим публикациям А. Никзентайтиса по интересующей нас тематике [21], в которых автор отмечает, что политика памяти в результате крупных социальных потрясений радикально трансформируется; в случае Литвы данным рубежным событием является «Поющая революция» 1987–1991 гг. Кроме того, автор в своих

исследованиях выделяет 2 типа памяти: актуальную на данный момент в конкретной стране он именует памятью доминирующей, а ранее существовавшую – культурным воспоминанием. Применительно к анализу политики памяти Литвы, автор отдаёт центральное место истории потере независимости и событийному ряду с этим связанному. Балтийские страны, в т. ч. и Литва, отличаются от других соседей России своими жёсткими требованиями к восточному соседу признать и осудить проведённую в 1940 г. «оккупацию», но вместе с тем они не видят никаких проблем в том, чтобы хранить память о совершённых ими в прошлом насильственных действиях (например, ввод литовских войск в де-факто польский Вильнюс осенью 1939 г.; прославление лесных братьев, которыми было убито значительное количество литовцев и др.). В итоге автор приходит к выводу о конфликтном характере литовской политики памяти.

Солидарна с Никзентайтисом в вопросе конфликтного характера литовской памяти и И. Шутинене, которая в своей работе «Символы национальной истории»¹ отслеживает процесс формирования образов национальных героев, в т. ч. и весьма неоднозначных (из числа лидеров антисоветского подполья). Автор отмечает всё более возрастающую в новейший период роль интерпретаций литовской истории, исходящих от политических элит, нежели реальных исторических фактов.

Статья литовского политолога и общественного деятеля В. Синицы «Постсоветские парадоксы: историки против исторической памяти нации»² также

помогает понять характерные черты современной литовской политики памяти. В частности, автор оправдывает принятие официальным Вильнюсом уголовной статьи за отрицание факта «преступлений советской оккупации» тем, что государство должно иметь собственное авторитетное мнение по ключевым событиям прошлого для поддержки исторического и государственного сознания граждан, общей исторической судьбы и ответственности за будущее государства.

Необходимо упомянуть и сборник статей «История как фактор политического мышления»³, в котором рассматривается влияние исторических интерпретаций на общественно-политическое поведение населения, в т. ч. пристально рассматривается литовский исторический дискурс и его современная интерпретация. В частности, авторы сборника отмечают исключительную важность для Литвы национальной составляющей в местной парадигме истории, в которой нация рассматривается как единое и органическое образование, как субъект истории, а процесс развития и выживания этой нации признаётся важнейшей движущей силой истории. Кроме того, в сборнике анализируется и вопрос выработки календаря праздничных и памятных дат – подчёркивается компромиссный характер законодательства в данной сфере из-за опасения местного истеблишмента относительно реакции соседних Польши и России на увековечивание некоторых событий прошлого.

Литовский исследователь Т. Статкявичус в статье «Политика памяти в странах Балтии: два поля анализа» [34] сравнивает эстонскую, латвийскую и литовскую политику памяти и выделяет в них 2 тенденции развития: актуализация советского периода истории и национальный нарратив (этноцентризм). Автор приходит к выводу о существенных

¹ Šutininė I. Tautos istorijos mitai Lietuvos gyventojų sąmonėje // Istorinė sąmonė ir istorijos didaktika. Vilnius: Švietimo studijų centras, 1997. P. 66–82.

² Sinica V. Posovietiniai paradoksai: istorikai prieš Tautos istorinę atmintį (Постсоветские парадоксы: историки против исторической памяти нации) // Alkas: [сайт]. URL: <http://dev.alkas.lt/2014/01/02/v-sinica-posovietiniai-paradoksai-istorikai-pries-tautos-istorine-atminti/> (дата обращения: 14.04.2021).

³ Istorija kaip politinio mąstymo veiksnys: straipsnių rinkinys / Vaidutis Laurenas. Vilnius: Vilniaus univ. leidykla, 2012. 492 p.

различиях в литовском варианте памяти, с одной стороны, и эстонском, латвийском – с другой. По оценке Статкявичуса литовская историческая повестка более либеральная, нежели у северных соседей. В частности, он отмечает, что в Литве произошли успешная трансформация и встраивание бывшей коммунистической партии в новую политическую систему, которая усилила дискурс по реабилитации советского этапа развития страны как стабильного, индустриализирующего и модернизирующего периода. «Либерализация» также ощущалась с точки зрения деконструкции национального нарратива. Важнейшая роль отводится Великому княжеству Литовскому как толерантному и правовому государству, отказу от поиска этнических атрибутов княжества. В Латвии и Эстонии по-прежнему доминирует отказ от частичной реабилитации советской памяти. На это, по мнению автора, повлияло отсутствие здоровой экс-коммунистической партии и традиция политической элиты изолировать партии русского меньшинства от правящих коалиций.

Тем не менее обозначенные работы эстонских, латвийских и литовских исследователей рассматривают политику памяти весьма сегментарно, в них отсутствует комплексный анализ источниковой базы в виде законодательных актов, учебной литературы, монументалистики, праздничной культуры. Не представлен и механизм институционализации местной исторической политики. Но уделяется значительное внимание вопросам межэтнических взаимоотношений в республиках и степени восприимчивости населением господствующих исторических трактовок.

Российская историография

Среди работ отечественных историков применительно к Прибалтике преобладают исследования касательно проблематики прав и статуса русскоязычного населения Эстонии, Латвии, Литвы, из-

дания же о государственной исторической политике являются крайне немногочисленными [22; 26; 27; 28]. Тем не менее, на наш взгляд, работы исследователей по интересующей нас тематике целесообразно сгруппировать по следующим категориям:

- статьи и монографии, посвящённые феномену политики памяти в целом или рассматривающие данное явление в третьих странах, затрагивающие Прибалтийские республики лишь опосредованно, но ценные своей концептуальной моделью, методологией и позволяющие выявить общие тренды исторической памяти Восточной Европы, постсоветского пространства, оказывающие прямое или косвенное влияние на прибалтийский исторический дискурс;

- исследования, фокусирующиеся на событиях XX столетия, в особенности на дискурсе Второй мировой войны (что весьма характерно для отечественной историографии);

- публикации, посвящённые определённым аспектам памяти: межнациональные отношения и их роль в памяти стран Балтии, учебная литература, монументалистика и др.

К *первой группе* относятся статьи доктора политических наук Н. А. Медушевского, который рассматривает вопросы политики памяти Европейского Союза в целом, а также Венгрии, Чехии и других стран в частности [16; 17; 18; 19]. Медушевский указывает на компромиссный характер исторической политики Европейского Союза, её несформированность и продолжающийся поиск приемлемых трактовок событий прошлого. Автор обращает внимание на повышенный интерес европейской политики памяти к критике тоталитарных режимов XX в. – в данном контексте общеевропейский тренд очень хорошо вписывается в восточноевропейские реалии, где также основной фокус памяти охватывает события последнего столетия.

Аналогичную тему применительно к Беларуси и Украине анализируют А. Д. Асеев и В. В. Шишков [1], фокусируясь на процессе формирования исторической политики в постсоветских государствах и причинах «войн памяти». Исследователи приходят к выводу о стремлении местных элит за счёт ревизии истории обеспечить развитие национальных идентичностей, а антироссийская направленность видится им как инструмент избавления от реального или мнимого влияния Москвы.

Представляет большой интерес для нас и сборник статей под редакцией А. Миллера [6; 20], в котором собран целый ряд исследований, посвящённых становлению и реализации исторической политики в странах Центральной и Восточной Европы, в т. ч. рассматриваются концептуальные основы и методология исследования вопросов политики памяти. Авторы статей сборника – польский исследователь Р. Траба, украинский историк Г. Касьянов, венгерский профессор Г. Дьяни – в своих работах приходят к выводу о возросшей политизации истории в последней трети XX – начале XXI вв., при этом обращая внимание на превалирование ревизионизма именно к событиям XX столетия и Второй мировой войне.

В работе Е. Лёзиной [11] представлен анализ процесса переосмысления прошлого в странах Центральной и Восточной Европы, в т. ч. и в России во второй половине XX – начале XXI вв. В исследовании рассматриваются вопросы денацификации в послевоенной Германии, а также переоценка прошлого в государствах постсоветского пространства (также затронуты и Прибалтийские республики). Интерес вызывает тезис автора о так называемой «поздней люстрации», в ходе которой ряд государств существенно расширяли принятые ранее программы люстрации и открытия архивов (Литва, Польша, Румыния), а страны, принявшие люстрационные законы на раннем этапе (Германия, Чехия), продлевали их дей-

ствие. При этом полной люстрации, по подобию стран Центральной Европы, в Прибалтике не произошло, как и кардинальной смены политических элит.

Обозначенные труды позволяют проанализировать имеющийся научный задел по проблематике политики памяти в отечественной историографии и сопоставить его с эстонским, латвийским, литовским материалом.

К группе исследований, фокусирующихся на событиях XX в. и Второй мировой войны, можно отнести труды А. Дюкова [4], в которых автор акцентирует внимание на фактах переписывания истории событий XX столетия в Прибалтике и Украине. Особое внимание в работе уделяется проблематике инкорпорации Прибалтики в состав СССР и Великой Отечественной войне, остальные аспекты местного исторического дискурса обойдены вниманием.

Тематике ревизии истории Второй мировой войны в значительной степени посвящено и совместное исследование А. Дюкова и В. Симиндея «Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению», в котором авторы критически оценивают стремление официальной Риги к конструированию собственной исторической политики на героизации местных пронацистских деятелей (из числа формирований СС, лесных братьев и др.) [5]. Здесь вновь авторы концентрируются практически исключительно на событиях Второй мировой войны, привлекая значительный круг документов из отечественных архивов.

В работах отечественного историка Ю. Кантор [7; 8] также представлен обстоятельный анализ событий Второй мировой войны в Прибалтийском регионе. В исследованиях используется богатый источниковый материал, кроме того, представлена проблема коллаборационизма и интерпретации исторического периода 1930-х – 1940-х гг. в современной эстонской, латвийской, литовской историографии. В своих трудах Кантор

приходит к выводу о заимствовании прибалтийскими проводниками политики памяти классической советской методологии – привнесение в массовое сознание единственно верной, «идеологически выверенной» версии событий. При этом всё то, что не вписывается в «правильную» картину прошлого, подвергается замалчиванию, критике, обструкции. Также автор отмечает популярность в эстонской, латвийской, литовской историографии тезисов о страдании титульного населения в период Второй мировой войны как исключительно результате действий «чужой», «иноземной» власти.

Необходимо отметить и исследования, опубликованные Центром изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге, который специализируется на изучении политики памяти в России, Восточной Европе и на постсоветском пространстве. В частности, следует обратиться к работе Е. И. Махотиной «Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы» [14], в которой автор анализирует монументальную культуру официального Вильнюса как одну из составляющих местной политики памяти, обращаясь к наиболее противоречивой её части – событиям Второй мировой войны. Махотина прослеживает формирование исторического нарратива официального Вильнюса о событиях 1939–1945 гг., представляющего литовцев как жертв двух тоталитарных режимов (нацистского и советского), между которыми ставится знак равенства. При этом в исследовании отсутствует анализ событий депортации 1941 г., имеющей значительное место в политике памяти стран Балтии и являющейся одним из значимых аргументов местной историографии в оценке эстонцев, латышей, литовцев как жертв советского «оккупационного режима».

Собственно страны Балтии и их представление о прошлом рассматривает

Д. Лошков [12], обращая внимание на широкий спектр проблемных тем, получивших диаметрально противоположные оценки в российских и прибалтийских учебниках истории, к таковым относятся: присоединение стран Балтии к СССР, коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны, сама война и весь период пребывания данных государств в составе Советского Союза. При этом автор скептически оценивает возможность объективного освещения данных событий за рубежом в силу современных политических реалий.

В работе калининградского исследователя М. Е. Мегем [15] проводится анализ мемориальной политики Прибалтийских республик, в которой автор приходит к выводу о её взаимозависимости от евроатлантической интеграции стран региона. В частности, в исследовании рассматривается процесс деактуализации советского мемориального наследия (в первую очередь, речь идёт о монументах, относящихся к событиям Великой Отечественной войны) и приспособления его под мейнстрим европейской политики памяти на протяжении 1990-х – 2000-х гг. (например, переоборудование мемориальных комплексов жертвам преступлений нацизма в Эстонии, Латвии, Литве в памятники жертвам Холокоста).

Публикации, посвящённые определённым аспектам памяти Прибалтийских республик, также представлены в отечественной историографии. Статья российского исследователя А. Скачкова «Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики» [24] интересна, прежде всего, выделением роли эстонской, латвийской и литовской эмиграции в формировании национальных элит и исторической памяти в духе антисоветизма и оправдания нацизма. Автор также указывает на углубление острого конфликта между двумя противоположными «историческими памятьями» на основе различного восприятия местной русскоязычной общиной и ти-

тульным населением военного и послевоенного периодов развития Прибалтики.

Роль политических элит Прибалтийских республик в формировании местной политики памяти также исследует В. Смирнов [25]. Он описывает законодательные и административные методы, используемые местным истеблишментом для утверждения господствующих трактовок прошлого, а также выделяет этапы развития исторической политики стран Балтии, где реперными точками выступают внешнеполитические события, в первую очередь, вехи евроатлантической интеграции Эстонии, Латвии, Литвы.

Статья М. Коротковой «Коммеморация независимости прибалтийских республик в период “Поющей революции”» [9] посвящена начальному этапу формирования прибалтийской политики памяти на излёте советской эпохи в конце 1980-х гг. Обращаясь к событиям «Поющей революции», автор анализирует символическую составляющую протестного движения Прибалтийских республик и разъясняет использование коммеморации местными активистами как политического инструмента для активизации, популяризации протестного движения и разрыва с советским историко-культурным нарративом.

В работе М. Кирчанова [10] подробно анализируется место континуитета в политике памяти стран Балтии. Автор отмечает латвийский опыт как наиболее последовательный вариант претворения в жизнь идеи правопреемственности нынешнего государства республике межвоенного периода. Литовский вариант предстаёт в статье как двойной континуитет – обращение не только к государству 1918–1940 гг., но и к средневековому Великому княжеству Литовскому. По мнению Кирчанова, континуитет стал одной из ключевых скреп прибалтийской политики памяти, обусловил целый ряд её специфических черт, хотя и является компромиссным по своей сути.

В книге Г. Бордюгова «“Войны памяти” на постсоветском пространстве» [3] рассматривается феномен «войн памяти» в XXI в. на постсоветском пространстве, затрагиваются в том числе и интересующие нас страны. Работа носит в большей степени публицистический характер и концентрирует внимание на внешних проявлениях политики памяти постсоветских государств (демонтаж советских монументов, преподавание истории, отношения с Российской Федерацией), не затрагивая глубинных процессов становления и развития исторической политики в регионе.

Подводя итог анализу отечественной историографии по интересующей нас тематике, следует отметить, что политика памяти в Прибалтике рассматривается сквозь призму трактовок событий Второй мировой войны (инкорпорация республик в состав СССР, боевые действия, коллаборационизм, интерпретация и оценка в странах Балтии), различные оценки прошлого титульным и русскоязычным населением. Авторы приходят к схожим выводам, отмечая эксплуатацию прибалтийскими исследователями образа жертвы для своих стран применительно к ключевым событиям XX столетия, доминирование негативных, часто весьма тенденциозных оценок советского периода истории.

При этом, по нашему мнению, проблематика прибалтийской политики памяти в отечественной историографии рассматривается весьма однобоко – превалирует тематика Второй мировой войны и вместе с тем практически не изучена интерпретация других исторических периодов (Польско-литовская уния, Шведский период, развитие в составе Российской империи, межвоенный период), их роль в конструировании местной исторической памяти. Не уделяется должного внимания проблематике правового континуитета официальных Таллина, Риги, Вильнюса (правопреемственности нынешних государств республикам межво-

енного периода), процессу государственного строительства, институционального оформления политики памяти. Как итог, по представленной проблематике ощущается необходимость в создании обстоятельного, фундаментального труда, до настоящего времени отсутствующего как в прибалтийской, так и в отечественной историографии.

Заключение

Таким образом, подводя итог анализу отечественной и прибалтийской историографии, посвящённой проблематике политики памяти стран Балтии, следует обобщить основные особенности проведённого исследования.

Прибалтийские исследователи рассматривают политику памяти весьма сегментарно, в них отсутствует комплексный анализ источниковой базы в виде законодательных актов, учебной литературы, монументалистики, праздничной культуры. Не представлен и механизм институционализации местной исторической политики. Не уделено должного внимания вопросам межнациональных вза-

имоотношений (в особенности в Эстонии и Латвии) в республиках и степени восприимчивости населением господствующих исторических трактовок. При этом имеет место декларирование отсутствующих в реальности плюрализма и консолидации общества вокруг господствующих исторических трактовок.

В отечественной историографии политика памяти в Прибалтике также рассматривается через влияние фактора межнациональных отношений на трактовки событий XX столетия. Основное внимание российских авторов приковано к оценкам Второй мировой войны в Эстонии, Латвии и Литве (инкорпорация республик в состав СССР, боевые действия, коллаборационизм, интерпретация и оценка в странах Балтии). Отмечается также эксплуатация прибалтийскими исследователями образа жертвы для своих стран применительно ко Второй мировой войне, доминирование негативных, часто весьма тенденциозных оценок советского периода истории.

Дата поступления в редакцию 05.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев А. Д., Шишков В. В. Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 2. С. 9–23.
2. Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центрально-европейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 184–216.
3. Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.
4. Дюков А. Р. Историческая политика или историческая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148.
5. Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 264 с.
6. Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.
7. Кантор Ю. З. Война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. 376 с.
8. Кантор Ю. З. Прибалтика, 1939–1945 гг. Война и память. М.: РОССПЭН: Политическая энциклопедия, 2020. 359 с.
9. Короткова М. В. Коммеморация независимости прибалтийских республик в период «Поющей революции» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 64–69.
10. Кирчанов М. В. Континуитет и дискретность в современных исторических памятниках стран Балтии: (мифы политической нации vs мифы политизированной этничности) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1. С. 180–218.

11. Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 691 с.
12. Лошков Д. Б. Россия и страны Балтии – не лучше ли обойтись без претензий? // Преподавание истории в школе. 2005. № 8. С. 25–36.
13. Макаров В. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 148–157.
14. Махотина Е. И. Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2020. 254 с.
15. Мегем М. Е. Снести нельзя оставить: ключевые тенденции политики памяти стран Балтии в отношении советских памятников в местах массового насилия // Балтийский регион. 2022. № 4. С. 128–145.
16. Медушевский Н. А. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса // Власть. 2019. № 3. С. 167–174.
17. Медушевский Н. А. Политика памяти в современной Венгрии // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 4А. С. 5–18.
18. Медушевский Н. А. Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 4А. С. 19–33.
19. Медушевский Н. А. Размышления о политике памяти. М.: Издательские решения, 2019. 146 с.
20. Миллер А. И. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 222–231.
21. Никжентайтис А. Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 3. С. 17–32.
22. Прибалтийские исследования в России. 2015 / сост. М. А. Вилков, В. В. Симиндей. М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. 480 с.
23. Розенфельд И. Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту: Крипта, 2009. 576 с.
24. Скачков А. С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 140–151.
25. Смирнов В. А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 78–97.
26. Старые и новые образы в современных учебниках истории / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО- XX, 2002. 352 с.
27. Токарева Е. А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // Преподаватель XXI век. 2021. № 3. С. 288–300.
28. Фёдоров А. П. «Войны памяти» – элемент информационной войны против России. На примере прибалтийских стран // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2020. № 8. С. 88–99.
29. Eglitis D. S., Ardava L. The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years after 1989 // Europe–Asia Studies. 2012. № 64. P. 1033–1059.
30. Monumentaalne konflikt: mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis / eds. P. Petersoo, M. Tamm. Tallinn: Trükikoda OÜ Geif, 2008. 308 k.
31. Muižnieks N. The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations. Academic Press of the University of Latvia, 2011. 238 p.
32. Nikžentaitis A. Kryžiaus karų epocha Lietuvos kultūrinėje atmintyje // Kryžiaus karų epocha Baltijos regiono tautų istorinėje sąmonėje / ed. R. Trimonienė. Šiauliai: Saulės delta, 2007. P. 236–249.
33. Nikžentaitis A. Rytų Lietuva lietuvių atminties kultūroje ir politikoje. Istoriko ir atminties kūrėjo santykio problema // Kultūros barai. 2004. № 10. P. 15–19.
34. Statkevičius T. Atminties politika Baltijos šalyse: dvi probleminės sritys // Politikos mokslų almanachas. 2013. № 13. P. 137–158.

REFERENCES

1. Aseev A. D., Shishkov V. V. [Russia in the wars of memory: historical politics in Eastern Europe]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Bulletin

- of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences], 2020, no. 2, pp. 9–23.
2. Astrov A. [Historical politics and “ontological concerns” of small Central European states (using the example of Estonia)]. In: Millera A., Lipmana M., eds. *Istoricheskaja politika v XXI veke* [Historical politics in the 21st century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 184–216.
 3. Bordyugov G. A. «*Vojny pamjati*» na postsovetском prostranstve [“Memory Wars” in the post-Soviet space]. Moscow, AIRO-HHI Publ., 2011. 256 p.
 4. Dyukov A. R. [Historical politics or historical memory]. In: *Mezhdunarodnaja zhizn* [International life], 2010, no. 1, pp. 133–148.
 5. Dyukov A., Simindey V. *Gosudarstvennaja istoricheskaja politika Latvii: materialy k izucheniju* [State historical policy of Latvia: materials for study]. Moscow, Fond «Istoricheskaja pamjat» Publ., 2013. 264 p.
 6. Millera A., Lipmana M., eds. *Istoricheskaja politika v XXI veke* [Historical politics in the 21st century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 648 p.
 7. Kantor J. *Vojna bez pravil (1939–1945)* [War without rules (1939–1945)]. St. Petersburg, Zhurnal “Zvezda” Publ., 2011. 376 p.
 8. Kantor J. *Pribaltika, 1939–1945 gg. Vojna i pamjat* [Baltic states, 1939–1945 War and Memory]. Moscow, ROSSPEN Publ., Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2020. 359 p.
 9. Korotkova M. V. [Commemoration of Baltic republics’ independence during “the Singing Revolution”]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2015, no. 5–6, pp. 64–69.
 10. Kirchanov M. V. [Continuity and discreteness in modern historical memories of the Baltic countries: (myths of a political nation vs myths of politicized ethnicity)]. In: *Zhurnal Rossijskikh i vostochnoevropejskikh istoricheskikh issledovanij* [Journal of Russian and East European Historical Research], 2019, no. 1, pp. 180–218.
 11. Lyozina E. *XX vek: prarabotka proshlogo. Praktiki perehodnogo pravosudija i politika pamjati v byvshih diktaturah. Germanija, Rossija, strany Central’noj i Vostochnoj Evropy* [20th century: study of the past. Transitional justice practices and the politics of memory in former dictatorships. Germany, Russia, countries of Central and Eastern Europe.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 691 p.
 12. Loshkov D. B. [Russia and the Baltic countries – isn’t it better to do without claims?]. In: *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching history at school], 2005, no. 8, pp. 25–36.
 13. Makarov V. [Fights for history” in Latvia]. In: Bomsdorfa F., Bordjugova G., eds. *Nacionalnye istorii na postsovetском prostranstve – II* [National histories in the post-Soviet space – II]. Moscow, Fond Fridriha Naumanna Publ., AIRO-HHI Publ., 2009, pp. 148–157.
 14. Mahotina E. I. *Prelomlenija pamjati: Vtoraja mirovaja vojna v memorialnoj kulture sovetskoj i postsovetской Litvy* [Refractions of memory: the Second World War in the memorial culture of Soviet and post-Soviet Lithuania]. St. Petersburg, Izd-vo Evropejskogo universiteta Publ., 2020. 254 p.
 15. Megem M. E. [Preserve vs dismantle: major trends in the Baltics’ politics of memory regarding Soviet monuments at sites of mass violence]. In: *Baltiiskij region* [Baltic region], 2022, no. 4, pp. 128–145.
 16. Medushevskij N. A. [Memory policy in the European Union as a tool for the implementation of the integration process]. In: *Vlast* [Authority], 2019, no. 3, pp. 167–174.
 17. Medushevskij N. A. [The memory policy in modern Hungary]. In: *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij* [Theories and problems of political studies], 2020, vol. 9, no. 4A, pp. 5–18.
 18. Medushevskij N. A. [The memory policy in the Czech Republic at the present historical stage]. In: *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij* [Theories and problems of political studies], 2020, vol. 9, no. 4A, pp. 19–33.
 19. Medushevskij N. A. *Razmyshlenija o politike pamjati* [Reflections on the politics of memory]. Moscow, Izdatelskie reshenija Publ., 2019. 146 p.
 20. Miller A. I. [Second World War in the “wars of memory”]. In: *Vojna v istoricheskoi pamjati i «vojny pamjati» v sovremennom mire* [War in historical memory and “memory wars” in the modern world]. In: *Novoe proshloe* [The new past], 2020, no. 4, pp. 222–231.
 21. Nikzentaitis A. [Poland, Lithuania, Russia, Germany: Models of Memory and Cultural Recollections]. In: *Slovo.ru: Baltiiskij accent* [Slovo.ru: Baltic accent], 2012, no. 3, pp. 17–32.
 22. Vilkov M. A., Simindey V. V., eds. *Pribaltiiskie issledovanija v Rossii*. [Baltic studies in Russia]. Moscow, Izdatelskij centr fonda «Istoricheskaja pamjat» Publ., 2015. 480 p.

23. Rozenfeld I. *Jestonija do i posle «bronzovoj nochi»* [Estonia before and after the “Bronze Night”]. Tartu, Kripta Publ., 2009. 576 p.
24. Skachkov A. S. [Historical memory in the political processes of the post-Soviet Baltic states]. In: *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics Russia], 2017, no. 1, pp.140–151.
25. Smirnov V. A. [The role of political elites in the development of politics of memory in the Baltic states]. In: *Baltijskij region* [Baltic region], 2015, no. 2, pp. 78–97.
26. Bomsdorf F., Bordjugova G., eds. *Starje i novye obrazy v sovremennyh uchebnikah istorii* [Old and new images in modern history textbooks]. Moscow, Fond Fridriha Naumanna Publ., «AIRO-HH», 2002. 352 p.
27. Tokareva E. A. [Modern wars of memory or approaches to the interpretation of historical events in history, politics and education]. In: *Prepodavatel XXI vek* [Teacher of the 21st century], 2021, no. 3, pp. 288–300.
28. Fiodorov A. P. [Memory Wars” - an element of the information war against Russia. Using the example of the Baltic countries]. In: *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel – Observer* [Scientific and analytical magazine Observer], 2020, no. 8, pp. 88–99.
29. Eglitis D. S., Ardava L. The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years after 1989. In: *Europe–Asia Studies*, 2012, no. 64, pp. 1033–1059.
30. Petersoo P., Tamm M., eds. *Monumentaalne konflikt: mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis*. Tallinn, Trükikoda OÜ Geif, 2008. 308 k.
31. Muiznieks N. *The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations*. Academic Press of the University of Latvia, 2011. 238 p.
32. Nikžentaitis A. Kryžiaus karų epocha Lietuvos kultūrinėje atmintyje. In: Trimonienė R., ed. *Kryžiaus karų epocha Baltijos regiono tautų istorinėje sąmonėje*. Šiauliai, Saulės delta, 2007, pp. 236–249.
33. Nikžentaitis A. Rytų Lietuva lietuvių atminties kultūroje ir politikoje. Istoriko ir atminties kūrėjo santykio problema. In: *Kultūros barai*, 2004, no. 10, pp. 15–19.
34. Statkevičius T. Atminties politika Baltijos šalyse: dvi probleminės sritys. In: *Politikos mokslų almanachas*, 2013, no. 13, pp. 137–158.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зверев Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Костромского государственного университета;
e-mail: zwerew.kir@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill A. Zverev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History, Kostroma State University;
e-mail: zwerew.kir@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зверев К. А. Проблематика политики памяти стран Балтии в отечественной и прибалтийской историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 150–163.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-150-163

FOR CITATION

Zverev K. A. Problems of the memory policy of the Baltic countries in domestic and Baltic historiography. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 150–163.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-150-163

УДК 3(091).(049.32)

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-164-171

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ. КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.:

В 3 Т. / ОТВ. РЕД. В. В. ЖУРАВЛЕВ. М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2022. 2067 С.

Телицын В. Л.

Институт всеобщей истории Российской академии наук

119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, Российская Федерация

BOOK REVIEW:

POLITICAL PARTIES OF RUSSIA. THE END OF THE 19TH – BEGINNING

OF THE 20TH CENTURY: IN 3 VOLUMES / ED. V. V. ZHURAVLEV.

MOSCOW: POLITICHESKAYA ENCYCLOPEDIA PUBL., 2022. 2067 P.

V. Telitsyn

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

Leninskii prospect 32A, Moscow 119334, Russian Federation

Научно-исследовательская литература, посвящённая истории политических партий и движений в России начала XX в., огромна и разнообразна. И, кажется, нет таких аспектов, которые бы не изучили исследователи политической истории. Необходимо добавить к этому и многостраничные публикации документов практически по всем действовавшим и существовавшим в тот период политическим объединениям, партиям и группам.

Однако до сих пор не было обобщающей работы, сводящей воедино все имеющиеся данные. Без этого не складывались в единую историю многочисленные аспекты: о создании партий, об их руководителях, рядовых членах, электорате, тактике и стратегии, достижениях

и просчётах, судьбе объединений всего политического спектра. Всё это удалось осуществить авторскому коллективу рецензируемого нами трёхтомника.

Каждый из томов посвящён отдельному политическому «лагерю» – консерваторам, либералам, социалистам. Причём авторами томов выступили ведущие специалисты именно по тем или иным политическим направлениям. Кто, например, может сказать больше, чем специалист по консервативному направлению А. А. Иванов, автор огромного количества исследований, посвящённых так называемым «правым» партиям начала XX в.? Он же и автор первого тома трёхтомника. С истории консервативных партий в политической истории и начинается трёхтомная монография.

Проанализировав основные аспекты истории и идеологии «правых» партий – генезис, становление, структура, численность, география, основные программные положения, деятельность и политические практики, – А. А. Иванов приходит к следующим обобщениям и выводам:

1. консерваторы после 1905 г. это не та сосредоточивавшаяся в «толстых» журналах, светских гостиных и просветительских союзах и обществах интеллигентная, по сути, дискуссия о мировых и российских человеческих ценностях, а совершенно вульгаризированная версия [т. 1, с. 24–55, 584];

2. «новые консерваторы», по сути, превращаясь из движения интеллигентов XIX в. в обычную политическую партию (партийное строительство, борьба за массы, за парламентские места, за влияние на властимущих), явили собой новый образ консерватизма, идущего не «сверху вниз» общества, а, наоборот, снизу, от обывателей, от той их части, для которой важны и близки были идеи традиционных ценностей, которые отвергали, даже не размышляя, всё, что не вписывалось в их систему ценностей (даже если эти отвержения представлялись не более чем абсурдными) [т. 1, с. 74–122].

Не соглашусь, однако, с утверждением, что «правые» явились «неотъемлемой частью становления русского гражданского общества». А. А. Иванов обосновывает своё обобщение следующим: правые партии и объединения не только стремились самореализоваться как политические силы, но и создавали экономические, правозащитные, благотворительные, церковные, трезвеннические и спортивные общества; уделяли немало внимания духовной и культурной сферам: религии, просвещению, образованию, искусству, литературе; способствовали «пробуждению социальной активности российских подданных» [т. 1, с. 584].

Во-первых, большой известностью и популярностью в общественной, беспартийной, среде эти социо-культурные

объединения не пользовались, поскольку «благодаря» идеологии не смогли привлечь на свою сторону тех, кого можно было считать «колеблющимися» и уж тем более тех, кто изначально считал «правых» своими идеологическими противниками.

Во-вторых, число культурно-просветительских и прочих объединений «правых» было невелико и полностью распалось уже после Февраля 1917 г., потеряв всяческий интерес со стороны русского общества. А может, ещё и раньше. Ведь не зря автор тома указывает на то, что апогея своего развития консерваторы достигли уже к концу Первой русской революции, после чего последовали кризис и упадок, приведшие к полному поражению в начале 1917 г.

Всё это свидетельствовало о том, что идеология «правых» партий и объединений изначально не имела никаких политических перспектив, а значит, была обречена, как и монархия, которую они защищали [т. 1, с. 521–522].

Не могу согласиться и с приведённым автором рассуждением известного эмигрантского философа Г. П. Федотова о возможной реализации правой альтернативы в России при определённых условиях (со ссылками на Ф. М. Достоевского) [т. 1, с. 585]. Правда, условия эти, скорее, умозрительные («народ до японской войны мечтал о царе Пугачёве»), чем основанные на реалиях русской жизни. В принципе, с Федотовым не согласен и А. А. Иванов: «такой вариант развития событий был в тех условиях едва ли возможен, показательно, что мыслитель-эмигрант, придерживавшийся христианско-социалистических взглядов, увидел в черносотенном движении определённый потенциал и созвучие народным идеалам» [т. 1, с. 585]. «Увидеть» и предположить можно всё, что угодно, даже ориентируясь на собственное (казалось бы, незыблемое) представление о мировоззрении народа. Но реальность гораздо жёстче, обыватель в массе идёт

не за теми, кто «навязывает» свои идеи, апеллируя к эфемерным идеалам, а не к ежедневным и ежечасным проблемам.

В этой связи не очень удачен пример из истории – беседа В. М. Пуришкевича с М. С. Урицким, в ходе которой первый убеждал одного из большевистских лидеров в восстановлении в России монархии, что якобы и произошло в начале 1930-х гг. («авторитарное сталинское единодержавие») [т. 1, с. 586]. На наш взгляд, не совсем корректно сравнивать сталинизм с монархизмом как идеологии, как государственное управление, как взаимоотношение власти со всем обществом...

Да, в устах отдельных интеллектуалов, типа писателя М. М. Пришвина (писавших об этом, правда, исключительно «в стол») можно найти оценки сталинской эпохи как времени возрождения «русского национализма», «черносотенства», разделения общества на «либеральную еврейскую партию», или «партию “безродных космополитов”», и на «советских черносотенцев». О том же, но уже применительно к брежневской эпохе, писал, например, упомянутый автором партийный работник и историк А. С. Черняев (опять же, «в стол»).

Да, «отзвуки черносотенных идей» звучали исключительно в интеллигентской среде. Но всё это было на уровне предположений, домыслов, в лучшем случае, всплесков во время дискуссий и «кухонных посиделок» времён 1970-х – 1980-х гг.

Другое дело времена перестройки: чего стоит только общество «Память», провозглашавшее лозунги дореволюционных «правых». Но и «Память» – это скорее «дань» времени, не традициям, и уж тем более не благодаря знанию истории русского консерватизма со всеми её поворотами в эволюции, проблемами и кризисами, лидерами и последователями.

И в этом смысле исследование А. А. Иванова даёт уникальную возможность вычленить и позитивные моменты консервативной идеи (именно идеи, а не

политических перетрубации): неподдельный и некичливый патриотизм, ставка на авторитетную власть, уважение к русской национальной культуре и истории. Но как быть со свободой личности, привлечением к управлению страной общест-венности, поиску компромисса как главного решения важнейших социальных и государственных проблем, дающих возможности избежать крови и жертв? Готовы ли были на это пойти представители консерватизма и «правых» партий начала XX в.? Ответа, к сожалению, у автора тома мы не находим.

Как нам представляется, именно не просто невнимание (а, порой, игнорирование) к этим аспектам общественной жизни и привело «правых» к гибели. А внимание исследователей – к концентрации не столько на «правых» партиях начала XX в., сколько на идеях их предшественников – консервативных мыслителей XIX в. (просто сравним количество опубликованных исследований о «тех» и об «этих».)

Но не стоит отмахиваться и от утверждения А. А. Иванова о том, что и сегодня актуальны те проблемы, которые поднимались «правыми» в самом начале XX в. [т. 1, с. 588–589]. Другой вопрос, каким путём, при помощи какого инструментария и с опорой на какой мировоззренческий фактор их решать.

Что в «сухом остатке»? «Консерватизм как течение общественной мысли и одно из направлений общественного движения не получил поддержки в массовом сознании, причём ни традиционных слов, ни тем более новых, начавших формироваться в пореформенный период. Несмотря на все предпринимаемые попытки лидеров консерватизма и их поддержку со стороны политического режима, идеология этого направления общественной мысли не пользовалась популярностью в широких слоях населения. Поддержка консерваторами самодержавного режима и дворянской собственности крайне негативно воспринималась подавляющим

большинством населения России» [т. 3, с. 875].

Второй том монографии посвящён эволюции партий либеральной направленности (партогенез, структура, численность, состав, география, идеи, программы, практики) под авторством одного из виднейших и известнейших в России исследователей отечественного либерализма К. А. Соловьёва.

Либерализм в России никогда не любили, не приветствовали и считали едва ли не «исчадием ада». При этом не удосужившись обратиться к его истории. Причём не просто к его истории как идеологии, а к его истории как общественно-го движения и применительно к России исключительно начала XX в. Что и предпринял К. А. Соловьёв, суммировав всё, что известно об истории кадетов, октябристов, прогрессистов и иных сторонников либерализма (либерализм конца XX в. оставим для иных времён и иных исследователей).

Не стоит оспаривать утверждение о том, что экономические преобразования второй половины XIX – начала XX вв. на западе Европы (как в силу объективных, так и субъективных обстоятельств) шли с опережением подобных процессов на востоке Европы.

На этом же акцентирует внимание и К. А. Соловьёв, который увязывает данный факт с социально-экономической эволюцией и развитием общественной мысли, добавляя, что последняя – в России – не вырабатывала собственных идей, не реагировала на социально-экономическое отставание собственной страны, а шла по пути простого варианта – заимствовала «легковесные» европейские идеи [т. 2, с. 551–552]. И с этим стоит согласиться. Так же, как стоит согласиться, что и в России общественная мысль шла в отрыве от социально-экономических преобразований: подобный дисбаланс являлся причиной недовольства в интеллектуальной среде, критики правительства, власти как таковой и появле-

ния требований о социальных реформах, причём мгновенных и разносторонних.

И ещё одно, на чём акцентирует внимание автор тома: российские мыслители «варились в собственном соку», их идеи оставались идеями, не идущими в общество, непонимаемые и зачастую невостребованные обществом. А потому от российских мыслителей мало что зависело. Не были они «властителями умов» (всё это следовало из «Партогенеза» либерального движения в России) [т. 2, с. 17–92, 116–117]. Только то, что патернализм не ставился либералами во главу угла своей политики, изначально отталкивал от них российского обывателя, привыкшего жить с полной оглядкой на государство, зависеть от последнего в большом и малом.

Не могу согласиться с утверждением К. А. Соловьёва о том, что любая идеология (в т. ч. и либерализм) имеет своим основанием утопию [т. 2, с. 555]. Так ли это?

Сам же К. А. Соловьёв утверждает, что «либералы делают ставку на рационально мыслящего человека, способного верно определить и отстоять свой интерес. Его желание обеспечить себе комфортную жизнь предполагает организацию рационального взаимодействия с обществом (гражданское общество) и с институтами (правовое государство)» [т. 2, с. 555].

«Рационально мыслящий человек», «определить и отстоять свой интерес», «рациональное взаимодействие с обществом».... Какая же это утопия? Или автор что-то не договаривает? Опускает географический аспект?

Но К. А. Соловьёв убеждён в том, что либеральная утопия была удивительна тем фактом, что сами её создатели – либералы – не полагались на неё в полной мере, считая, что, во-первых, рационально мыслявших людей пока меньшинство, что правовой порядок существует лишь на бумаге (все это соответствовало истине. – В.Т.), что установлению последнего препятствует не только сама власть,

защищающая не правопорядок, а саму себя, но и подавляющее большинство населения, не готовое к обновлению (и это утверждение – «в точку». – В.Т.).

Но «либеральный политик оказывался между Сциллой и Харибдой, с которыми приходится договариваться, и, следовательно, уступать. Действующей власти и связанным с ней элитам нужно было гарантировать особый регламент интеграции в новый порядок. Массам же надо было объяснить его материальные преимущества. Таким образом, либералы выступали невольными медиаторами между старыми элитами и большинством населения» [т. 2, с. 555].

С последними утверждениями не соглашусь. Какие же либералы «медиаторы» (т. е. посредники)? Они скорее претендовали на роль раздражающих и власть, и общество проповедников.

Важно, на наш взгляд, другое. Либералы в истории России *всегда* (К. А. Соловьев считает, что «пока», т. е. в начале XX в.) оставались в меньшинстве. И это и вина, и беда сторонников либеральной идеи. Традиции и ментальность русского общества базировались и базируются на иных приоритетах. И в этом главный просчёт и земцев, и «освобожденцев», и кадетов, и П. Б. Струве, и П. Н. Милюкова, и иных. В итоге история русского либерализма начала XX в. закончилась в первой волне русской эмиграции.

«Не удалось укорениться в массовом сознании и идеологии либерализма, – отмечает один из авторов монографии, – особенно в его октябристском варианте (речь об «октябристах – В.Т.), в котором защищались интересы крупных промышленников и предпринимателей, значительная часть которых мыслила и действовала традиционно» [т. 3, с. 876].

Самый большой том монографии посвящён социалистическим партиям России. Над томом работали В. В. Журавлев, Я. В. Леонтьев, О. Л. Протасова, Д. И. Рублев, П. Ю. Савельев, М. Д. Трухин. Каждый из авторов известен своими работа-

ми в области и политической мысли, и политических партий – социал-демократов, социалистов-революционеров, левых социалистов-революционеров, «трудовиков», анархистов.

Чем объясняется такое внимание авторов к социализму? Только одним: социалистическая идея оказалась востребована в России благодаря российским традициям и ментальности. Стоит, однако, оговориться: *идея*, но не *партии*, каждая из которых хоть в чём-то (в программе или действии), не устраивала обывателя.

Тому подтверждением может служить следующий факт: несмотря на то, что после поражения Первой российской революции 1905–1907 гг., социалистические партии потеряли большую часть своих членов, после Февраля 1917 г. начался стремительный численный рост, который вновь, в годы Гражданской войны, сменился новым оттоком [т. 3, с. 200, 473, 759, 777].

Адепты социализма позиционировали себя, и это авторы особо подчёркивают, исключительно как выразителя интересов большинства российского населения. Но большинство населения империи в начале XX в. составляло, как известно, крестьянство. Быть может поэтому, социалисты-радикалы (большевики), делавшие ставку на промышленный пролетариат, недоучтя социальные особенности последнего, вынуждены были весной 1921 г. под давлением крестьянского большинства отказаться от основных марксистских идей (ликвидация частной собственности, рынка, товарно-денежных отношений) и допустить возвращение либерально-капиталистических идей в экономике.

Авторы тома отмечают, что ставка партий на тот или иной слой предопределяла пути и направления социального переустройства страны – реформы или революция [т. 3, с. 11]. Так ли это? Российское общество начала XX в. отличалось социальным нетерпением и требо-

вало всего и сразу, что подразумевало осуществление изменений революционным путём и радикальными средствами. Желание же умеренных социалистов осуществлять изменения планомерно и постепенно вызывало лишь критику, недовольство и повышало статус социального напряжения. В результате сторонникам изменений реформаторским путём приходилось расставаться с властью, подвергаться репрессиям и спасать свою жизнь в эмиграции.

Авторская позиция в оценках ситуации в социалистическом движении начала XX в. судеб социализма в России [т. 3, с. 6–12] нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем развитии. Попробуем предположить: социалистам, уже с момента организационного оформления партий, не удавалась консолидироваться ни по одному вопросу (Г. В. Плеханов *versus* В. И. Ленин, II съезд РСДРП, меньшевики и большевики). Чем дальше, тем больше. Даже бесспорное для них свержение монархии вызвало кризисы кануна Октября 1917 г., а затем последовали и Викжель, и Брестский мир, и мятеж левых эсеров. И во всех случаях мы наблюдаем только «расколы», имевшие место в социалистическом движении. Невозможность выработки единой позиции привела к тому, что социализм в России представлялся лишь одной партией, одним политическим видением мироустройства. И это «единство», подкреплённое верой в неизбежность мировой революции (в которую уверовали не только правящие единолично большевики, но и преследуемые ими и меньшевики, и эсеры) конвертировали социалистическую идею в России – и без того утопическую – во что-то такое, что практически невозможно было охарактеризовать и определить однозначно.

Подводя черту под оценками в политической истории России социалистов, один из авторов монографии отмечает: «Гораздо большей популярностью в массовом сознании пользовались идеи со-

циалистических партий, которые в своих моделях предлагали радикальное решение объективно назревших проблем бытия в интересах большинства населения» [т. 3, с. 876].

Радикализм, видимо, заключался в том, чтобы «взять всё и поделить»?

Трёхтомник подытоживает заключение В. В. Шелохаева (на ряд его выводов мы уже выше ссылались), общепризнанного и бесспорного специалиста и знатока политической истории России конца XIX – начала XX столетий [т. 3, с. 863–879]. Однако ряд моментов, отмеченных маститым исследователем, требует разъяснений. Справедливости ради отметим, что в других своих работах автор послесловия подкрепляет свои идеи подробными и убедительными обоснованиями¹.

В. В. Шелохаев отмечает: в исследовании показано, что в начале XX в. все без исключения политические партии в России совершили стремительную «пробежку» в своей эволюции.

А было ли у них время на последовательную эволюцию? Всего-то 12 лет (1905–1917 гг.). Но даже эта 12-летняя история представляет собой прекрасный образчик того, что дала России история политических партий начала XX в.

И всё же не так всё просто в истории политических партий России начала XX в. И с этим, мы уверены, автор послесловия согласится. Что, в принципе, подтверждается его же итоговыми замечаниями.

1. Российская многопартийность формировалась в условиях не завершившегося процесса модернизации (в самом широком понимании смысла этого понятия), в т. ч. и при отсутствии зрелого гражданского общества, одного из важных факторов развития государства.

А разве могло быть по-другому в ситуации существования «общества догоняющего типа»? И разве не политизация

¹ Шелохаев В. В. Многопартийность в России в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2023. 672 с.

общества должна способствовать эволюции его гражданственности?

2. «Интеллигентское инициативное меньшинство распадалось на множество идейно-политических группировок, которые имели своё видение прошлого, настоящего и будущего России. Каждая из этих группировок, преследуя собственные цели, находилась в поисках соответствующих «социальных ниш». И каждая внедряла в общественное сознание идею о перспективности именно её модели преобразования России. Количество подобных моделей и субмоделей многократно превосходило реальные возможности страны» [т. 3, с. 877–878].

В общем и целом согласиться можно: да, налицо политизация «интеллигентского меньшинства, что, впрочем, для истории России не ново и не оригинально; да, каждая из групп и каждое из объединений искало свою «общественную нишу» (что понятно и бесспорно). Но далеко не все стремились и рассчитывали, а уж тем более внедряли свои идеи в общественное сознание. Выше уже отмечалось, что очень многие российские мыслители – вне оценок их общественной величины – «варились» исключительно «в собственном соку». Какое уж тут «внедрение»?

3. Формирование более 100 (!) политических партий в начале XX в. представляло собой логическое продолжение «той же идейно-политической борьбы, которую вели между собой уже несколько поколений инициативного меньшинства. При этом у политических партий и групп не просто сохранялось, но усиливалось взаимное неприятие друг друга, причём нередко они принадлежали к одному и тому же политическому направлению» [т. 3, с. 878].

Не всегда так. Периоды «неприятия» сопровождались короткими периодами временных союзов, которые существовали, как правило, очень непродолжительное время.

Таким образом, история политических партий в России начала XX в. вызывает больше вопросов, чем ответов. Уж очень она отличалась от партийного строительства в Европе. Что, впрочем, не удивительно.

И ещё 2 пункта, которые представляются нам наиболее важными. История многопартийности в России начала XX в. важна в большей степени с позиции осмысления морально-этической ответственности «инициативного меньшинства», которое ради собственных идейно-политических установок было готово рискнуть и пойти на эксперимент общенационального характера. В результате формировалась партия, которая была убеждена в своей идейно-политической правоте и нетерпима к своим оппонентам [т. 3, с. 878–879].

Как образно и совершенно точно подметил один из авторов тома, В. В. Журавлев, российская многопартийность начала XX в. представляла собой своеобразную «ярмарку идей, программ, стратегий и тактик» [т. 3, с. 13]. И с этим не поспоришь. Мало того, зачастую здравые идеи о развитии государства подменялись общими рассуждениями, штампами, бессвязными междометиями.

Насколько это было интересно обывателю? Это было неважно. Ставка в борьбе за адептов делалась, переиначивая фразу Э. Бернштейна, на иное: цель – все, движение – ничто.

В итоге, Октябрь 1917 г. положил конец многопартийности в России как историческому феномену.

Подводя черту под, может быть, несколько эмоциональным разбором работы, отметим: рецензируемая нами трёхтомная история политических партий в России начала XX в. представляет собой уникальное исследование того, к чему приводит попытка выстраивания политических конструкций в стране, где традиции и ментальность требуют совсем иного.

Дата поступления в редакцию 01.03.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научного центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории Российской академии наук;
e-mail: telitsyn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim L. Telitsyn – Dr. Sci. (History), Prof., Leading Researcher, Scientific center «XX century: sociopolitical and economic problems», Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: telitsyn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Телицын В. Л. Рецензия на книгу: Политические партии России. Конец XIX – начало XX вв.: в 3 т. / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 2067 с. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 164–171.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-164-171

FOR CITATION

Telitsyn V. L. Book review: Political parties of Russia. The end of the 19th – beginning of the 20th century: in 3 volumes / ed. V. V. Zhuravlev. Moscow: Politicheskaya encyclopedia Publ., 2022. 2067 p. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 164–171.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-164-171

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024. № 2

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10,75, уч.-изд. л. 13,25.
Подписано в печать: 30.04.2024 г. Дата выхода в свет: 17.06.2024 г. Заказ № 2024/04-06.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А